

№ 13, Апрель 2021

РУССКИЙ РАССКАЗ

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТОМНИМ...	Ведущий раздела Андрей Савельев	
Андрей Савельев «Горькая судьбина писателя, который придумывает себе беды»		3
РУССКАЯ СКАЗКА		
Елена Лопатина-Кибис «Триключения Уйки»		8
Виктор Зубарев «Котенок и солнечный лучик»		25
ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТЕЙ, НОВЕЛЛЫ, ЭССЕ		
Надя Бирру «Гадание» (из романа «Тришелец»)		28
Николай Мильшин-Ходанов «Ртуть»		33
Лариса Миронова «Макиавелли и Голландия 17-18 веков» Часть IV		48
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ РАССКАЗЫ		
Александр Ботвинов «Суд тройки»		52
Александр Вовк «Гремучая смесь»		54
Владимир Гахов «Опрокинулось небо»		58
Игорь Исайчев «Современная Достоевщина»		60
Сергей Карпенко «Разбой»		63
Маргарита Кузьменко «Сашка»		69
Лана Лэнц «Принц»		79
Дмитрий Ляляев «Докатились»		84
Сергей Макаров «Роман в тамбуре»		89
Лариса Маркиянова «Бешеные бабки»		101
Ольга Маслюкова «По кривой дорожке»		110
Татьяна Назарова «Мамин парашют»		119
Алексей Писемский «Богатые лгуны и бедный»		121
Вероника Романовская «Ребенок от чужого мужа»		126
Сергей Савченков «Не простил»		132
Татьяна Скворцова «А-МЕ-РИ-КА-НЕЦ!»		134
Ирина Соляная «Старушка-веселушка»		140
Сергей Кляус «Подорожники»		148
От редакции		152

ВСПОМНИМ...

Андрей САВЕЛЬЕВ

**ГОРЬКАЯ СУДЬБИНА ПИСАТЕЛЯ,
КОТОРЫЙ ПРИДУМЫВАЛ СЕБЕ БЕДЫ**

23 марта исполнилось 200 лет со дня рождения Алексея Феофилактовича Писемского (1821-1881).

Умер он за неделю до Достоевского, но если Достоевского в последний путь провожала толпа рыдающего народа, то Писемский ушел тихо, как и жил последние лет пятнадцать. Это удивительно, поскольку на рубеже 1860-ых Алексей Феофилактович, как писатель, котировался выше Достоевского, стоя в одном ряду с Тургеневым и Гончаровым.

Жизнь, в силу мнительного характера, выпала Писемскому не сладкая, и закончилась она, хоть святых выноси.

Навязла уже фраза «Все мы родом из детства», но чтобы понять Писемского надо знать, откуда

свалился он на журнальные страницы, влюбив в себя на целое десятилетие всю читающую Россию.

Рос мальчик в усадьбе Костромской губернии, не в нищете, но нуждаясь постоянно. К моменту рождения Алексея некогда славный род Писемских обеднел – разорился. Дед Писемского даже грамоте обучен не был, тем показательнее писательский успех внука.

Алешу в бедной усадьбе окружал тот самый простой народ, в размышлениях о судьбах которого будут ломать ретивые перья либералы, консерваторы, западники, славянофилы. Писемский же, хорошо сей народ знавший, попытается встать над схваткой, ибо правым не сочтет никого.

Ему не позволяют.

Но об этом ниже.

С молодых ногтей Алеша впитал суеверия, сделавшие трудной его жизнь. Простонародные рассказы о мертвецах, зачатых кладах, чертях, русалках, заколдованных псах мальчик не просто запомнил навсегда, он в них поверил. Отсюда, с расшатанных некритичным детством нервах, идет мнительность Писемского, его боязнь грозы, собак, темноты.

Впрочем, странности характера Алексей Феофилактович начнет проявлять во второй половине жизни. А в первой закончит Московский университет, пройдет через чиновные канцелярии секретарем, счастливо женится, дети пойдут.

Вот о детях подробнее, это важно. Запомните их имена: старший Павел родился в 1850, в следующие два года появились Аполлон и Николай. Была еще дочка Евдокия, но это для рассказа не существенно.

Слава Писемского вспыхнула, когда в журнале «Москвитянин» появилась повесть «Тюфяк». 1850-ые прошли под знаком писателя, его имя звучало рядом с Львом Толстым, Тургеневым, Некрасовым. Роман «Тысяча душ» зачитывали до дыр. Спектакль «Горькая судьбина» обошел столичные и провинциальные театры.

Гонорар Писемского достиг 200 рублей за авторский лист (в чиновниках получал он едва ли больше 15 рубликов в месяц). Ехидная Авдотья Панаева хорошо запомнила речи крикливого Писемского, упивающегося славой.

«Господа, намотайте себе на ус, я ведь за этот роман назначу высокую плату за лист. Дудки, я теперь цену себе знаю. Уж разведчики засылались ко мне из «Отечественных Записок» выпытать, сколько я хочу взять за роман. Тургеневу вы платите дороже с листа, потому что он умеет, шельма, облапошивать вас, и я согласен с ним, что надо с вас лупить побольше! Ведь в сущности Тургенев только эпизодики пишет, а я создаю цельную жизнь в своем романе — это поважнее. Значит, я-то еще более имею, права содрать с вас хорошую деньгу. Баста, больше простофилей не буду... нажмем вас! Ведь без нас вы пропадете... Тургенев тонкий дипломат, он вразумил меня, что вам пальца в рот не клади».

Возможно, в Панаевой говорила обида, ведь неделикатный Писемский позволял себе намеки на треугольник супругов Панаевых и Некрасова даже в печати.

Уже тогда, в момент высшей славы, проявились черты характера Писемского, сделавшие его персонажем городских анекдотов, хотя смеяться было не над чем, - страдал человек.

Речь идет о мнительности писателя; о раздувании мельчайших проблем в глобальные; о бесплодных фантазиях, треплющих нервы.

Вот Писемского приглашают на фрегат для чтения своих вещей великому князю Константину Николаевичу. У автора паника, - утонет этот фрегат, как пить дать!

А сколько раз Писемский, спеша по делам, разворачивался и возвращался домой, встретив на пути собаку (даже безобидного щенка). Этот выпускник университета, которому внимала вся страна, пребывал в дремучем убеждении, что встреченный пес любому делу вредит.

Кроме собак, Писемский боялся лошадей, утверждая, что от них того и гляди подхватишь сап.

Возвращаясь домой, хозяин застывал на пороге, боясь открыть дверь. Признавался:

«Мне часто приходится стоять у порога моей двери с замиранием сердца: что, если дом ограблен, кто-нибудь умер, пожар сделался – ведь все может случиться».

Даже полученные гонорары становились для Писемского источником проблем. Ему казалось, что издатели (вот ведь зловредные люди!) нарочно подсунули фальшивые купюры. Он бежал в казначейство, с просьбой проверить деньги.

И вообще, как писал один из современников:

«Его тревожили известия и события, возникшие даже на очень дальних пунктах от места его пребывания, хотя он и не мог сказать сам, в чем состоит тут опасность для него».

Из всех страхов Писемского один имел над ним особенную власть: страх заболеть. Словно нарочно, растравливая себя, писатель часами листал медицинские справочники, находя в различных описаниях болезни свои. То он подозревал катар кишок, то придумывал поражение печени, при каждом колотье в боку обкладывался горчичниками. Служить, конечно, при такой мнительности было сложно. Умученный, самим же им придуманными болезнями, Писемский вышел в отставку.

Но еще до этого с треском потерял он литературную славу.

Как говорилось выше, Писемский избегал как левого, так и правого лагеря, стремясь к взвешенным оценкам. Он желал добра крестьянству, не слишком сильно

обольщаясь насчет моральных качеств мужика. Странно, мнительный Писемский ко всему искал рациональный подход.

Это его и погубило.

В начале 1960-ых Алексей Феофилактович редактировал журнал «Библиотека для чтения». Его никак нельзя было счесть ретроградом, но и молодое поколение нигилистов-ниспровергателей писатель активно не жаловал. Прогрессивные веяния по Писемскому были шваль, говорильня одна. В одном из фельетонов, он проехался насчет воскресных школ, говоря, что вряд ли ребяташки оценят демократические тенденции учителей, называющих их на «Вы». Попало и Литературному фонду, по Писемскому одни и те же авторы с чтением одних и тех же отрывков только снижают интерес публики, которая жаждет новизны.

Неожиданно на Писемского спустилась свора демократов, в лице сотрудников «Искры» и «Русского слова». Их поддержал влиятельнейший «Современник» (Некрасов был обижен на Писемского за уход из журнала и намеки на Панаеву). Дело едва не дошло до дуэли, сотрудники «Искры» Курочкин и Степанов прислали Писемскому вызов.

Самое тяжелое в этом следующее: оппоненты призвали объявить Писемскому литературный бойкот, а Писемский поверил, что бойкот объявлен. Он бросил журнал, переехал из Петербурга в Москву, где написал антинигилистический роман «Взбаламученное море».

Насколько общество интересовалось литературой, говорит следующий факт: за «Взбаламученное море» Писемского на улице освистала толпа студентов, — те самые преданные читатели, готовые до этого носить его на руках.

Так или иначе, но после «Взбаламученного моря» Писемский больше не писал в полную силу. Поздние вещи его проходили незамеченными, без ажиотажа. Примерно тогда автор, прежде придерживавшийся здорового образа жизни, начал попивать. Федор Кони вспоминал, что уже в 1865 году Писемский глотал рюмку за рюмкой, а на недоуменный вопрос: «Зачем?», ответил, мол, иначе не заснуть.

Но Писемского, кроме трагедии творчества, поджидала еще трагедия личная. Подросли сыновья.

Средний сын Аполлон, больших хлопот не доставлял; старший Павел и младший Николай считались семейной гордостью. Мальчики блестяще закончили университет, Павлу даже прочили место профессора. Николай служил в Министерстве путей сообщения. О его самоубийстве телеграфировал отцу 14 февраля 1874 года Аполлон.

На похороны в Петербург Писемские не поехали. Алексея Феофилактовича сразил удар.

С тех пор ипохондрия Писемского только прогрессировала. Он постоянно мучился вопросом: «Почему сын пустил пулю в лоб?», не в силах принять ответ,

содержащийся в корреспонденции «Полицейских ведомостей»: «Поступок этот совершен им в припадке меланхолии».

Как итог, - Писемский начал волноваться за старшего сына, Павла. Он стремился всюду его сопровождать, а когда поехал на отдых за границу, чуть с ума не сошел, представляя незащищенного от бед Павлика. Тот не приехал в назначенный срок, и Писемский бросился на вокзал выяснять, где произошла железнодорожная катастрофа, унесшая еще одного сына, и как получить тело.

Волноваться о Павле причины имелись. Алексей Феофилактович жаловался одной из корреспонденток:

«Меня постигло новое семейное горе. Павел, сын мой, все нынешнее лето находился в умственном расстройстве, так называемом маниакальном возбуждении, которое теперь хотя и прекратилось, но осталось еще апатичное состояние, так что он не читает лекций и не будет их читать весь нынешний год. Что касается до меня, то я, сломленный трудами моими и еще более того совершенно неожиданным и невыносимым горем, свалился, наконец, в постель»

Увы, на сей раз Писемский слег не от выдуманных болезней и больше не поднялся. Умер, не дожив до 60 лет пары месяцев.

Андрей Савельев, современный русский писатель

Андрей Савельев говорит о себе:

Родился в 1973, в Москве.

Пишу с 17 лет.

Веду блог ЖЖ о забытых персонах кино и литературы "Угасшие звезды"

РУССКАЯ СКАЗКА

Елена ЛОПАТИНА-КИБИС

ПРИКЛЮЧЕНИЯ УЙКИ

Глава I

Неожиданная находка

У меня бабушка ещё та сказочница была, иногда такое навывдумывает, что и сама путается правда ли это или вновь приукрасила. И у неё так всё ладно, да интересно получалось, хоть садись и книгу пиши. Как-то раз приехал я к ней на целое лето погостить, я ещё тогда совсем ребёнком был. Она рассказала мне правдивую историю за необычного смелого лисёнка и девочку Валю, которая нашла маленького зверька в лесной опушке и принесла домой, а потом никак не могла прогнать обратно. Так этот лисёнок тронул моё сердце, что по сей день у меня уважительное отношение ко всем живым существам, я ни в коем случае не причиню никогда им вреда. Начну с самого начала вам историю рассказывать. Валя жила в Седельниковском районе в деревне Баклянка, там очень красивые хвойные леса и природа почти сохранила всю свою первозданность. Вы мне не поверите: к ним даже могут заползти змеи в огород или напасть на скот волки. Люди там дружные живут, всегда придут на выручку друг к другу. А зимы там холодные, зато воздух чистый и свежий.

Вот в одно прекрасное утро Валентина отправилась со своими младшими братьями собирать берёзовый сок и когда они только хотели зайти в лес, кто-то по близости жалобно застонал. Вале тогда ещё и двенадцати лет не было. Все испугались, и давай бежать без оглядки, но девочка всегда была очень любознательной и не могла не утолить своё любопытство. Она стала робко идти за отчаянным стоном и

обнаружила истощавшее животное, которое лежало около своей норки возле высокой сосны. Вначале она не сразу поняла, что перед ней предстал умирающий от голода лисёнок, ведь от того, что его родителей убили охотники, больше никто не выжил из их многочисленного помёта, кроме самого сильного лисёнка. Он много дней находился без пищи, и его шёрстка стала вся грязно-серой с заплешинами, лишь только длинные ушки и хвост с белым пятном на конце выдавали его лисью природу. Валя не могла бросить на погибель беспомощного зверька и отнесла домой, тем более он даже не сопротивлялся, будто чувствовал, что девочка ему хочет оказать помощь. Пока её родители находились на работе, а раньше люди практически не бывали дома, а большую часть жизни проводили в труде на полях и на фермах. Все обязанности взрослых по ведению хозяйства брали на себя старшие дети, они даже присматривали за новорожденными братьями и сёстрами. Так что, Валентина уже имела представление как ухаживать за маленьким ослабленным лисёнком. Она дала ему парное молоко, которое он почти залпом слизал и довольный устроился у неё на руках, грея свой длинный нос обтрёпанным серым хвостом. Он был такой маленький, что с лёгкостью помещался в её ладошках. Девочка с любопытством наблюдала, как он посапывает, и с надеждой ждала возвращения своих родителей. Ведь Валечка очень переживала, что скажут взрослые по поводу проживания у них отощавшего зверька.

Вскоре вернулась её мама Ульяна Павловна с работы, чтоб покормить младшую полугодовалую сестру и когда она увидела лисёнка спящего на руках у Вали, грубо произнесла:

-Немедленно отнеси его обратно, откуда взяла. Он хищник и когда вырастет, принесёт нам немало хлопот.

-Но я не могу его оставить, он умирал. О нём не кому заботиться, если я его верну на прежнее место, он пропадёт. Ты сама мне говорила, что нельзя никого бросать в беде и нужно всегда приходить на выручку тем, кто в этом нуждается, - протестовала Валентина, у неё сжималось сердце от жалости к лисёнку.

-Научила на свою голову, вот ты у меня разумная не по годам. Невозможно тебя переспорить. Удивительно, что он вообще выжил и не был съеден другими хищными животными. Ты точно решила его оставить? Он будет на твоём полном попечении, я не буду за ним присматривать. Если лисёнок доставит нам проблемы, ты будешь сама за него отвечать, - нахмутив брови, пригрозила мама.

-Хорошо, я согласна. Но как этот пушистеный зверёк может чем-то нам навредить? - подумала девочка и не придавала большого значения словам своей матери.

-И какую ты ему дашь кличку? - поинтересовалась Ульяна Павловна, рассматривая ближе нового рыжего питомца.

Немного подумав, девочка ответила:

-Уйкой в честь здешней реки Уй, которая расстилается по всей границе нашей деревни.

-Необычная кличка, но красивая, - одобрила Валина мама.

Время шло неумолимо быстро, уже через пару месяцев из хилого на тонких длинных лапах зверька, вырос невероятной красоты лис. Его ярко-рыжая шерсть переливалась золотом и лоснилась от хорошего ухода ответственной хозяйки. Хвост у Уйки стал очень длинным и пушистым, которым он укрывался во время сна, как мягким одеялом. Лисёнок до такой степени обнаглел, что спал вместе со своей кормилицей и везде был с ней, словно он был членом их семьи. Как не пытался отец Вали прогнать на улицу Уйку, но всё было безрезультатно: он неохотно выходил, рыча и смешно твякая на него, но только стоило отцу отвернуться, как рыжий зверёк был уже на коленках у Валуши.

-Ну и хитрюга - этот лис. Видит, что его наши дети обожают, этим и пользуется, - заворчал недовольный Михаил Николаевич, папа Вали.

-Ты прав. Но у него такая милая наглая мордочка, разве можно устоять, - хмыкнула Ульяна Павловна, любуясь пушистым зверьком.

Глава II

Проказник Уйка

Однажды в их дом пришли жаловаться на Уйку соседи и грозились его убить, если ещё раз застанут лисёнка в своём дворе. Оказывается, лисёнок стал захаживать к ним в сарай и давить кур, причём так умудрялся проскочить мимо, что даже дворовые собаки Уйку не замечали. Михаил Николаевич очень рассердился на лисёнка и приказал дочери твёрдым, но спокойным тоном:

-Завтра, отнеси Уйку в лес и только попробуй меня послушаться. Я так и знал, что нельзя его было оставлять. Лесные звери должны жить на воле, а не поедать вкусные пироги твоей матери.

-Но папа, как он будет жить там один без нас? А если ему станет страшно и одиноко? Это предательство по отношению к Уйке, – заплакала Валечка и моля о пощаде, посмотрела на него.

Михаил Николаевич очень любил свою дочь и на этот раз не смог отказать ей в просьбе, погладив её по голове, нежно произнёс:

-Будь, по-твоему, но если это снова повторится, ты его унесёшь подальше от нас. Хорошо?

-Спасибо папочка, ты у меня самый лучший. Я так тебя люблю, - довольная девочка схватила лисёнка и закружила в танце.

– Вот видишь, как нельзя брать чужое. Только попробуй непослушный маленький разбойник, хоть ещё одну птичку обидеть, вмиг окажешься на воле, - пробубнила мама Вали, показывая пальцем на Уйку.

Лис понял, что его отчитывают, сделал обиженный вид и удалился в свою комнату.

Отцу пришлось отдать соседям пару кур и несколько десятков яиц, которые лисёнок разбил во время охоты. Михаил Николаевич несколько дней сердился на

лисёнка и старался не выпускать его во двор. Бедному зверьку пришлось из окна наблюдать за Валею, которая со своими братьями и младшей сестрой играли на улице. Лисёнок жалобно попискивал и хотел вместе с ними резвиться под тёплыми лучами летнего солнца, но никто на него не обращал никакого внимания. Так несчастный лисёнок в заточении провёл целую неделю. Все надеялись, что это наказание пойдёт рыжему зверьку на пользу, и он больше не будет охотиться по чужим дворам.

Глава III

Тяжелое расставание

К сожалению, вредный лис не успокоился и однажды ночью стащил с соседского сарая толстого гусака, которого даже пробовать на зуб не стал, а лишь разбросал по всему двору его перья. Тут у Михаила Николаевича сдали нервы, он схватил непослушного лисёнка и закрыл в деревянном ящике. Лисёнок жалобно пищал, крутясь и извиваясь как уж, его раньше никогда не наказывали. Валя хотела отговорить отца, но он решительно произнёс:

-Или ты его относишь туда, откуда взяла. Или я сам с него шкуру спущу, красивый воротник с Уйки получится. Твоя мама самая модная будет по нашей деревне ходить. Я и так неоднократно шёл вам навстречу, на многие его проделки закрывал глаза и напрасно. Послушай меня дочь, он уже никогда не поменяется. Раз Уйка вкусил вкус домашней птицы, его ты не сможешь перевоспитать. Не забывай, он хищник по своей природе.

-Папа, ну пожалуйста, отпусти его. Ему очень одиноко в ящике, он не привык жить взаперти, - жалобно умоляла отца Валентина, еле сдерживаясь, чтоб не разреветься.

-Но, завтра, чтоб его духу не было в нашем доме. Ладно бы ещё с нашего двора гусь пропал, так нет, этот хитрец у соседей наловчился проказничать. Мне людям в глаза смотреть стыдно. Придётся снова отдавать им за доставленные неудобства лучшего гусака. А так бы мы его сами зажарили и съели, теперь кашу всю неделю есть будем из-за твоего лисёнка, - на этот раз он категорично решил избавиться от непослушного зверька.

Валечка всю ночь не спала, старалась не упустить не одной прощальной минуты с любимым питомцем. Всхлипывая от предстоящего расставания, чесала ему за ушком и кормила хлебной коркой, которая для Уйки была самым вкусным лакомством. На рассвете девочка взяла своего пушистого питомца и понесла в лес. У неё дрожали руки и текли слёзы. Валентина всю дорогу целовала Уйку и нежно прижимала к груди. А лисёнок будто понимал, что маленькая хозяйка его хочет оставить в лесу и жалобно попискивал, преданно смотря в её большие серо-голубые

глаза. Девочка ещё никогда не была так несчастна, ведь она навсегда лишится самого преданного друга.

Когда Валя выпустила его на волю, он под ярким впечатлением от дивного и пленяющего красотой леса, забыл про свою хозяйку и побежал гонять маленьких перепёлок, которые прятались за жёлтым кустом можжевельника. Увидев лисёнка, испуганные птички разбежались по разным сторонам, оставив неопытного охотника ни с чем. Но отважный Уйка не собирался легко сдаваться. Он бросился за ними в погоню, убегая всё дальше в лесную чащу. Валечка не теряя ни одной минуты, побежала домой, постоянно оглядываясь в сторону леса, чтоб лисёнок не пошёл вместе с ней обратно.

Она не могла поверить, что ей пришлось бросить Уйку. Неужели она его больше не увидит? Слёзы градом катились из её печальных глаз, а сердце бешено колотилось от горечи разлуки. Это было просто невыносимо. Но стоило только Вале подойти к дому, лисёнок довольный уже поджидал её у крылечка, будто и не было у них никакого расставания.

-Ты что тут делаешь? Как ты смог отыскать дорогу? Ну и влетит нам с тобой от папы, когда он домой явится, - ругая лисёнка, пролепетала Валечка. – Что же мне с тобой делать? Пойдём я тебя покормлю.

Но лисёнок, отказался от приёма пищи, лёг ей в ноги и довольный засопел. Ему было очень спокойно и хорошо со своей доброй хозяйкой. Рыжий лис был счастлив и о предстоящем расставании даже не подозревал.

Поздно вечером Михаил Николаевич вернулся после тяжёлого рабочего дня и когда увидел лисёнка, разбушевался не на шутку:

-Я тебе что говорил, почему ты меня ослушалась?

-Папа, Уйка... - не успела девочка договорить, отец махнул рукой и вышел недовольный во двор.

-Ну, вот Уйка, нам снова придётся с тобой расстаться, - обняла девочка крепко пушистого зверька и отнесла в свою комнату.

Рано утром Михаил Николаевич сам разбудил Валечку и ещё раз напомнил об их недавнем уговоре. Девочка, потупив взгляд, понесла лисёнка к реке Уй.

-Прости меня Уйка и пожалуйста, не держи на меня зла. Ты был самым лучшим моим другом, я тебя никогда не забуду, - после этих слов Валечка схватила лисёнка за хвост, раскрутила его и перекинула на другой берег. Чтоб уже окончательно лисёнок не смог найти дорогу домой. И какое девочка испытала удивление, когда вновь его застала возле калитки своего двора.

-И как это понимать? - громовым голосом спросил Михаил Николаевич, смотря грозно на лисёнка.

-Папа, я не виновата. Я, правда, его отнесла, но он каким-то образом нашёл сам дорогу к нам, - по-детски объясняла отцу дочь. – Папа я хочу, чтоб он у нас остался. Он же мой друг, мне будет без него очень грустно.

-Даже не проси, завтра я сам с ним разберусь, - отец был неумолим.

Проснувшись с петухами, чтоб не разбудить дочь, Михаил Николаевич бесшумно взял лисёнка, который свернувшись клубочком, мирно спал у неё под ногами и понёс его далеко от их жилья. Несколько часов мужчина брёл по берегу реки Уй и когда уже прошёл достаточно длинный путь, схватил лисёнка за хвост и перебросил его на другую сторону со словами:

-Сам виноват, вот теперь ты точно не найдешь правильную дорогу. Привыкай к воле, здесь твоё место.

Довольный отец, думая, что наконец-то избавился от надоедливого лисёнка, отправился в поле косить сено для домашнего скота. Только когда стемнело, мужчина пришёл домой и не мог поверить своим глазам. Уйка ластился к его жене, выпрашивая только что испечённый ароматный хлеб.

-Ах ты, маленький хитрец. Ну, ты сам напросился, - разозлился отец Валентины и хотел вышвырнуть лисёнка на улицу.

-Не трогай Уйку! - прошипела Ульяна Павловна и продолжила говорить. – Раз он не хочет нас покидать, пусть живёт с нами. Мы сами виноваты, что лисёнка приручили. Лучше для него загон построй, где он днём будет сам проводить время, пока мы будем заняты и не сможем за ним проследить. Разве ты тоже к нему не прикипел?

- Ещё чего. Он мне уже с первого дня все нервы вымотал. Я только и ждал, когда смогу от него избавиться, - Михаил Николаевич старался не выдавать свои чувства к лисёнку, ведь он создавал вид сурового и строгого отца семейства, хотя все знали, что на самом деле он был очень добрый и жалостливый.

-Ну, ну, так я тебе и поверила, - засмеялась жена, с любовью поглядывая на мужа.

-Хорошо раз ты мне не веришь, завтра же его унесу, - пригрозил он.

-А что ты тогда детям скажешь? Я уже их обрадовала, сказала, что ты лисёнку специальную территорию выделишь, где он не сможет больше проказничать, - еле сдерживаясь от смеха, произнесла Ульяна Павловна.

-Да ну тебя, - махнул рукой Михаил Николаевич и принялся, с жадностью есть свежий хлеб, запивая парным молоком. За его движением тщательно наблюдал лисёнок, прося хитрым взглядом у сердитого хозяина лакомый кусочек хрустящей корки. Мужчина не смог устоять и как только жена отвернулась, незаметно Уйке просунул между столом любимое лакомство.

-А вот, я тебя и поймала, - засмеялась Ульяна Павловна, вовремя повернувшись в их сторону.

- Мне с тобой очень повезло. Ты меня знаешь больше, чем я себя сам, - в ответ произнёс Михаил Николаевич и тоже рассмеялся.

Несколько дней отец Валентины мастерил прочный загон для лисёнка, чтоб хитрый зверёк никогда сам не смог выбраться из него. Теперь все могли жить спокойно, не переживая, что он вновь проберётся к соседям или в их сарай. Уйке очень не нравилось сидеть одному взаперти, он жалобно просился на волю и если

его не замечали, начинал злиться и твякать. Но никто не поддавался на его уговоры, чем лисёнок был очень недоволен.

Глава IV

Отважный лисенок

Мама Валентины решила хорошенько запастись вареньем на зиму и ушла одна собирать дикую ежевику, пока она ещё не опала из-за проливных августовских дождей. К тому же, подумала она, - много времени на её сборы не уйдёт, часа на два не более, зато какая эта ягода вкусная и полезная. Женщина до такой степени увлеклась, что даже не заметила, как к ней прибежал на полусогнутых лапках Уйка. Лисёнок весь трясся и прижимал уши, он ещё никогда не был так напуган. Уйка нежно ухватился зубами за край её сарафана и старался как можно скорее увлечь хозяйку за собой от опасных кустов. Женщина сразу догадалась, что он подаёт ей какой-то знак. Она застыла на месте, опустив голову на бок, стала прислушиваться к посторонним звукам и чуть не закричала от ужаса. Недалеко от неё на другой стороне полтора метровых кустов ежевики вместе с ней собирала ягоду большая бурая медведица с медвежатами. Стараясь не впасть в панику, напуганная Ульяна Павловна схватила Уйку и очень тихо начала отходить, пройдя несколько метров, галопом побежала назад в свою деревню. Она даже не заметила, что оставила полное лукошко ягод в лесу.

- А, вот где Уйка! Этот маленький непоседа вырыл ямку и выбрался наружу. Я больше не буду вас слушать, а уже избавлюсь от этого наглеца, - выпалил Михаил Николаевич, когда увидел свою испуганную жену, стоящую на пороге дома.

- Я тебе избавлюсь, он мне жизнь спас. Если бы не он, я не знаю, что могла со мной сделать разъярённая медведица. К тому же она была с медвежатами, а ты сам знаешь, как опасно животное, которое защищает своих детёнышей. Как он сумел прочувствовать, что мне угрожает опасность? - обескуражено смотрела на Уйку испуганная женщина.

- Как я счастлив, что ты не пострадала! Я очень виноват перед Уйкой, если бы не его чутьё, я мог потерять тебя, - с ужасом произнёс Михаил Николаевич, прижимая жену к крепкому и сильному своему плечу.

-Лукошко жалко, я его там бросила. Вся работа насмарку, – приходя в себя, вспомнила женщина.

-Ничего, я тебе новое сделаю, ещё лучше прежнего. Только в другой раз будь внимательней, ну ты как ребёнок малый, - отчитал он свою жену.

Когда Ульяна Павловна успокоилась, Михаил Николаевич подошёл к лисёнку и погладил его по яркой шёрстке. С этого дня Уйка занимал важное место в этой семье. Никто даже подумать не мог прогнать лисёнка обратно в лес. Ведь все были благодарны ему за спасение доброй хозяйки.

Глава V

Наказание соседей

-И где этот рыжий зверёк? Весь день его не было дома, - поинтересовался у Вали её папа.

-Не знаю. Я уже начинаю волноваться. А вдруг с ним приключилась беда? – настороженно произнесла девочка.

-Доченька не выдумывай. Всё с ним хорошо, опять наверно где-то под забором спит или с окрестной малышняй играет, разные вкусности у них выпрашивает, - совершенно спокойно произнёс Михаил Николаевич.

Девочка нахмурилась и жалобно подняла свой взгляд на него.

- Не смотри так на меня. Ладно, пойду за ним схожу, - лениво произнёс уставший после долгого рабочего дня отец девочки.

Он обошёл весь двор, но лисёнка не обнаружил. Мужчина догадался, что нужно идти к соседу и выручать любимого питомца, тем более он уже не раз угрожал расправиться с Уйкой.

-Наш Уйка у вас? - увидев довольного соседа, спросил Михаил Николаевич.

-Да, он валяется под нашим сараем. Моя жена травила крыс и за одним, ваш Уйка тоже наелся яда, - засмеялся сосед Григорий Афанасьевич.

-Так почему ты сразу нам не сказал? - обеспокоено прокричал отец Вали.

-А оно мне надо. Он уже меня замучил, рыскает сутками возле нашего двора, то гнездо разорит, то курицу схватит. Мои собаки теперь без привязи бегают, птицу охраняют, - выругался Григорий Афанасьевич.

-Я тебе всегда возмещаю убытки. Ты же знаешь, как дети его любят. Ну, зачем ты так с лисёнком? Он же не со зла, молодой ещё, – покачал головой Михаил Николаевич и пошёл опечаленный за Уйкой.

Он очень боялся, что пушистый зверёк погиб. Как Михаил Николаевич посмотрит в глаза жене и детям? Мужчина запустил руку в глубокую дыру между сараем и притянул к себе полуживого лисёнка. Бедное животное тяжело дышало, и из его рта шла пена. Упав духом, он забрал лисёнка и поспешно ушёл. Григорий Афанасьевич виновато провожал соседа, ему ещё никогда не было перед ним так стыдно.

Всю ночь сражались за жизнь лисёнка Михаил Николаевич и Ульяна Павловна, отпаивали его солевыми растворами и лечебными отварами. Только под утро родители отошли от животного и усталые прилегли на пару часов отдохнуть. Валентина проснулась и подошла к Уйке. Ему ещё было совсем плохо. Девочка не могла без слёз смотреть на мучения её верного друга.

-Доченька, мы больше ничем не можем ему помочь. Нам только остаётся ждать. Надеюсь, лисёнок наш сможет оправиться, - дрожащим голосом говорила мама Валентины.

-Но почему Григорий Афанасьевич так бессердечно поступил с Уйкой? Я его ненавижу, - в сердцах произнесла девочка.

-Нельзя так, он просто не знает нашего лисёнка как мы с тобой. Григорий Афанасьевич защищал своё хозяйство, его тоже можно понять. Если Уйка выживет, мы обязательно его познакомим со всеми нашими соседями, потом они точно поменяют о нём своё мнение. Ведь лисёнка не возможно не полюбить, - успокаивая, пролепетала после тяжёлой ночи мама.

-Я на это очень надеюсь, - присела Валечка на корточки и стала просить лисёнка бороться за жизнь.

К большому удивлению Михаила Николаевича, который практически потерял надежду на спасение Уйки, лисёнок оказался невероятно живучим. За пару дней он полностью окреп и стал бояться приближаться близко ко двору Григория Афанасьевича. А дети, чтоб Уйка больше не бродил по чужим сараям, выводили его на прогулку в лес или на поле, где он мог без страха за своё здоровье охотиться на маленьких зверьков и пугать мелкую дичь.

Глава VI

Суровая зима

С каждым годом численность волков в их лесах начала быстро расти. А от того, что зима была слишком холодной и в это время года они обычно размножаются, волки стали голодать и вести себя весьма агрессивно. Они собирались крупными стаями и выискивали себе пропитание по всей территории Седельниковского района. Их можно было увидеть везде: на свалках, на дорогах, возле сельскохозяйственных угодий. В ближних деревнях люди стали жаловаться, что волки даже к ним в окна заглядывают и воют возле их жилищ по ночам, чем они представляли огромную для жителей опасность.

Однажды вечером, когда изворотливый лисёнок бежал по отведённому для него загону внезапно стал громко тявкать и пощёлкивать зубами. У него загорелись глаза сначала жёлтым, а потом красным цветом. Михаил Николаевич хотел Уйку занести в дом, но он никак ему не поддавался в руки. Лисёнок бежал кругами возле своего хозяина, показывая всеми своими действиями, что к ним приближается серьёзная опасность. Михаил Николаевич недолго думая забежал в дом за ружьём, чтоб дать отпор непрошеному гостю. Немного присмотревшись, храбрый мужчина увидел, как к ним во двор пытается пролезть голодный волк и выстрелил в воздух. Перепугавшись громкого звука животное, поджав хвост, убежало обратно в лес.

Понимая, что волк приходил на разведку и скорей всего, в любой момент может привести целую стаю в их деревню. Михаил Николаевич обошёл, все соседние дома и предупредил людей, чтоб они все были наготове и если бы не их

отважный лисёнок неизвестно, чем могла закончиться его встреча с диким серым волком.

Несколько дней люди придерживались особого плана безопасности: детям нельзя было даже выйти поиграть без взрослых на улице в снежки, покататься на горках. Раньше в школу и на спортивные занятия школьники ходили самостоятельно, а сейчас только под тщательным присмотром своих родителей. Ночами мужчины собирались небольшими группами и стерегли деревню от набегов волков. Но вскоре всё забылось и люди зажили обычной жизнью. Один лишь Михаил Николаевич был бдителен и чувствовал, что вскоре их ждёт встреча с большой стаей свирепых хищников.

Это была ничем не примечательная ночь, Валечка с братьями и родителями сидели возле русской печи и рассказывали разные байки на ночь. Рядом с ними довольный устроился на тёплой лежанке лисёнок, который иногда сладко потягивал и причмокивал. Вдруг он моментально оказался на руках у девочки и весь оцетинился. Валечка испугалась и отбросила Уйку от себя. Лисёнок не успокаивался, он начал громко рвать и скалиться, поглядывая в сторону входной двери.

-Папа мне страшно, - тихо пролепетала Валечка.

-Не бойся, я зажгу сигнальный огонь, и все наши соседи объявятся в назначенном месте. Только вы не высовывайтесь, я разберусь, - мужчина был решительно настроен и вместе с жителями деревни собрался на улице.

-Зачем ты нас всех среди ночи перебудил? Видишь, ничего не происходит, только от холода озябли, - выругался недовольный сосед.

-Нет, не зря вы пришли. Я знаю, что мой лисёнок нас предупреждает о надвигающейся опасности. Он меня ещё ни разу не подводил, - старался переубедить людей Михаил Николаевич.

-Ой, насмешил, выдумываешь сказки о своём питомце и нас запугиваешь. Почти неделю люди носа боялись из-за тебя и твоего наглеца показать. Совсем из ума выжил со своим воришкой ли... - но не успел Григорий Афанасьевич договорить, услышал протяжный и зловещий вой, от которого у него по всему телу пробежала мелкая дрожь.

Людей окружила огромная стая волков и готовилась к атаке. Хорошо раньше все мужчины занимались охотой и были готовы ко всем испытаниям суровой местности. Они в тот же час расправились со свирепыми волками, и больше никто не смел нарушать покой деревни. Все ликовали и хвастались своими новыми трофеями, а лисёнка на следующий день люди примечали разными лакомствами. Он под вечер так переел, что всю ночь не давал Валечке спать, то попискивал и ворочался до самого утра.

Глава VII

Найдёныш

- О, боже, что это ты Уйка притащил? Выплюнь его немедленно. Я кому говорю, - закричала недовольная Валя на непослушного лисёнка.

Но он её будто не слышал, а важно тащил чёрный и грязный комочек к ним во двор. Девочка хотела отнять новую находку лисёнка, но он ловко от хозяйки увёртывался. Только стоило Ульяне Павловне открыть входную дверь, лисёнок шустро прошмыгнул в дом.

-Что это ты нам занёс? – возмутилась Ульяна Павловна.

Уйка нежно посмотрел на хозяйку, разжал пасть, из которой выпал весь в мусорных опилках клубочек. Он жалобно стал мяукать и тереться об её ноги. И был до такой степени грязный, что его шерсть стояла дыбом как колючки у ежа.

-Откуда такое чудо? Ну что мне с вами делать? Мало того, что тебя приютили, так ты ещё всех бродяжек в дом тянешь. Как я теперь смогу его выставить, вдруг ещё пропадёт? – печально произнесла Ульяна Павловна.

Тут забежали детишки и стали его носить на руках, после чего на их одежде появились грязные пятнышки от лапок котёнка.

-Быстро отпустите бедное животное, а то блох ещё от него нахватаетесь. Позовите лучше Валентину, пусть котёнка хорошенько отмоёт. А то всё нам тут запачкает, - приказала добросердечная женщина.

Девочка неохотно взяла животное в руки и понесла в предбанник, где его хорошенько отмыла и просушила. И как же она была удивлена, когда вместо чёрного комочка увидела белого с чёрным носиком котёнка, который благодарно замурлыкал.

-Ну как же можно было выбросить такую кроху, - подумала девочка, глядя в его зелёные глаза. Довольная своей работой Валя занесла малютку в дом.

В начале его даже не признала Ульяна Павловна, от удивления раскрыла широко глаза и предложила найдёныша назвать Сахарком, на что все согласились. Младшие дети напоили котёнка вкусным молочком и играли с ним весь день, пока не пришёл с работы папа.

-Кто так пищит? Кого вы вновь принесли домой? – сердито спросил папа.

-Это не мы, а наш Уйка постарался, - ответила мама.

-Ну и зачем его к нам было в дом заносить? Коты в сарае жить должны, - отец схватил котёнка за шиворот и отнёс в тёплый курятник.

Но лисёнок принёс его назад. Михаил Николаевич хорошенько выругался на Уйку и вновь вынес во двор, а лисёнок опять в дом. Так продолжалось несколько дней подряд, сколько не наказывали лисёнка и даже вместе с котёнком оставляли во дворе, всё напрасно. Только предоставлялась возможность, лисёнок с Сахарком сидели на тёплой печи и довольные сопели. Котёнок до такой степени привык к Уйке, что когда лисёнок уходил в лес на охоту, он жалобно пищал не находя себе

места. И стоило только тому зайти в дом, начинались прыжки и догонялки по всем комнатам. Дети хохотали, а мама носилась за ними с берёзовым веником, стараясь их как можно скорее успокоить, так как питомцы поднимали пыль и даже разбили её любимую вазу. После чего они были строго наказаны и оставались без ужина.

Глава VIII

Рыбалка

Михаил Николаевич очень любил рыбачить и наконец-то у него выдался долгожданный выходной. Мальчики тоже хотели пойти с ним на рыбалку и с вечера приготовили рыболовные снасти. Но на следующий день как отец не пытался их пораньше поднять, никто не захотел просыпаться, лишь один Уйка прижимая уши, следовал за ним по его натоптаным следам. Сколько не старался Валин папа отделаться от настырного лисёнка, но он всё равно продолжал идти за хозяином к реке Уй. Выбрав для себя место более вероятного пребывания рыбы, мужчина сделал несколько глубоких лунок и начал поджидать улов.

Несколько часов просидел Михаил Николаевич впустую, совсем замёрз от холода и перед тем как решил бросать рыбачить, одна за другой стали ловиться крупные щуки. Обрадовался Валин папа, домой уже начал собираться и стоило ему только отвернуться скручивать снасти, Уйка от любопытства полез в ведро и перекинул весь улов, который вновь очутился в воде.

-Ах ты, голова садовая! Ну, зачем ты туда полез? Я так и знал, что тебя нельзя было с собой брать. Вечно ты всё портишь, - выругался мужчина, топая недовольно ногами.

Уйка испугался и пустился наутёк.

Идёт Михаил Николаевич под нос себе бубнит недовольно и тут как назло ему соседские мужики на глаза попадают, да посмеиваются над неудавшимся рыбаком. Вернулся совсем домой раздосадованный, а тут все в один голос:

-Ну, давай хвались, сколько рыбы наловил.

-А нет ничего, Уйка как всегда отличился. Зря только весь продрог, он назад в реку всю рыбу выпустил, - прошипел горе-рыбак.

-А мы думаем, почему Уйка раньше тебя домой пришёл и под печкой забился. Видать стыдно стало, понимает, что он виноват.

Тут лисёнок вынес Михаилу Николаевичу серую мышку, которую положил возле его ног, стараясь тем самым загладить свою вину. Но лишь Сахарок обрадовался такому подарку, в зубы цап и давай бежать, чтоб никто не отнял добычу, да ещё при этом урчал как трактор.

Все отвернулись от лисёнка, даже не глядят в его сторону. А он чувствует свою провинность, хвост прижал, мордочку длинную прячет, стыдно перед хозяевами, переживает. Только расцвело, лисёнок пошёл сам на речку, видит, мужики рыбачат, ходит возле них облизывается. Рыбаки помнят, как он их от

волков уберёт, рыбку мелкую предлагают, а он мордочку отворачивает на самую большую и жирную щуку поглядывает:

-Ну и хитёр же этот рыжий лис. На, бери, заслужил, - засмеялись мужики над наглым лисёнком, который больше своего веса по всей деревне рыбу тянул.

Пришёл домой лапами об входную дверь скребётся, язык на полметра от усталости выпал.

Валентина дверь открыла и закричала во всё горло:

-А вот кто у нас настоящий рыбак, смотрите, какую щуку поймал! Учись отец, как надо рыбу ловить, - засмеялась довольная девочка, поглаживая лисёнка по макушке.

Отец недовольный пожал плечами и ничего не ответил, но после того как отведал вкусной и наваристой ухи, которую приготовила мама, смягчился и больше на Уйку не злился. А лис важным сделался, добытчиком себя почувствовал.

Глава IX

Новое испытание

Наступила долгожданная весна, начал таять снег, побежали быстрые ручьи. Природа снова ожила после длительного зимнего сна, появились почки на деревьях, стали прилетать перелётные птицы. Во всех дворах люди поставили скворечники и радовались долгожданным пернатым друзьям, которые весело щебетали для них. Валентина очень любила это время года, тем более все её радостные события выпадали на этот период: её День Рождения, встреча с лисёнком, появление на свет младшей сестры.

У Вали было чудесное настроение, и она решила со своим любимым питомцем прогуляться возле леса, насобирать на проталинках белоснежных подснежников для мамы, но отец предупреждал самой там не бродить. Девочка была в этот день не внимательной и не услышала его предупреждения. Она шла за лисёнком, запнулась об корягу и упала на обыкновенную гадюку, которая водится в их местности. Змеи обычно не нападают на людей безо всякой причины, но девочка случайно придавила ей хвост. Гадюка впилась в руку Вали мёртвой хваткой, как девочка не пыталась её от себя оторвать, не смогла, пока змея сама не отцепилась. Получив большую дозу яда, девочка постаралась его самостоятельно удалить, после чего упала без сознания. Уйка очень испугался за хозяйку, облизнув её в лоб, немедленно побежал за помощью.

Хорошо, что отец наводил порядок во дворе, после долгой зимы и увидел растерянного лисёнка. Как же рыжий зверёк кричал, будто в нём сидел монстр, такие ужасающие звуки издавал лис. Отец понял, что случилась беда с Валею, тем более они ушли вместе на прогулку, но почему-то вернулся лишь один их пушистый зверёк.

-Показывай Уйка дорогу, - испуганно приказал Михаил Николаевич.

Лисёнок будто понимал значение этих слов, рванул впереди своего хозяина, постоянно оборачиваясь и зовя его за собой. Девочка лежала на земле и тяжело дышала, отец с дрожащими руками поднял дочку и отнёс домой, никто не мог поверить в случившееся. Ульяна Павловна побежала за помощью к знахарке, которая лечила всех людей в Баклянке и близлежащих деревнях. Она всем помогала и никогда никому не отказывала в просьбе.

-Девочка очень плоха, детям и животным сложнее пережить укусы змей. Хорошо, что вы ко мне сразу пришли, я дала вашей дочери противоядие. Но она получила большую дозу яда и теперь лишь остаётся уповать на её сильный молодой организм, - грустно произнесла знахарка.

Обеспокоенные родители не отходили ни на шаг от своей дочери, у неё постоянно поднималась высокая температура, которую сложно было сбить. Лисёнок тоже находился рядом с Валею, жалобно постанывая и надеясь, что она в скором времени поправится.

-Уйка, пойдём, я тебя покормлю, - предложила Ульяна Павловна, вытирая слёзы.

На что лисёнок даже не сдвинулся с места. Тогда мама девочки взяла Уйку на руки и отнесла к его миске, но он вновь бежал к своей хозяйке голодным, только Сахарок ел с аппетитом свою и лисёнка еду, не понимая, почему отказывается от вкусной пищи его друг. Но девочке не становилось лучше, несколько дней пролежала Валя в бреду и рядом с ней её преданный питомец, который сильно истощал и грустил. Как его не пытались накормить хозяева, он не брал даже крошки.

Через три дня девочка пошла на поправку. Все были очень счастливы, что в день, когда её укусила змея, Уйка находился рядом с Валею. И неизвестно, что было бы с девочкой, если бы лисёнок не позвал вовремя на помощь. С этого дня Уйка был ещё больше предан своей маленькой хозяйке. Он по пятам следовал за Валею, прислушивался к разным звукам и шорохам, чтоб больше никто не посмел ей навредить. А когда она была в школе, очень нервничал и переживал, ведь там Уйка уже не мог за ней присматривать, только когда девочка была с ним рядом, он чувствовал облегчение и спокойствие. Казалось, что у лисёнка с Валею какая-то особенная связь, будто он чувствует всё, что с ней происходит.

Глава X

Сахарок

Несколько дней Сахарок не появлялся дома, прибежит на пару минут поесть и вновь по посёлку слоняется, то с котами дерётся, то соседских собак дразнит. Один Уйка постоянно за друга волнуется, скучает, а тому и дела до него нет. Сахарок вырос большим котом, килограммов шесть наверно весил, а для лисёнка он всё

маленький. Уйка для него и мышек приносит, да едой своей делится. А Сахарок довольный не отказывается и ещё больше от него требует. Мальчишки кое-как ката на руки поднимают и довольные с ним везде по комнатам носятся. А Сахарку такие игры совсем не нравятся, на них недовольно ворчит, хвостом из одной стороны в другую машет, но не царапает и только предоставляется возможность сбежать, он как ракета выбегает на улицу. Потом опять ката по несколько дней не найти.

-Мне кажется, скоро наш Сахарок треснет. Он у нас такой обжорка за троих ест, да ещё умудряется Уйку оставить без еды. Мышей ловить не хочет, хорошо лисёнок вместо него на них охотится. И зачем мы его держим? Нет никакой от него пользы, - пробормотала Валя.

-Потому что мы его любим, его обожают твои братья и он наш друг. Не всегда любят за что то, бывает и просто так, - ответила Ульяна Павловна.

-Вчера Сахарок сметану слизал из моей чашки, стоило мне отвернуться, этот наглец залез на стол и всё съел. Вот мой Уйка, себе такого не позволит, - продолжала девочка.

-За то, кур похищать с чужих курятников лисёнок проявляет всю свою сноровку, - засмеялась мама Вали.

-Уйка уже давно охотится на поле или в лесу. Он понял, что с нашим соседом шутки плохи, - нахмурила брови Валентина.

-Ты права хороший у нас Уйка, нам с ним повезло. Пойдём лучше вкусных пирогов напечем, тем более печь нужно растопить. В доме слишком сыро и холодно стало из-за проливного дождя, который всё идёт не переставая. Так же вещи можно просушить на лежанке, да и самим полежать бока размять, тем более это самое любимое место твоего папы и мальчишек, - предложила Ульяна Павловна, на что Валя довольная кивнула головой.

Мама девочки приготовила сухих поленец и берёзовой коры для растопки русской печи, но не закрыла топливник, куда после длительных скитаний залез погреться Сахарок. Валя решила сама разжечь печь, хотя ей ни в коем случае родители не разрешали брать спички и тем более разжигать огонь. Но Ульяна Павловна отвлеклась и не заметила, что её непослушная дочь без труда подпалила бересту. После чего они дружно с Валей уже заканчивали вылепливать красивые пирожки, как затрещало что-то в печи, раздался страшный вопль:

-Мау, пшш, пшшш, мааааа....

-Что это? – испуганно, произнесла девочка и посмотрела на маму. Раньше в деревне вечерами бабки любили запугивать маленьких детей страшилками о домовых, которые из-за непослушных детей наводили в доме беспорядок и кричали устрашающими криками. Девочка ухватилась за маму, и они в оцепенении простояли несколько секунд, глядя друг на друга.

-Маау-маааау, пшшшшшшшш маааа... - ещё громче продолжился крик из печи.

Ульяна Павловна набралась храбрости подошла к печи и открыла дверцу топливника, из которой с молниеносной скоростью выбежал с подпаленными

боками Сахарок. Хорошо, что только пострадала у кота белоснежная шерстка. Он забился, шипя в угол, не подпуская близко к себе Валю.

-Ты что, сама печь растопила? – разозлилась на девочку мама.

-Но я тебе хотела помочь. Прости меня, - покраснев от стыда, произнесла Валюша.

-Детям огонь не игрушка! Мы сколько с отцом вам говорить можем. А если бы ты спалила Сахарку? Я понимаю, ты им недовольна, но чтоб его сжечь заживо, от тебя дочь я такого не ожидала, - бранила Валю Ульяна Павловна.

Михаил Николаевич, тоже был очень недоволен поведением своей неразумной дочери и хорошенько её перед всей семьёй отчитал. Вскоре они с Ульяной Павловной долго смеялись над Сахарком и прозвали его после этого случая Дымком. Один кот был не согласен с лёгким наказанием Вали и недовольно сверкал злобными глазами на девочку. Маленькой хозяйке ещё долго пришлось угождать питомцу, чтоб он, наконец, забыл обиды.

Глава XI

Пожар на ферме

Весь день мальчишки резвились во дворе и не заметили как младший Борис, полез по забору к овцам, чтоб их подразнить и на нём повис краем своей льняной рубахи. Дети не стали искать брата и вошли в дом, лишь лисёнок присматривал за глупым ребёнком. Вдруг Борис начал отчаянно кричать, от того, что самый большой и драчливый баран хотел его боднуть своими массивными рогами. Взбешённое животное несколько раз разбегалось, чтоб ударить мальчика, но лис всячески его отгонял, скалясь и уводя за собой.

На крик сына выбежали родители и отогнали подальше от него баранов. Борис был очень напуган, даже от страха говорить не мог.

-Ну что Боря, сколько раз мы тебе говорили не дразнить животных. Разве на забор можно взбираться? А если бы Уйка убежал в лес на прогулку, что бы ты тогда делал? Вы тоже молодцы, брата разве можно одного бросать было?- бранили родители маленьких проказников, которые не могли сдержать слёз, им было очень стыдно.

Родители так сильно перенервничали за детей, что долго не могли успокоиться. Только под вечер вся семья вздохнула с облегчением, готовясь ко сну. Лисёнок как всегда устроился в ногах у Вали, Сахарка вновь не было в доме. Он целыми днями напролёт проводил время на улице, как и все дворовые коты. А его шерсть так ещё и не отросла, чем очень веселила соседских ребятишек.

Где-то к трём часам ночи Уйка побежал будить Михаила Николаевича. Он взобрался на спящего хозяина и стал прыгать на нём как мячик, потягивая.

-Уйка перестань, - откинул его сонный мужчина, но лисёнок продолжал его будить, ещё с большей настойчивостью.

Тогда полусонный мужчина вскочил с кровати, наспех оделся и выскочил во двор. У него сразу пропал сон, когда услышал запах гари. Мужчина побежал будить жену и Валю, чтобы те предупредили соседей о пожаре, где загорелся амбар с зерном. А сам побежал на ферму отгонять стоявшие рядом с очагом горения трактора.

Хорошо люди вовремя подоспели и затушили недавно начатый пожар, который не смог перекинуться на другие рядом стоящие постройки. Как же все с этого дня полюбили Уйку, он стал большим достоянием этой деревни. Мужики даже несколько раз предлагали выкупить у Михаила Николаевича умного лисёнка, на что он, конечно же, не соглашался. Разве можно предать настоящую и крепкую дружбу? Тем более, лисёнок стал членом их семьи. Соседи до такой степени раскормили рыжего зверька, что он даже перестал охотиться и целыми днями лежал в траве, греясь на солнышке.

Валя очень гордилась своим питомцем, она никогда не жалела, что оказала ему помощь, ведь он не остался у неё в долгу.

Так бы и закончилась эта удивительная история об отважном лисёнке, который не раз выручал своих друзей. Но тут я увидел слезу у своей бабушки и сразу понял, что это она была той самой решительной девочкой, которая спасла беззащитное животное. Она достала из своего платяного шкафа старый альбом, где на общей семейной фотографии сидел на руках у девочки красивый и довольный лис. Я сразу признал в ней свою бабушку, по её доброй и нежной улыбке. И я удивился, что у лиса может быть такой умный и глубокий взгляд.

Вот так уже несколько поколений в наших сердцах живёт храбрый и преданный Уйка. За этого лисёнка ещё долго в деревне Баклянка будут говорить. Но конечно, моя бабушка как всегда преувеличила, а много или мало судить вам самим.

Лопатина-Кибис Елена Михайловна, современная русская писательница

Родилась в Омской области, в рабочем посёлке Павлоградка. Училась в музыкальной школе, имеет два высших образования (юридическое и экономическое), пишет на заказ картины маслом. Автор книг «Путешественники во времени», «По тропинкам в страну сказочных героев», «Сборник рассказов о дружбе», «Мои думы», «Свои как чужие». Периодически печатается в журнале «Литературный ковчег», её произведения звучат в литературном интернет-радио. Рассказ «Проделки ёжика Тошки» включен в итоговый сборник II международной премии в области детского литературного творчества «Алиса-2020». Сказки автора вошли в сборник новых сказок "ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО СКАЗОЧНИКОВ" (к 100-летию Джанни Родари) и в сборник «Вселенная новогодних ёлок». Участница различных литературных семинаров, состоит в молодежном литературном объединении Омска.

Виктор Зубарев

КОТЁНОК И СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧИК

(Сказка для маленьких)

На даче люди часто используют старую мебель, ненужную посуду или, например, шторы. В нашей истории в комнате висела штора с небольшой дырочкой. Через эту дырочку в солнечные дни проглядывал лучик, который упирался в пол ярким пятнышком.

Маленький котёнок Мурзик, которого привезли за город вместе с кошкой-мамой, с любопытством рассматривал этот солнечный лучик. Он подошёл к пятнышку на полу, понюхал его, лизнул, за тем попробовал лапой. Ничего не понял. Но почувствовал, что лучик тёплый. Котёнок повертелся вокруг, да и улёгся греться, подставив солнышку своё серое брюшко. Было так приятно, что он задремал. Когда проснулся, увидел, что лучик переместился, а тёплое пятнышко слезло с малыша, и теперь греет пол недалеко от котёнка. Тогда он снова лёг на этот кружок света. Но через непродолжительное время лучик опять сдвинулся. Котёнок начал толкать его назад, обнимать двумя лапками и кусать. Но достигнуть чего-нибудь у него не получилось.

- Что ты делаешь? – Спросила кошка, подойдя к своему котёнку.

- Хочу поймать этот лучик и положить на место, а он не ловится.

- Всё правильно. Его нельзя поймать.

Котёнок хотел выяснить, почему нельзя, но мама уже повернулась и ушла по своим делам. Озадаченный Мурзик вышел из дома и прилёг на травку около

крыльца. Он никак не мог понять, почему лучик невозможно поймать. Мышку, которая очень быстро бегаёт, поймать можно, а этого, который еле ползает, поймать нельзя. Странно как-то.

Тут, появился бродячий кот Бяшка. Он подошёл к малышу и поинтересовался:

- Чего опечален? О чем задумался?

Котёнок рассказал о странном лучике в комнате, и о том, как мама сказала, что его нельзя изловить.

- Ерунда! Если проявить смекалку, то поймать можно кого хочешь. А твой лучик я знаю, как надо ловить.

Ух, ты! Расскажи мне, пожалуйста.

- Во-первых, это дело должны делать двое. Во-вторых, нужна небольшая коробочка с крышкой. Ну и, самое главное, всё сработает только, если ты мне отдашь свою миску с обедом, которую тебе недавно принесла хозяйка.

- Забирай, конечно, и побежали скорее ловить.

Но «скорее» не получилось. Сначала Бяшка медленно и с удовольствием всё съел, а потом, сладко облизнувшись, спросил:

- А коробочка-то у нас имеется?

- В комнате я видел коробку из-под обуви.

- Ладно, пошли, посмотрим.

На самом деле, в углу стояла пустая коробочка от детских сандаликов. Мурзик и Бяшка перетащили её к солнечному пятнышку на полу.

- Значит так. По моей команде ты открываешь лапой крышку, чтобы лучик попал внутрь коробки, а затем, когда я скажу, резко отпускаешь крышку и плотно её захлопываешь. Понял?

- Всё понял! – с энтузиазмом отозвался Мурзик.

Сам Бяшка залез на стол у окна и пошевелил лапой штору.

- Ага, порядок! - про себя пробормотал Бяшка и, обращаясь к Мурзику, спросил: - Ты готов?

- Готов! Лучик залез в коробку.

- Тогда, на счёт три – захлопывай. Раз, два, три!

В этот момент Бяшка лапой дёрнул штору и дырка, через которую просвечивало солнышко, закрылась. Одновременно с ним Мурзик захлопнул крышку коробки. Лучик исчез.

- Вот и всё. Поймали! - С достоинством сообщил Бяшка, - а ты боялся: «Не поймать, не поймать!» Теперь смотри, не открывай коробку, чтобы он не выскочил.

- Спасибо тебе огромное!

- Ладно. Не за что. Я пошёл. Пока.

Вскоре в комнату вошла кошка-мама.

- Мурзик, ты почему всё время вертишься около обувной коробки? Что у тебя там?

- Солнечный лучик. – С гордостью ответил котёнок, - мы его с Бяшкой поймали. – И он рассказал, как это было.

- Глупый ты у меня. Обманул тебя бродячий кот ради миски с обедом. Ничего вы не поймали. Смотри! – и с этими словами мама отодвинула штору. На полу снова появилось солнечное пятнышко. Мурзик медленно, недоверчиво приоткрыл крышку и заглянул внутрь коробки.

- Действительно, пусто... - бедный котёнок чуть не расплакался.

- Не расстраивайся. Иди сюда, я научу тебя управлять лучиком. Берешь штору и двигаешь её туда-сюда, туда-сюда. Получается: есть – нет, включил – выключил.

- Ой! Как интересно. – Котёнок запрыгнул на стол и с радостью стал управлять солнечным лучиком.

Говорят, в итоге, он оторвал штору и был наказан хозяйкой. Но, надеюсь, что это – выдумки.

Виктор Зубарев, современный русский писатель

Родился в Магдебурге. Закончил ЛЭТИ им. В. И. Ульянова (Ленина). После института служил в частях ВМФ на Байконуре, затем до 1992 года в военном НИИ в Ленинграде. Уволился с должности старшего научного сотрудника. Написал более двадцати научных статей. Имеет семь изобретений и один патент. С 1992 года директор и генеральный директор разных: МГП, ТОО, ОАО. СП и ЗАО, С января 2019 года - пенсионер.

Творческую деятельность начал после выхода на пенсию с января 2019 года. Написал 52 рассказа. Финалист национальной литературной премии «Писатель года» за 2019 год в номинации «Дебют». Член Российского союза писателей с апреля 2020 года. Имеет публикации в различных печатных сборниках, изданных Российским союзом писателей и Международным Союзом Русскоязычных Писателей.

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТЕЙ, НОВЕЛЛЫ

Надя БИРРУ

ГАДАНИЕ

(Из романа "Пришелец")

– Это такой сон? – спросила Лена.

– Он мучает меня с двенадцати лет. Я проснулась в тот день и долго не могла прийти в себя: у меня было полнейшее, совершенно непередаваемое ощущение, что я только что откуда-то вернулась, что я на самом деле была где-то, и это не сон. И мне так хотелось, так надо было знать: где? И кто он? Я пыталась написать стихи, рассказ, чтобы как-то ослабить впечатление, но оно всё не уходит. Я часто думаю об этом, пытаюсь понять... Я тогда провела зимние каникулы у сестры, первый раз ехала одна на поезде и очень боялась проспать свою остановку, так что почти всю ночь я бодрствовала. Вернулась домой в шесть утра и сразу же уснула.

В комнате надолго воцарилось молчание. В большом доме они были сейчас только троём – Лена, Люда и Марта. Все остальные вместе с преподавателем отправились в клуб на дискотеку, за несколько километров от хутора.

За толстыми бревенчатыми стенами бушевала осенняя непогода. За окнами стояла непроглядная тьма. Собравшись у печурки и глядя на таинственное мерцание углей, девушки чувствовали особое расположение друг к другу. Нечто неосознанное, нечто настолько ускользающее, что всё множество названий не в силах передать сути, снизошло на них, объединяя, согревая, успокаивая. Сидя на полу перед раскалённой печкой в чуть освещённом алом полумраке, они точно попали в единое поле чувств, мыслей, настроений – им не хотелось шевелиться, не хотелось говорить, чтобы не нарушать эту особую минуту, подарившую им неземной покой, ощущение торжественности и великого смысла всего существующего, и полную светлую радость.

Лену особенно задел Надин рассказ. Она украдкой смахнула слезу, но она же первая и не выдержала:

– Хорошо сидим. А наши-то, небось, намерзнутся, пока дойдут.

– А мне даже не хочется об этом думать, – произнесла Люда. – Ворвутся, начнут галдеть. Кажется, что время стоит, и мы будем так сидеть, сидеть...

– Пока не состаримся, – прыснула хохотушка Лена. Снова немного помолчали, слушая, как воет ветер в трубе, да тихонько переговариваются в печи угольки.

– Марта, расскажи ещё что-нибудь, – попросила Лена. – Ты так интересно рассказываешь.

– Только не страшное, – вмешалась Люда.

– Ладно, ладно. Что бы вам такое рассказать... А! Расскажу про гадание. Это было года три, наверное, назад, когда я ещё училась в школе, и нас, как сейчас, послали на картошку в ближайший совхоз...

*Избави мя от уст пагубного змия,
Зияющего пожрети мя и свести
Во ад жива*

Слухи о бабе Тане ходили по всему городу, что, дескать, живёт в Захонье бабка – очень хорошо гадает, берёт рубль и всю правду говорит. Марта тоже слышала о ней от своих подружек, но и думать не думала, что когда-нибудь случится так... А так случилось, что в один из октябрьских колхозных дней, когда собирали на поле картошку, одноклассницы заговорили о гадалке.

- Мы с Ирккой хотим к ней сегодня съездить, – сказала Юля. – Только нам одним страшно.

Слово за слово – и набралась компания в шесть человек: две Иры, Юля, Оля, Наташа и Марта.

Вечером девушки встретились на горке, на остановке, как и договорились. Ехали на автобусе, потом долго шли пешком через поле, по прихваченной ранним морозцем дорожке, пока, наконец, впереди не показалась деревенька. Совсем небольшая, пара улиц. Адреса никто не знал, но когда девушки спросили у работавшей в огороде женщины: «Где живёт баба Таня?», та сразу же показала дом.

Всей толпой, робея, вошли они в сени, где высокая крепкая старуха поила молоком двух мужиков. Это и была баба Таня – не старая ещё и совсем не страшная, с белыми волосами, покрытыми платком.

- Погадать? – сразу спросила она.

- Ага.

- А чего спужались? Только не всей гурьбой. Вот две останьтесь – одна тут, на лестнице, посиди, другая пойдём со мной, а остальные пока погуляйте.

- Вот вам и хлеб с маслом, сам пришёл – кивнула она мужикам и отправилась в избу.

Первыми отправились закадычные подруги Юля и Ира, которые всю кашу заварили. За ними другая Ира. А потом пришёл и Мартин черёд.

С любопытством вошла она в чистую, наполненную незнакомыми запахами комнату, убранную как-то чудно, по старинке, и как будто попала в другой мир: тихо тикали на стене часы с маятником, везде по тумбочкам и столам полно было белых вышитых салфеток, домотканая дорожка на полу и фотографии на стенах.

– Это сыночек мой, погиб в войну...

Эта первая фраза сразу расположила девушку к сидящей напротив женщине, в которой вовсе не было ничего особенного или таинственного. Страх куда-то исчез. Баба Таня взяла в руки карты, попросила: сними так-то и так-то, разложила их на

столе и заговорила... Говорила много, но каким-то мудрёным непривычным языком, так что Марта мало что поняла и ничего не запомнила. Собирая карты со стола, баба Таня произнесла, точно подводя итог:

- Да что карты, карты – это так, врут много. Я им не очень верю. Вот рука!.. Рука – это, доченька, план жизни. Рука не обманет. Тебе раньше гадали-то? Цыганка? Нет, доченька, у цыганок не гадай и у чёрных женщин, у кого волос чёрный, – они счастье отнимают. Да и вообще мой тебе совет: гадай поменьше – так и судьбу прогадать недолго. Правую руку клади-ка сюда.

Марта протянула правую руку ладонью вверх. Баба Таня посмотрела, пощупала.

- Чего рано-то пришла? Я до восемнадцати лет не гадаю, ну, уж ладно, раз приехали.

Нажала возле большого пальца и, присмотревшись, произнесла:

- Дети будут. Чего тебе гадать? Тебе учиться надо. Ты девочка сообразительная, учишься хорошо, но не всё пятёрки, четвёрки тоже попадают. Капризная маленько, забалованная, но ничего, характер потом у тебя поменяется. Обязательно тебе надо учиться дальше... А родители-то у тебя родные?

- Да.

- Оба?

- Мг.

- Чего-то я тут не пойму. Ну, сестра есть, намного тебя постарше будет.

- Ага, – подтвердила Марта, поражённая.

- Сейчас у тебя есть двое, можешь с ними дружить, можешь встречаться, но эти парни – не твои. Своего встретишь неожиданно, ты никогда его раньше не видела, он приедет издалека. Как будто бы после армии, не знаю. Где-то ты его встретишь лет в девятнадцать.

- Так рано?

- Ну, точно тут не скажешь – девятнадцать, двадцать, двадцать один, где-то в эти годы. Если он сделает тебе предложение, обязательно соглашайся. Не бойся! Это будет хороший человек. Если выйдешь за него, будешь очень хорошо жить, лучше, чем твои родители. Только запомни хорошенько, доченька, это будет не простое предложение, а означающее серьёзные перемены в жизни. Запомни, доча, первое предложение – обязательно соглашайся. Если не выйдешь за него, потом долго не выйдешь замуж. Потом будет ещё предложение – тоже хорошее, но уже не так хорошо, как это.

У бабы Тани были светлые голубые глаза, от неё шёл какой-то непривычный запах – точно трав или кореньев, и когда баба Таня наклонялась к девушке, та принюхивалась, стараясь угадать, чем же это пахнет, и некоторые слова пропускала мимо ушей. И всё же в этих «если» и настойчивых советах было что-то тревожащее.

– Сейчас високосный год. В високосный год тебе надо быть осторожной. Никому не верь, не выходи поздно на улицу. Хорошая рука! И жизнь у тебя будет удивлённая.

С этим «удивлённая» Марта вышла на улицу.

- Ну, как, ну, что? Что тебе сказали? – накинулись на неё подружки.
- Что жизнь у меня будет удивлённая.
- Как это «удивлённая»?
- Ну, удивительная, – пояснила Ольга.

Уже стемнело, когда девушки той же дорогой через поле возвращались домой, делясь впечатлениями. Как-то вдруг резко похолодало, по полю гулял порывистый леденящий ветер, трепал полы плащей и волосы, далеко в ночь унося приглушённые голоса.

Девочки особенно удивлялись точно угаданным подробностям: у кого сколько сестёр и братьев, у кого отец неродной или не хватает кого-то из родителей. Одной из подружек гадалка точно описала внешность её парня.

Марта плелась сзади и в разговорах не участвовала. Ветер дул прямо в лицо, руки коченели. Её знобило так, точно она внезапно заболела. Она вся сникла, ослабла, хотелось поскорее оказаться дома, в тёплой комнате, а ещё лучше – под одеялом в постели.

Добравшись, наконец, до дома, она чувствовала себя усталой, разбитой и больной. Мама была в командировке, а папа ничего не заметил, ни о чём не спросил. Она выпила горячего чая, всё наскоро записала в дневник и забралась в кровать.

Всю ночь её мучили кошмары: гигантский змей, обитающий во чреве Земли, преследовал её в какой-то башне. Марта крохотной точкой убегала от него по винтовой лестнице с этажа на этаж, забираясь всё выше и выше, а змей огромной своей головой пробивал каменный пол этажей прямо у неё под ногами. Вот-вот настигнет и проглотит! И неизвестно, сколько будет продолжаться эта гонка, сколько впереди ещё этажей, сколько ещё колец у змея? Будет ли спасение? Но самое ужасное заключалось в том, что гигантский змей во сне – это её мать.

- С тех пор больше не гадаю.

- А ты веришь ей? Ну, тому, что она сказала? – спросила Лена.

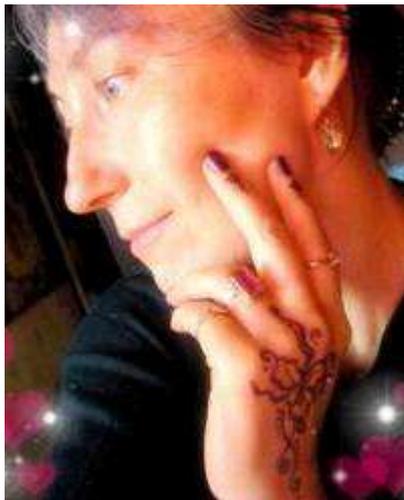
- Понимаешь, совсем недавно я узнала от сестры, что родители ещё до моего рождения чуть не развелись. Уже даже был назначен бракоразводный процесс, но они там снова помирились. И про учёбу, и про характер, и про двух парней, – всё это правильно. Но больше всего меня поразило моё плохое самочувствие после гадания и этот сон. Как будто я, в самом деле, вторглась в какую-то опасную область и коснулась чего-то запретного, но реального. Раньше я относилась к гаданию как к какой-то ерунде, а теперь знаю, что это серьёзно. И в самом деле – лучше не гадать. Чему быть, того не миновать. Зачем пытаться узнать будущее? Оно должно быть сокрыто. А то «если, если». Мне не понравилось. Я бы не рискнула повторить.

Опять сделалось тихо. Угли уже догорели. Люда поворошила их кочергой, и комната вновь наполнилась красноватым завораживающим мерцанием, а на

бревенчатых стенах заколыхались тёмные тени. В этом полумраке мир казался таинственным и неоднозначным.

- Марта, а ты помнишь, где эта баба Таня живёт?
- Ну... А зачем тебе?
- Погадать бы, – мечтательно произнесла Люда.

Надя БИРРУ, современная русская писательница

Надя Бирру живет в Эстонии. В 90-х годах училась в Киевском университете им. Т. Г. Шевченко на факультете журналистики. Позже получила педагогическое образование и степень магистра в Тартуском университете.

Дипломант двух конкурсов русской поэзии «Под небом Балтики» 2008 и 2016 годов. Стихи опубликованы в альманахе «Русский мир» за 2008 год и в сборнике современной русской поэзии «Под небом Балтики» 2015 г.

Автор нескольких романов, два из них выпущены в виде электронных книг Мультимедийным издательством Стрельбицкого. Несколько книг («Планета слёз. Роман в стихах», «Time of Tulips», «КАМА or It's Only Words») опубликованы автором.

Николай МИЛЬШИН-ХОДАНОВ**РТУТЬ**

Стал седым, мои ровесники, друзья, одноклассники и однокурсники уходят...

Есть о ком вспомнить и чем поделиться.

Вспоминаю...

В новой СШ№9 в начале 70-х на окраине шахтёрского города Дзержинска в Центральном Донбассе классы были переполнены, это если мягко сказать... Так, в нашем 8Б было 52 человека. К «микрорайонским» добавились ребята из Нахаловки - «нахаловские», а также «саманные» и «больничные»...

Школа № 7 г.Никитовки, в которую автор пошел в первый класс

В те счастливые безоблачные семидесятые годы беспокойного и жестокого XX века в нашем классе учились представители многих национальностей: русские, украинцы, белорусы, молдаване, евреи, немцы, поляки, корейцы, цыгане... Причём, если честно, то понимание того, что мы принадлежим к разным национальностям пришло к нам уже значительно позже - тогда, когда мы стали достаточно взрослыми, а точнее где-то годам этак к 25. А тогда мы все были «дети семьи трудовой» с просторов Великой страны — Союза Советских Социалистических Республик, настолько едиными и равными ощущали себя в ту счастливую пору все мы — дети начала космической эпохи, которые родились сразу после запуска первого советского спутника, во времена небывалого духовного подъёма в ЭПОХУ СОЗИДАНИЯ нашего великого многонационального советского народа.

Для меня это была уже третья донбасская школа, в которой мне довелось учиться, поскольку отец у меня был офицером Советской Армии, и его переводили на новое место службы каждые четыре года, а по молодости и того чаще. Наш классный руководитель Виктор Александрович — выпускник МГУ с красным дипломом,

красавец-мужчина с гвардейской выправкой, в запале частенько называл нас: «Вы не нормальные советские ученики, Вы дети гор!». И я скажу Вам честно, мы всячески старались соответствовать этому высокому званию, которое, честно говоря нам нравилось, но которое нас в тоже время ко многому обязывало. Вот об этом и мой сегодняшний рассказ. Хотя, честно говоря, в глубине души мы считали себя не только детьми рукотворных гор — шахтных терриконов, громадных рудничных отвалов и шлаковых гор, но и достойными детьми знаменитых донбасских степей. Вот именно об этом поколении и мой рассказ...

Родился я, как и многие тысячи детей советских офицеров в то время, в обычном гарнизоне Советской Армии. В южном приморском городке в старинном здании военного госпиталя, расположенном прямо на набережной, окна которого выходили на ласковое весеннее синее Чёрное море. Когда мне исполнился год, воинскую часть отца передислоцировали в КВО. Личный состав, семьи офицеров перевозили железнодорожными эшелонами. Техника транспортировалась на открытых платформах, а личный состав и семьи офицеров - по крайней мере, наша семья - по воспоминаниям родителей в вагонах-теплушках.

Вскоре мы оказались в Выползове на живописных берегах реки Остёр, впадающей в красавицу голубую Десну. Отцу посчастливилось служить в лучшей советской армейской учебной части - в посёлке "Десна" под началом героя сталинградской битвы командующего КВО Василия Ивановича Чуйкова.

Редкие счастливые часы отдыха, проведённые вместе с отцом на зачарованной Десне. В бутылке - головастики, пиявки и жуки-плавунцы, настоящее богатство, выловленное в тёплых водах старого русла Десны!..

Отца видел в основном по воскресеньям. Когда я просыпался - он уже был на службе, а когда ложился спать, его частенько не было дома. Он всегда односложно отвечал на мой вопрос:

- Когда вернёшься с работы, пап?
- Я не работаю, сынок, я служу!

Иногда добавлял: "Служу Родине и трудовому народу!". Помнится, я долго думал над папиными ответами, а для себя решил: "Нужно у мамы спросить, как и где можно договориться с Родиной и трудовым народом, чтобы они пораньше отпускали папу со службы..." Спустя годы, я сам себе смог ответить на этот важный для меня в ту пору вопрос.

После службы в учебном центре «Десна» отца перевели в посёлок Балаклея Харьковской области, где отец служил в должности начальника роты охраны позиций РВСН. В 1964 году после процесса над предателем полковником Пеньковским, в армии было проведено массовое сокращение — настоящая чистка офицерских кадров. Многие сослуживцы отца были досрочно демобилизованы из рядов Вооружённых Сил.

Отцу как он считал, ещё повезло — его не демобилизовали из рядов СА, а перевели на службу в Никитовский РВК крупного железнодорожного узла центрального Донбасса близ крупного шахтёрского города Горловки.

Жили мы в ту пору на «Холодильнике» - так называли местные жители небольшой жилой район из трёх двухэтажных домов из силикатного кирпича, принадлежавший Никитовскому хладокомбинату, одному из крупнейших в то время на Украине. Наш двор был окружён бетонным забором и изгородью из кустов жёлтой акации. В центре двора располагалась пара больших столов, вокруг которых кипела общественная жизнь нашего микроскопического дворового мира. Днём вокруг них бесилась детвора. А вечерами в выходные дни старшее мужское население «забивало козла», а также решало и обсуждало насущные мировые проблемы. Женская часть населения нашего «треугольника» располагалась вокруг самовара для чаевания и «светских» бесед и игры в настольное лото. Также на этих столах с добавлением вынесенных из квартир раздвижных столов проводились общие праздничные застолья — 1 Мая, День Победы, 7 ноября и проходили свадьбы, торжества по случаю юбилеев и траурные тризны-поминки по безвременно ушедшим в которых принимали участие все жители нашего небольшого дворового мирка...

«Золотой треугольник» – район проживания автора в детстве

Особенностью места расположения нашего двора являлось то, что он примыкал к громадному пустырю, который в конце стал стройплощадкой нового, крупнейшего в СССР Никитовского ртутного комбината. Вот в этом «золотом» треугольнике и

прошло моё дошкольное детство и первые два класса начальной школы. По периметру этого нашего «золотого треугольника» находились постоянно дымящий и пылящий доломитный завод, громадный хладокомбинат, а с третьей стороны к нашим домам примыкал громадный пустырь с оврагами, карьерами и развалинами дореволюционного ртутного завода, живописных полузасыпанных землёй «финских колодцев» и как нам, пацаньятам, казалось, громадным «Баскервильским» болотом.

Никитовские «Баскервильские» болота

«Золотой треугольник» располагался на своеобразном острове-территории, окруженном в свою очередь со всех сторон многочисленными железнодорожными путями, подъездными железнодорожными ветками предприятий, шахт, карьеров и маневровыми путями станции Никитовка. Эти железнодорожные пути и ветки буквально кишели и были почти постоянно плотно забиты движущимися и временно стоящими железнодорожными эшелонами с углём, металлопрокатом, цистернами, горным оборудованием и донбасским золотым зерном.

Финские колодцы представляли собой живописные развалины и кирпичные подземелья с арочными перекрытиями, засыпанные битым кирпичом, щебнем и

элементами бетонных конструкций, залитых водой в которой в несметных количествах водилось множество земноводных — жаб, лягушек, ужей, черепах, пиявок и жуков-плавунцов... Когда в студенческие годы я попал на премьеру фильма «Сталкер» Андрея Тарковского, кадры этого фильма, снятые гениальным режиссёром Тарковским и операторами Княжинским, Рербергом и Калашниковым очень мне напомнили картинки из моего детства, из нашего «золотого треугольника».

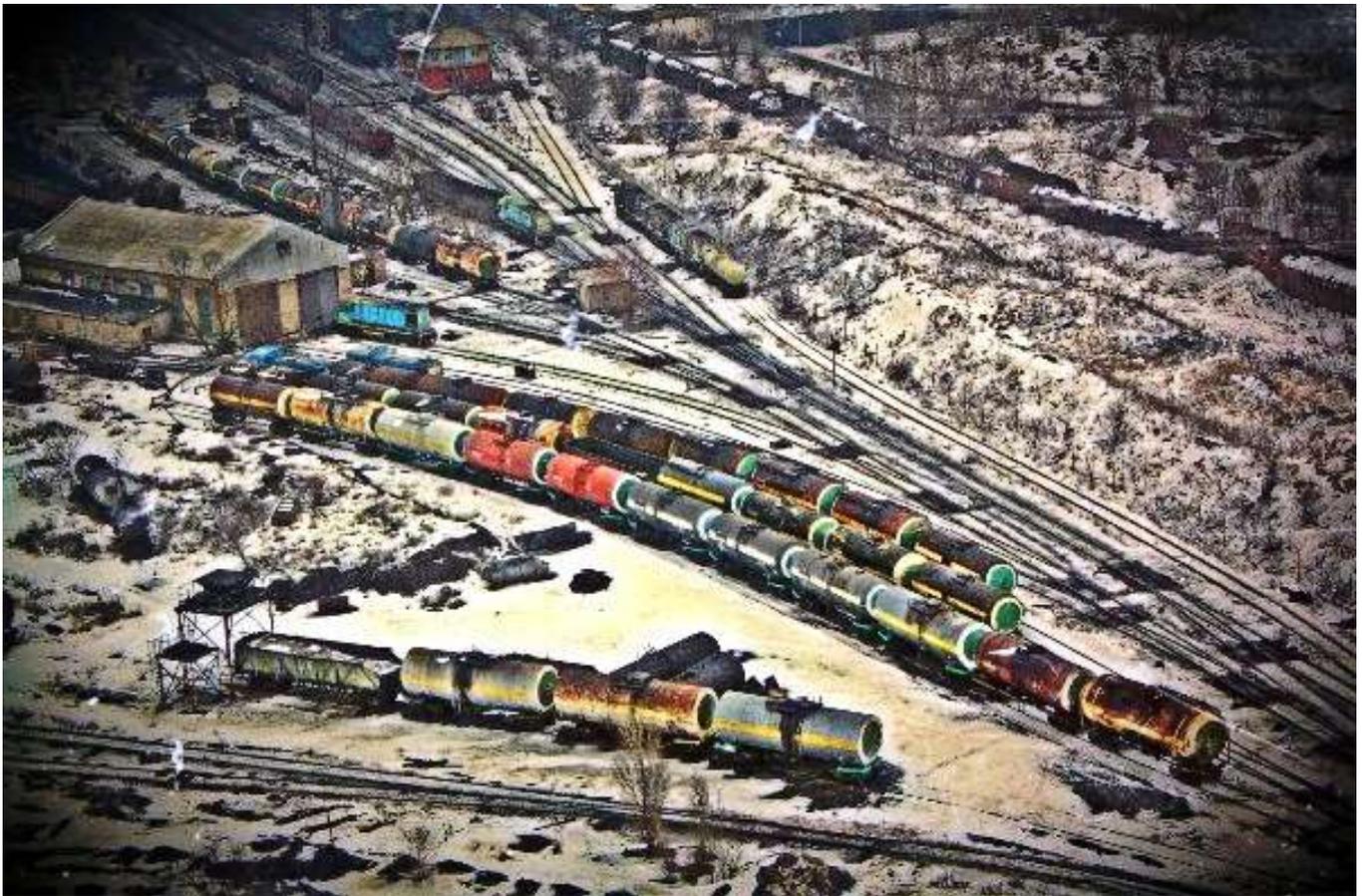

Никитовская зона «Сталкера»

Причём, если ЗОНУ Тарковский снимал в окрестностях Таллина, Ленинграда и Москвы, то в нашей "золотой" никитовской зоне натура присутствовала сразу вся и присутствует до сих пор, даже пострашнее и реалистичнее, чем в фильме-шедевре... И судя по тому, как развиваются события на многострадальной донбасской земле, то миротворческие контингенты ООН могут появиться в любой момент. Вот Вам и предвосхищение гениального художника...

Между Никитовкой, точнее посёлком Зайцево и Дзержинском проходит, как сейчас принято говорить в СМИ «линия раздела» или «серая зона» между ДНР и Украиной... И может статься, что увидим, как в «Сталкере», и войска ООН...

Но вернёмся в 1964 год. Многочисленные производственные строения хладокомбината были окружены хилым забором. С территории хладокомбината доносились соблазнительные запахи свежеспечённых вафельных стаканчиков для мороженого, всевозможных копчёных рыбных пластов — горбуши, палтуса, морского окуня... Понятия «нельзя» для нас, пацанов, не существовало. Мы настырно клянчили у работниц, и нас всегда ошастливляли целыми и поломанными горячими ароматными вафельными стаканчиками, а если повезёт, и то и целыми пластинами, как мне сейчас думается, для мороженого «Пломбир в вафельных брикетах». Какой же был восторг! Какими необычайно вкусными для нас казались эти свежеспечённые вафельные стаканчики. А вот с мороженым и рыбными копчёностями дело обстояло немного строже. Короче, эти вкусности нам попадали дома только по праздникам. И мы, пацаны-дошкольники, уже хорошо понимали, что попросить — это одно дело, а воровать — это уже совсем другой огород, и у нас украсть что-то на комбинате даже в мыслях не было. По этой железнодорожной ветке, тогда ещё действующей, мы ходили и попухивали "Шахтерскими", чтобы походить на взрослых...

Напомню, что наш «золотой треугольник» со всех сторон был окружён многочисленными железнодорожными путями. Это обстоятельство придавало нашей жизни в «золотом треугольнике» чувство своеобразного экстрима и риска. Куда бы не пошли — по любому приходилось пересекать множество железнодорожных путей, забитых стоящими и движущимися составами. Воздушный переход был далеко, в районе

вокзала станции «Никитовка». В основном были выложенные старыми промасленными шпалами пешеходные переходы, чтоб можно было проехать или перевести велосипед, детскую коляску или тележку с грузом — и только!

Поэтому жители нашего «золотого треугольника» были вынуждены при своих пеших путешествиях рисковать в той или иной степени своим здоровьем, пролезая, нагнувшись, под стоящими вагонами состава или же перебираясь по тормозным площадкам, которые были у небольшого количества вагонов. Старики рисковали в случае неожиданного начала движения состава, и вовремя не спрыгнув с площадки, могли быть увезёнными к следующей остановке состава до Константиновки-Краматорска, Горловки, Лозовой, Попасной или Красного Лимана, что случалось с ними время от времени, когда они медленно перемещались с палочками или костылями. Если же путник пролезал, пригнувшись под вагоном, то он вынужден был оперативно выскакать из-под вагона. Иногда приходилось и плюхнуться животом на шпалы, что не гарантировало сохранности, так как из вагонов и платформ товарных эшелонов могла торчать проволока или опасно выступать какая-либо железяка. По крайней мере, среди наших знакомых у старшего брата моей ровесницы Тани Кузнецовой поезд отрезал пятку, случались и более серьёзные происшествия. Пьяный мужик ночью умудрился попасть ногой в автоматическую стрелку, которая зажала выпивохе ногу и... Но хватит об ужасах. Тогда это казалось само собой разумеющимся, и зевать у «железки» никому не рекомендовалось - ни старым, ни малым...

Что такое для меня Донбасс?

Это школа №7 в Никитовке, в первый класс которой я пошёл осваивать школьные премудрости. Это посёлок Гольма, в музыкальной школе которого я сыграл свой первый этюд Черни. Это художественная студия Дома Культуры Румянцевской шахты, в котором я научился рисовать. Это памятник на заброшенной шахте "Узловая" в посёлке шахты имени Румянцева, в заброшенный довоенный шурф которого фашисты со своими прислужниками-полицаями в касках со свастикой в годы Великой Отечественной войны сбросили свыше 14000 мирных граждан Донбасса и пленных бойцов Красной Армии... На гранитной плите памятника погибшим в посёлке шахты им. Румянцева по улице Калашникова размещены пророческие слова, обращённые к потомкам:

***"Донбасс никто не ставил на колени
И никому поставит не дано".***

Что мне ещё запомнилось из моего донбасского детства - это краснодонский мемориал вечно юных героев «Молодой гвардии». Это меловые склоны Северского Донца, по которым мой дядя Коля тянул связь в 1943 году без всяких шансов остаться живым, когда на него охотились немецкие пулемётчики как на загнанного зверя на открытом пространстве, а он с прострелянной ногой всё-таки обеспечил связь с почти обречённым батальоном... Это румянцевское кладбище на котором покоятся 24 горняка Румянцевской шахты, погибших при взрыве метана в апреле 1966 года, отработавших свою смену и уже готовившихся к подъёму навстречу яркому солнцу и бескрайнему синему небу Донбасса... На этом же кладбище похоронен и мой младший брат Олег.

В 1964 я пошёл в первый класс Никитовской СШ №7. В школе мы писали перьевыми ручками и фиолетовыми чернилами. Пальцы, руки и носы были хронически измазаны чернилами. А у моего соседа на передней парте и волосы с правой стороны над ухом были

частенько фиолетовыми — дурная привычка чистить перо ручки о волосы... Кстати перо действительно быстро и качественно очищалось. Процесс чистки был особенно актуален, так как любимым занятием на переменах было подбрасывание рваной промокашки или песка в чернильницы соседней, которые отвечали не менее достойно. Как только учительница отворачивалась. Чтоб написать на коричневой доске мелом, в классе возникала перестрелка шариками из жёванной промокашки через трубочку. Бывало, что летал и горох — это намного точнее и эффективнее, но в случае непопадания в цель горошина громко стучала и быстро демаскировала участников перестрелки, что было не здорово...

Чернильницы-неразливайки носили в мешках для сменной обуви. Но если этим мешком шарахнуть друга по голове, то неразливайка частенько давала приличную течь, после чего сумка и голова были характерного фиолетового цвета.

Во время процесса обучения случались казусы. Так однажды в понедельник мы пришли в класс и с удивлением обнаружили, что одно окно было не плотно закрыто, а посреди классной доски растеклось громадное чернильное пятно-клякса, которое ещё долго красовалось в центре доски, пока учителя и наши родители не нашли способ его обесцветить, хотя бы частично.

Мы сидели за деревянными партами в начальных классах. Снизу на откидывающейся крышке парты была вырезана или процарапана вся история и имена всех поколений первоклашек, сидевших за этой партой...

Прекрасно помню сорванный урок во втором классе в начале сентября, когда мы все ещё находились в бурлящем состоянии после каникул, и накопленная за каникулы энергия так и просилась наружу из наших растущих организмов, ища выход, и находила его, иногда в довольно причудливых формах. Короче, оказалось, что по доске в её центральной части, занимающей почти половину её площади, учителю невозможно было писать. Оказалось, что кто-то из «шутников», возможно старшеклассники второй смены, натёрли доску стеариновой свечой...

А ещё отлично было кататься на портфелях или рюкзаках с ледяных горок! Правда тетради, исписанные чернилами, частенько теряли цвет и форму...

Короче были серьёзные разборки, родительские собрания и последующие долгие домашние беседы родителей с детьми. Но так же как и в первом случае с чернильным пятном, виновные в появлении стеаринового пятна в классе не обнаружили. Победила версия Саньки Звонарёва: «Татьяна Егоровна, это, видать, пришли чужие люди и надраили доску свечкой...» Ещё прозвучала мысль, что когда мы пришли в класс, всё уже так и было. Других версий от нас не поступало. В этот день, мы писали мелом только в уголках доски, так как центральная часть просто не поддавалась, и мел не оставлял после себя никакого следа.

Ещё помню, что некоторые пацаны грызли мел. Но за это наказания не следовало, так как быстро выяснилось, что им не хватало в организме кальция, а растущее тело всё равно требует своё. Но смеялись все над Гуськом и Вороной долго... Помню школьное молоко в гранёных стаканах после второго урока. Каждый класс подходил к своему столу, на котором стояли стаканы, наполненные молоком. С горячими жареными пирожками с повидлом и горохом школьной поварахи тёти Клавы - всё это было безумно вкусно!!! Но за пирожок нужно было отдать пятак.

Так уж вышло, что одновременно с походом в первый класс я приобщился к курению. Деньги на папиросы «Шахтёрские», сигареты «Дымок», «Снежок» мы не тырили по карманам у родителей, а старались зарабатывать, собирая пустую стеклянную тару. Бутылка стоила 12 копеек, а «Шахтёрские», которые мы чаще всего покуривали, глядя на взрослых - 22 копейки, короче две бутылки — и ты счастливый обладатель пачки папирос или сигарет без фильтра! Кстати, в то время Минздрав ещё не предупреждал о вреде курения, а все серьёзные парни и мужики дымили почёрному! Также малая живая копейка доставалась нам в обмен на собранные бутылки в порядке взаимодействия со стариком-старьёвщиком, приезжавшим к нам на бричке, в которую была запряжена гнедая лошадка с цветными лентами, заплетёнными в её роскошную гриву. Летом в каникулы зарабатывали и в тарном цеху хладокомбината, ремонтируя деревянные ящики и сбивая поддоны.

Со своими друзьями-соседями Санькой и Сёмкой мы сами, осенью к зиме, делали массивные деревянные хоккейные клюшки. Весной коллективом сбивали деревянные самокаты, ходовая часть которых строилась на списанных, изношенных шарикоподшипниках, которые нам отцы приносили с шахт или с автобазы. Техника получалась неуклюжая и громоздкая, но при скатывании с заасфальтированных шоссе-спусков отчаянно грохочущая и развивающая вполне приличную скорость.

Такие самодельные самокаты и «тачки» с колесами-подшипниками пацаны мастерили и гоняли на них по асфальту с горок. Вечерами на спуске собиралась теплая компания гонщиков-конструкторов и «шумахеры» с удовольствием катались, обсуждали свою «технику», в общем - отлично проводили время.

Зимой самокаты мы меняли на драндулеты, сделанные из металлического прута или арматуры и тяжёлые металлические санки, сделанные нашими родителями из подручных материалов (лёгкие алюминиевые санки появились несколько позднее).

Драндулет или дрында - отличное средство для зимнего катания с горок.

За успешное окончание первого класса мне купили настоящий велосипед «Орлёнок». А после второго класса на радость всем пацанам из нашего двора папа заказал в столярном цеху настоящий теннисный стол для пинг-понга. Все дворовые пацаны обзавелись китайскими ракетками и приличными запасами белых целлулоидных шариков для настольного тенниса. Резались до темна всё свободное от школы время. Разбитые и повреждённые шарики, а также расчёски из прозрачной пластмассы шли на изготовление дымовух и пока ещё относительно безопасных «бомбочек» с дымовым эффектом. Спустя несколько лет пиротехника превратилась для меня и моего друга Сашки в настоящее всепоглощающее нешуточное увлечение.

Рядом с нашими домами протянули водопроводную магистраль. Внимательно наблюдая за этим процессом, мы открыли для себя такой замечательный материал как карбид. Сварщик-резчик дядя Стёпан по жёсткому мужскому договору пообещал нам выделить по окончании работы много карбида под обязательство, что мы не будем его тырить в ходе работ. Мы договор выполнили и в конце работ, перед расставанием, он нам показал, как с помощью ацетиленового резака режут металл и ещё поведал пару замечательных свойств карбида. И, согласно мужского договора, выделил нам кучку карбида в коричневом бумажном мешке.

Занятия с карбидом даже на некоторое время приостановили наши игры в «ножичек», а также в игру с набиванием на счёт, кто больше сможет набить с одного раза кроличий хвост с впаяным свинцовым грузилом и традиционные игры в «пристеночек» на расплющенные бутылочные крышки, которым мы увлекались в

свободное от школы время. «Старшаки» играли в «пристеночек» на настоящие деньги — карманную мелочь.

В школе на переменах и во дворе после школы играли в "бабки" и "городки". Инвентарь всегда был с собой или под рукой.

Нас постоянно манил неведомой силой находящийся неподалеку заброшенный старый карьер дореволюционного ртутного рудника. Он стал для нас настоящей энциклопедией минералов и приключений, связанных с их добычей.

Квартиры в домах не имели центрального отопления и обогревались с помощью печей, расположенных в каждой квартире, поэтому для каждой квартиры полагался находящийся во дворе угольный сарай с погребом для хранения картошки и консерваций. У Сёмкиного сарая мы втроём соорудили собачью конуру для приблудившегося беспородного щенка Марса - Марсика, которого со временем после насмешек старших ребят обзывавших его Барсиком мы «перекрестили» в Шарика - свою роль в этом процессе сыграл пёс по кличке Шарик из великолепного детского польского многосерийного сериала «Четыре танкиста и собака». Шарик достаточно быстро превратился в здорового пса с игривым нравом, который с удовольствием гонял везде вместе с нами. После нескольких споров и уговоров родителей Сёмки к всеобщей радости официальный статус Шарика был узаконен.

Сделали луки и рогатки с модельной резинкой. Самые мощные рогатки получались с использованием кислотоупорной резины. На болоте и озерке у финских колодцев мы охотились на лягушек и жаб с луками и рогатками. Лягушечьи лапки жарили на костре.

Наши «творческие изыскания» в отвалах дореволюционного ртутного рудника иногда заканчивались очень даже интересными находками. По крайней мере у нас у каждого дома был припрятано по приличному куску ртутной руды-киновари очень красивого вида, кусков железной руды - пирита и один на всех кристалл настоящего волосяного кварца.

Киноварь

Никитовское ртутное месторождение было открыто в 1879 году горным инженером Аркадием Миненковым. Как поговаривают, скучно ему было в ожидании прихода поезда на Харьков, и решил он размять ноги да пройтись

вдоль пристанционного поселка Зайцево. Видит - у жителей дома добротные, заборами обнесенные, а заборы не то, что какие-то тыны деревянные, а настоящая каменная кладка. А в кладке той поблескивают красные зернышки. "Киноварь, - смекнул горный инженер. - Да ну ее, эту шахту, где я лямку зазря тяну, вот она моя жила золотая, точнее ртутная". Уже в следующем 1880-ом году этот предприимчивый малый (в 1879 году ему стукнуло 30 годков от роду) споро организовал разведку и описал три месторождения - впоследствии Софиевское, Новое и Железнянское. На самом деле это сейчас пишут - ах, как прекрасно все тогда сложилось, а на самом деле... Цитата: «Миненков на земле крестьян села Зайцево Бахмутского уезда в урочище 'Добрые камни' открыл киноварь — первое в Российской империи месторождение ртутных руд». Высокие научные авторитеты в Петербурге с прохладцей отнеслись к этому событию. Под градом пренебрежительно-снисходительных отзывов доклад Миненкова об открытии залежей киновари вблизи станции Никитовка был бойкотирован в Императорском Минералогическом Обществе.

Общество крестьян села Зайцево передало право разработки недр Миненкову с 1 сентября 1882 года по 1 января 1884 года за 1 500 рублей в год. После открытия киновари срок аренды был увеличен на 28 лет, до 1 января 1912 года, с правом передачи аренды другим лицам и приема компаньонов. Деньги за аренду участков площадью 30 десятин Аркадий Васильевич платил из своего кармана. Долго не получалось найти инвестора. Долги по аренде росли. Ежегодная арендная плата в течение этих 28 лет была определена в 5 000 рублей, а перевозка добытых ископаемых на ближайшую станцию Никитовка передана исключительно крестьянам села Зайцево с уплатой 0,5 копеек с каждого пуда.

В 1885 году было создано "Товарищество на вере Ауэрбах и К". В игру вступил весьма известный на Урале и в Донбассе горный инженер Александр Ауэрбах. К этому времени было открыто четвертое - Чегарникское месторождение. Дальше у месторождения была длинная история со

Ртутный рудник Ауэрбаха.

взлетом в 70-80-х годах двадцатого столетия, когда Никитовский ртутный комбинат стал крупнейшим производителем ртути в Европе и падением производства и

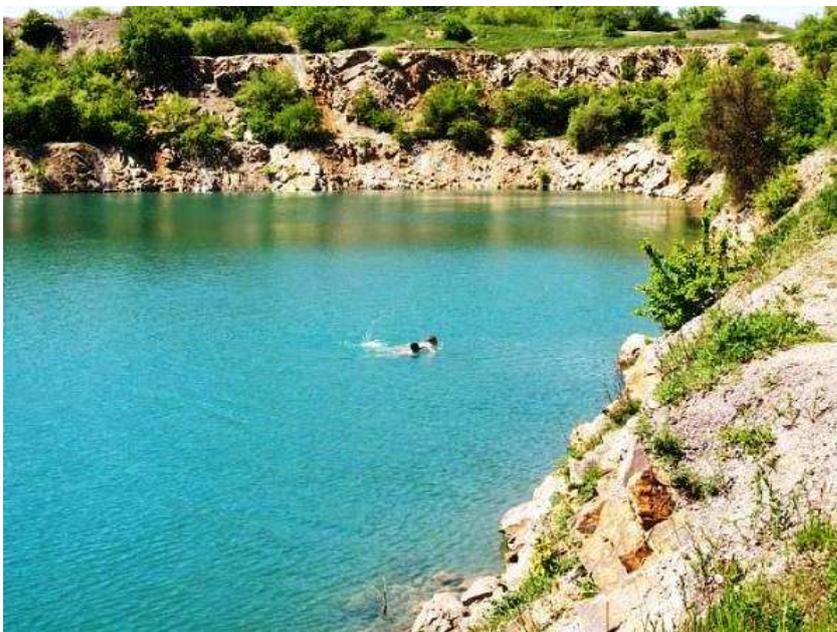
окончательной остановкой в финале «перестройки-катастрофы» в 1991 году. В годы украинской независимости основной производственный цех был уничтожен физически дабы избежать крушения громадного производственного корпуса...

Взрыв и обрушение металцеха Никитовского ртутного комбината в ноябре 2012 года было проведено в целях недопущения человеческих жертв в результате неминуемого обрушения...

Сейчас месторождение полностью закрыто, а карьеры заброшены. Внутри них образовался свой микромир с зайцами, лисами, собаками, куропатками и фазанами – хоть охотничьи угодья открывай. Карьеры заброшены, мировому сообществу ртуть вдруг резко стала не нужна. Почти везде ее что-то заменило: градусники стали электронными, ртутные лампы не выпускаются, гремучая ртуть используется редко, а золото больше не растворяют в ртутной амальгаме.

Капелька ртути на ртутной руде – киновари. Частенько мы с пацанами забирались в эти карьеры... Без киновари никогда не уходили. Блестящие кристаллы ало-стальной и матово-алой киновари на белоснежном мелкокристаллическом кварцу, включения киновари в кристаллы кварца (ну, и конечно же, великолепные двойниковые кристаллы киновари как бы висят на ветвях игольчатого антимонита. Красотища!

Небольшой карьер Железнянка, по которому мы тогда лазили, сейчас затоплен и является одним из любимых мест отдыха жителей жилмассива Солнечный и Никитовского района Горловки. Первое что поражает - необычный, ярко-голубой и изумрудный цвет воды (напоминает воду из чистейших альпийских озер). Раньше в этом месте добывали ртутную руду открытым способом. Эксплуатация

карьера прекращена в 1972 году, после чего он был затоплен. Почти весь берег представляет собой отвесные скалы.

Мы, конечно, были очень далеки от соблюдения требований безопасности. Каким-то образом к нам попал сосуд толстого стекла мутновато-жёлтого цвета, в

котором под притёртой крышкой находился приличный ртутный шарик, и мы по-братски поделили его на троих.

Помню прекрасно, что, если взять небольшой шарик ртути и бросить на стеклянную поверхность, то он мгновенно разделялся на десятки маленьких шариков, которые затем при покачивании поверхности моментально вновь собирались в один шарик. Вдоволь наигравшись, мы поменяли ртуть на куски и шарики константиновского стекла голубого, коричневого и зелёного цвета. Ангел-хранитель уберёт наши ребячьи души и организмы.

Шарики ртути сами собираются в большие капли... Вот и сейчас спустя много десятков лет мы с друзьями вновь раз в десятилетие собираемся вместе в одну тесную и теплую компанию как маленькие шарики ртути в один большой шар знаменитого жидкого металла, вот только с каждой встречей наша компания становится всё меньшей по составу... Непреклонная костлявая старуха с косой собирает свою скорбную жатву!

В статье использованы великолепные работы замечательного горловского фотохудожника Владимира Лапшина, ушедшего от нас в мир иной 29 июля 2015 г. в возрасте 60 лет и фото из архива Николая Мильшина-Ходанова.

Николай МИЛЬШИН-ХОДАНОВ, современный русский писатель

Николай говорит о себе:

Родился в семье офицера Советской Армии в 1958 году. Среднюю школу закончил в Донбассе. Закончил ЛИТМО в Ленинграде. Работал в оборонной промышленности до 1993 года ведущим инженером-конструктором направления, затем на химических предприятиях Украины и России.

Пишу и публикуюсь с 2016 года. Веду блог и журнал "Созидатели" на сайте КОНТ (www.cont.ws), мой блог [Ходанов | Личный блог | КОНТ](#) - свыше 160 авторских публикаций. С 2020 года - публикуюсь на ресурсе ПРОЗА.РУ по псевдонимом Николай Ходанов [Николай Ходанов / Проза.ру](#)

Лариса Миронова

ОТ МАКИАВЕЛЛИ ДО ГВИЧЧАРДИНИ: БЛЕСК И НИЩЕТА КАПИТАЛА

**Искусство быть лицемерным,
неискренним, ханжеским,
фальшивым и так далее,
оставаясь при этом
чистосердечным.**

ЧАСТЬ IV.

Макиавелли и Голландия 17-18 веков

Голландские историки Золотого века (период охвата – тексты времен 80-летней войны Голландии (Нидерландов) за независимость от Испании – эпоха Макиавеллиевской республиканской традиции в Республике Соединённых провинций) создали много замечательных текстов, но наиболее значительный из них - это анонимный трактат 1742 года «Макиавелли-республиканец»: Апология против «Антимакиавелли» господина Вольтера».

Долгое время имя Макиавелли были своего рода жупелом, для одних, для других ярлыком, которым обменивались между собой роялисты (сторонники испанского короля) и оранжисты, но так было недолго, и вот уже на многие десятилетия вперед установился иной порядок: на смену одному стереотипу пришёл прямо противоположный. Вместо автора трактата «Государь», «тацитиста», основателя литературы о «*ragion di snato*» миру является Макиавелли как автор «Рассуждений о Первой Декаде Тита Ливия», а это в чистом виде апология античных доблестей и республиканских институций. Так родился новый миф.

К нему примыкал другой широко распространённый в то время – «Батавский миф», у истоков которого стояло сочинение Гуго Гроция «О древности Батавской республики» (1610), где рассказывается о том, что Нидерланды ещё в античные времена были колыбелью свободомыслия, культуры и просвещения, а также родиной всех искусств и наук. Именно Нидерланды, а не античные государства средиземноморья породили западную цивилизацию. Главная отсылка – на труды Тацита «Германия» и «Анналы».

После «Акта об устранении» (1651) и с началом «первого бесстатхандерного периода» риторика республиканцев радикализируется, вследствие чего интерес личности Макиавелли вырос и в среде коммерческого республиканизма – братьев

Йохана и Питера де ля Куров. Однако он мог быть разным, и сочувственным, и полемическим. Автор программной речи Каспар ван Барле, преподаватель философии и риторики, «Мудрый торговец, или о совместном изучении торгового дела и философии» (1633), сочинил помимо этого ещё и отдельную инвективу против Макиавелли. Интерпретациям идей Макиавелли не было предела. Его концепцию политики пытались привязать также и к Аристотелеву видению научного мира, (тезис о том, что всякая наука должна включать в себя знание противоположностей): болезнь-здоровье, добро – зло...

Таким образом, «Государь» Макиавелли занимает такое же место в политике, как и «Софистические опровержения» Аристотелевой логики. Деструкция гуманистической парадигмы у Макиавелли создавала почву для повышенной конфликтности при заходе его идей в политическую культуру Нидерландов, так как в риторике был весьма востребованным римский героический эпос, а также пантеон Римских героев, точнее, их образов, а в центре всего этого находился национальный батавский герой, вождь антиримского восстания 70-х годов Гай Юлий Цивилис.

Характерной чертой нидерландской рецепции Макиавелли была ассоциация его политических воззрений с «венецианским мифом» - видением Венецианской республики с её смешанной конституцией в образе древнейшего способа идеального правления.

В начале 18 века в Нидерландах выходит полное собрание сочинений на нидерландском языке, а в середине века, под занавес «второго бесстадхаудерного периода», апологеты республиканского образа правления отвечают уже на трактат-манифест Фридриха Великого, в соавторстве с Вольтером, - «Антимакиавелли», подписанный аноним «Макиавелли-типограф».

Это была, по сути, эшелонированная защита идей Макиавелли от всех его критиков, в духе «Парнасских известий» Траяно Боккалини, фиктивная биография Флорентийского секретаря, представленного в образе героя авантюрой новеллы, скитающегося по дворам европейских владык в надежде сыграть свои идеи управления государством, но попавшего в итоге в лапы отцов-иезуитов и обретшего приют в Конгрегации пропаганды веры в качестве книгопечатника. К этой биографии прилагается также фиктивная булла Папы Бенедикта.

В столь загадочном тексте интересным образом пересекается множество дискурсов Раннего Нового времени и аргументированных стратегий, что есть элементы тацитизма, литературы аргана и *ragion di stato*, нидерландского коммерческого республиканизма, риторики Просвещения, барочной политической сатиры.

Исторические источники в трактатах Рауля Спифама; ссылки на них были нелегально отпечатаны в 1556 году в виде сборника законов, изданных будто бы самим Генрихом II. Сборник содержит в себе более 300 королевских

постановлений, озаглавленных как «Упражнения христианнейшего короля Генриха II в хорошем правлении.» Это бы развернутый план реформ, призванных организовать жизнь республики наилучшим образом.

Однако парламент приказал немедленно конфисковать все изданные экземпляры, но сочинение всё же попало в руки к читателям. Мнения разделились: одни развалили этот труд полным бредом, другие – прозрениями гениального провидца. Последние были правы – многое из того, что подавалось как указы о реформах, потом проявилось в ряде успешных нововведений в управлении. Это были третьи, кто прочёл эту книгу как аутентичные законы самого Генриха, и внедрили часть из них в жизнь.

При всей экстравагантности своего поведения, автор этого труда всё же был очень наблюдательным человеком и опытным юристом. Он был, кроме всего прочего, вхож в круг тех, кто и проводил законодательную практику Генриха II. Однако вскоре конфликт с Испанией прервал эту деятельность, а в 1559 году погиб король, и начались Религиозные войны. Спиаф с большой точностью копировал логику королевских реформ, когда писал якобы от его имени свой труд, по возможности углубляя её и совершенствуя идеи и замыслы Генриха II. Из более чем 300 постановлений, вошедших в том Рауля Спифаля, каждое шестое содержало отсылку к историческому прецеденту. Как правило, в преамбуле помещалось «Извлечение из хроник Франции», хотя бы в качестве повода к изложению сути повествования.

Нередко в преамбуле встречались выдержки «из церковных хроник» или «из Каталога святых», иногда были ссылки на «Римскую историю», есть также совсем уже экзотичная ссылка на «Естественную историю» Плиния Старшего – постановление о бродячих собаках и правилах содержания пастушьих собак. Исторические экскурсы могли содержаться и прямо в текстах постановлений: обычаи египетских царей. Походы Александра Македонского, пунические войны... Ставилось в пример возведение Пантеона, организация триумфов, прославлялись святые, рыцари, прославившиеся своими подвигами... В качестве образца для подражания ставились исторический опыт итальянских городов (Monti delle dotti), или выборы на должности в Венеции. Однако ничего этого даже близко не было в указах Генриха II, в редких случаях говорилось лишь о «законах наших предков».

Законникам того времени было свойственно насыщать свои тексты историческими примерами, порой до чрезвычайности. Ценность истории для юридической практики была очевидна. Целью Спифами в реорганизации правосудия было расширение функций королевского Тайного Совета, включая и создание парижской Синдикальной палаты, разделённой на тридцать палат, с целью выявления королевских прав за пределами страны и их защита – как от посягательств, так и от забвения. Теперь все соглашения с иностранными державами предварительно рассматривались и обсуждались компетентными

лицами, причём изыскания обоснований могли уходить в глубь веков, и это притом, что в бездны веков обычно никто не заглядывал, и даже не решался трогать эту тему.

За каждой из палат закреплялась определённая территория – от сопредельных провинций до удалённых регионов, к примеру, Ирана. Причём всё это обосновывалось древностью королевских прав, доказательства этим фактам изыскивали уже во внутренних провинциях Франции. Король же, в этой новой правовой ситуации, не будет ничего утверждать, что бы не имело неопровержимых свидетельств в самых лучших историях мира. Увековечение памяти героев, погибших в войнах времен Карла Великого, было важнейшим для Спифами делом. Средства на поминальные службы выделяются особыми фондами, дабы воодушевлять современное дворянство на доблестное служение – в качестве подлинных мучеников. Описание подвигов должно делаться на французском и латыни.

Историографам будут назначены поэты, для более красочного писания подвигов героев. Известно, что ряд прожектов Спифами прорабатывался в королевском штабе реформ, но именно тогда историограф, из почётно поименования превращается в обычную должность при дворе. Первый обладатель такой должности был всё более поэт, чем историограф – Пьер де Пасхаль. Широко известны «Разыскания по истории Франции», адвоката Этьена Паскье, начало издания 1560-е гг. В конце 16 в. появляется должность «историограф Франции», 1596 год. Однако сама идея, что историограф должен, в первую очередь, опираться на документы, приживалась нелегко. Традиционно историю писали монахи в монастырях, но постепенно начинает устанавливаться новое правило – и это был принципиально новый, альтернативный путь, создание документированной государствённой историографии. Однако Религиозные войны притормозили повсеместное введение этой моды.

Миронова Лариса Владимировна, современная русская писательница

Прозаик, член Московской городской организации Союза писателей России.

Постоянно проживает в Москве.

Закончила школу с золотой медалью, имеет четыре высших образования, в Союзе писателей с 1990 года.

Опубликовано более ста произведений, из них - четыре романа, три книги прозы, и еще три - в коллективных сборниках.

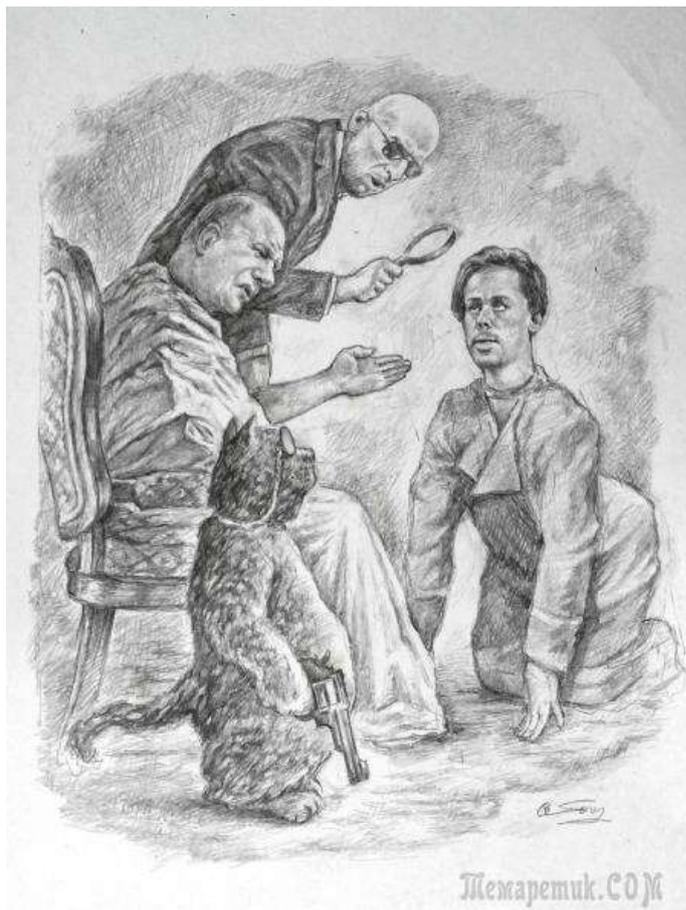
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ РАССКАЗЫ

Александр БОТВИНОВ

СУД ТРОЙКИ

Более двух тысяч лет минуло с известных нам событий, и, практически, невозможно восстановить картину произошедшего. Нам остается лишь выдвигать догадки, домыслы и предположения, в той или иной степени объясняющие всё с нашей малоаргументированной точки зрения.

Умозаключения, к которым я пришел, явились не следствием придуманного соединения разнородных

явлений, а, скорее, следствием озарения, вспышки, когда все сразу стало на свои места. Разумеется, этому предшествовала кропотливая работа по исследованию материала, изучение различных источников, версий и пр.

Но сама картина прояснилась вдруг. Иуда – подлец и негодяй, воспылав к Низе пламенной страстью и лишив её девственности, стал шантажировать пожилую матрону тем, что расскажет всему Ершалаиму о её ложном целомудрии, если она не родит ему наследника. Низа, боясь разоблачения и быть побитой камнями, перебралась из шатра, покрытого козьей шерстью, к нему в замок, родила Иуде двух грудных младенцев разных полов и закурила. За ней в замок к Иуде потянулась её почтенного возраста дочь с детьми, внуками и зятьями кавказской национальности.

Суд тройки по уголовным преследованиям, после символического возложения на Иуду всех грехов Низы, изгнал его в пустыню, замок национализировал, Низу определил в дом престарелых, а детей, внуков и правнуков раздал в хорошие руки.

Рисунки автора

Александр Ботвинов, современный русский художник, писатель

Родился в Ростове в 1961 году.

В 1980 году закончил ростовское художественное училище им. Грекова и факультет графического дизайна ростовского института искусств.

Преподавал в ростовском Лицее рисование и историю искусств.

Работал в кино и театре, иллюстрировал книжки, рисовал карикатуры для союзных газет и журналов.

Сейчас занимается графикой.

Александр ВОВК

ГРЕМУЧАЯ СМЕСЬ

Университетский городок, по которому я бреду вдоль главной аллеи, пребывает в тишине. Перерыв между занятиями, когда толпы активных студентов взбудоражат всё вокруг, наступит только через час.

Странная, в общем-то, картина, поскольку тишины здесь не бывает. Обычно хоть кто-то, но пройдёт. Кто-то, но попадётся. Хоть навстречу, хоть попутно. И на лавочках сидят в любое время... Всегда увлеченно спорят, шумят, чем-то торопливо перекусывают...

Почему же теперь безлюдье? Оно даже беспокоит. Будто сам не успел куда-то! Будто все умные уже там, где и надо быть, а ты, хоть и профессор, беспечно топашь по пустынной аллее. И совсем не туда, куда умчались остальные! Беспокойно, как-то!

Разумеется, такое наблюдение – лишь моя шутка. Я-то знаю, куда иду! И где мне следует быть, я тоже знаю! Но красивая фраза пришлась к слову. Бог с ней! Ибо важнее остального сейчас чудесное состояние природы. Ведь неожиданно вернулось то самое лето, желаннее которого после ушедшего тепла, пожалуй, не бывает.

И как можно оставаться равнодушным к берёзкам в золотых одеждах? Или к затейливо вырезанным листьям пожелтевших клёнов? И чьё настроение, скажите мне, не взлетит до небес при виде солнечных бликов, блуждающих в прореженных листопадом кронах деревьев?

Только представьте себе столь сказочную идиллию во всех ее цветах и красках, и сразу поймете, отчего моя душа поёт под аккомпанемент чудесного осеннего денька.

Лишь одно обстоятельство портит настроение. Периодически по округе разносятся неприятнейшие металлические стуки, и я всякий раз инстинктивно дёргаюсь, пытаюсь обнаружить их источник.

Ремонтируют крышу? Или сантехники колдуют в своих подземельях? Но никого не замечаю.

– Тук, тук, тук! – донеслось откуда-то опять, и эхо сразу замело все звуковые следы.

Короткая пауза, и опять то же самое:

– Тук, тук, тук!

Некоторое затишье, и снова:

– Тук, тук, тук!

«Это становится интересным! – отвлёкся я от красот осени и даже от важных дел, донимавших меня с утра на кафедре. – Кто же и где стучит? То, что эти звуки весьма противны, ещё полбеды! Понять бы, откуда они и зачем? Тогда, возможно, хоть перестанут раздражать».

Вот и новая серия ударов! Громко и отчетливо! Однако эхо опять спутало все следы. Всё больше удивляясь, я продолжаю озираться по сторонам, стараясь взглядом пронзить пространство меж стволов. На аллее уж точно никого нет!

Будто разыгрывает меня кто-то, а я не в состоянии разобраться в простой шутке! Вроде бы звуки рождаются совсем рядом... Вон – где-то там... Или нет! Пожалуй, всё-таки справа... Или чуть левее того клёна? Или... Впрочем – всё бесполезно!

Снова забарабанили... Но уже где-то вверху:

– Тук, тук, тук!

Я продолжаю вглядываться вдаль. Переношу взгляд в кроны деревьев. Опять ищу вдоль аллеи и боковых дорожек...

И вдруг замечаю!

Боже ты мой! Да это же настоящее чудо природы! И как на него обижаться?

На высоченной опоре освещения ловко устроился большой пестрый дятел. Он вцепился в кромку огромного защитного колпака лампы и настойчиво его долбит.

– Тук, тук, тук! – заработал дятел на моих глазах, подтвердив, что я правильно нашёл источник шума. – Тук, тук, тук!

Округлый металлический колпак стократно усиливает звук каждого удара, превращая его в полноценный грохот. Но сам дятел кажется на редкость красивым и интересным. Собственно говоря, для жителя среднерусской полосы, не избалованного разнообразием фауны, да ещё в городской черте, иначе показаться и не может. Крупный, с яркими черно-белыми и красными перышками, с длинным прямым клювом... Самый настоящий дятел, известный нам с детства! Здесь он – не частый гость, потому особенно дорог...

После каждой серии ударов по колпаку, усиливающему звуки до кастрюльного грохота, дятел склоняет головку на бок и замирает. Как я понимаю, он убеждается, что в целом мире никто не может стучать громче его. И, не дождавшись заявок от соперничества, остаётся довольным собой.

Мне даже кажется, будто дятел ликует:

– Я самый-самый! Никто со мной не сравнится! – убеждает он себя.

«Разумеется, этот глупый дятел себе очень нравится! – решаю я. – Ещё бы! Ведь он абсолютно уверен, будто в его пернатом роду никто не может колотить по стволам громче, нежели он. Но чем мощнее стук, тем крупнее попадает добыча! Кроме того, теперь самые гнилые и, значит, самые продуктивные стволы будут в его полном распоряжении! Значит, и максимальный авторитет среди самок и сородичей! Стало быть, неслыханным доселе грохотом он действительно совершает переворот в мире дятлов! И отныне будет считаться самым сильным, сумеет прогнать прежних конкурентов и стать полновластным хозяином округи!

Фантастика! Как за несколько минут этот странный дятел сумел возвыситься в собственных глазах! Он, конечно же, именно так и думал! Он всего этого хотел!»

Боже мой! Как же он себе нравится! Будучи самым глупым дятлом на свете, не отличая даже металл от гнилого дерева, он возомнил, будто ухватил бога за бороду! И вполне уверился, будто заслужил право встать над всеми, ибо он – самый-самый!

– Тук, тук, тук! – размеренной дробью сыпанул дятел, замирая на несколько секунд, дабы оценить производимый им эффект.

Да! Он и впрямь заважал себя сверх всякой меры! Это особенно заметно, когда он величественно отстраняется от колпака и на время замирает, переполненный почтением к самому себе.

В ореоле заслуженной славы его не интересуют даже вкуснейшие жучки и червячки, коих в колпаке, разумеется, и быть не может. Но у него так и не созрел

естественный вопрос, почему столь отчаянный грохот ни к чему полезному не привёл? Ведь, сколько ни долбил, никакой добычи не обнаружил!

«Но всё это придёт потом! – наверное, утешал себя глупый дятел. – Ведь пища – дело наживное! А сейчас надо заявить свою мощь! Продемонстрировать всем выдающийся грохот, на который не способны даже самые уважаемые дятлы».

– Да уж! – решил я с усмешкой. – Вот ведь на что способна природная глупость в сочетании с тщеславием! Настоящая гремучая смесь!

А бестолковый дятел, меж тем, продолжал стучать и наслаждаться своим могуществом.

– То же самое подчас случается и с некоторыми людьми... – подметил я, но не закончил свою мысль, а лишь засмеялся выявленному сходству. – Жаль, конечно, что не могу снять это представление на плёнку. А со слов мне не то чтобы потом не поверят, но кто же сможет представить во всей красе столь невероятную картину?

И ведь действительно! Тихая на удивление осенняя аллея, насквозь пропитанная солнцем; никому неинтересный колпак фонаря... А на нём – великолепный пёстрый дятел, сдуру возомнивший себя невесть кем! Конечно же, если рассказать, все посчитают, будто я им очередную басню вворачиваю! Посмеются, да и только! А ведь напрасно!

– Тук, тук, тук! – опять заработал неугомонный дятел, завершивший короткую передышку...

Александр Вовк, современный русский писатель

Александр Рассказывает о себе:

Родился в 50-м в прекрасной Одессе.

Жизнь посвятил ракетным войскам и преподаванию в вузах. И она, жизнь, в общем-то, удалась - полковник, доцент, профессор, но всё разрушил долгий и тяжелый инсульт.

Чтобы остановить разрушительные процессы, стал тренировать оставшиеся мозги, развивая любые темы сначала мысленно, пока лежал, а потом и на бумаге. Затянуло! Пару лет назад решил что-то опубликовать. Пока участвовал лишь в одном конкурсе в Проза.ру, где мой рассказ «Крест» занял третье место.

Владимир ГАХОВ

ОПРОКИНУЛОСЬ НЕБО

Его друг - Мишка Прочуханов, всегда весёлый и вечно улыбающийся, по прозвищу «ушастик», уже сутки не выходил на связь. Завод стоял, намертво и обречённо. Шумела котельная, молча сновали люди, готовые в любую минуту запустить этот могучий механизм, ставший сутью их беспокойной и такой привычной жизни.

Не было главного: Мишки и комплектующих, без которых и завод не завод, и зарплата – не зарплата. Не будет изделия, которое так ждут смежники. И значит, коту под хвост план, все их труды и усилия.

Он, директор завода, не имеющий права на эмоции и ошибку - нервничал. Звонок за звонком: «Где...», «Когда...», «Ты ... ответишь».

Последнее раздражало его, особенно. Люди работали на износ. Без выходных. -«Война, что ли?! Уже почти равнодушно, обессилив от бессмысленных переговоров с главком, подумал Он.

Закурив папироску и что-то неопределённое буркнув секретарше, вышел в заводской скверик.

Непривычно тихо и мягко перешёптывались ветви деревьев, солнечный луч, ещё пробивался через листву. Ночь всё стремительнее и уже неотвратимо входила в свои права. Чувство бессилия и неопределённости всегда вызывало в нём молчаливый протест и ярость. Едва присев, Он резко поднялся с металлической скамейки и решительно двинулся к распахнувшейся вдруг двери сборочного цеха.

Навстречу ему, как-то вяло и трудно двигался Алексей – его зам, их, с Мишкой, друг и постоянный спутник всех заводских передраг, рыбацких утех и мальчишников.

- Что Мишка?! Звонил, Зараза?

- Да...

- Что с комплектующими?! ...с хрипотцой, но уже начиная немного остывать от простого и ясного ответа, спросил ОН.

- Погиб...

Ещё ничего не понимая, медленно и с расстановкой, чувствуя всю дикость и неотвратимость случившегося, переспросил: «Кто?!».

-«Мишка. Авария на трассе». Потом, несколько обречённо, словно завывая, Алексей добавил: «Он возвращался. Вёз... на завод. Ночь. Оба... с водителем».

Закружилось и опрокинулось небо. Снова, как и в той, прошлой жизни, когда Он, ещё молодым пилотом, в синем просторе вертел бочки, крутил петли, орал от счастья и сопел от перегрузок, а потом – уже боевым лётчиком - падал с машиной в глубину афганских гор, руки привычно что-то искали... и не находили. Ворот, распахнутый ворот сдавил шею. Задыхаясь, чуть слышно спросил: «Выехали?».

- «Уже везут»- тихо, словно издалека прозвучал голос.

- «Мишку...?!»

-«Нет. Комплектующие. Его не отдали. Завтра...»

И была ночь. Потом - утро. Завод, словно ничего не произошло, работал в полную силу, улыбались рабочие, весело переглядывались мастера и комплектовщицы, еле успевая подвозить на сборку детали. Механизм, дающий жизнь не только изделиям, но и людям, монотонно и привычно перемальывал железо. Работала система.

Молча, как всегда, когда, разогнав самолёт, Он принимал решение: «Взлётая» и, взлетев, - отпустил рычаги управления. Сейчас машина умнее. Ей не надо мешать.

«Счастливые» - как-то отрешённо, словно ни о ком, подумал Он, налил полный стакан водки, потом ещё один и тяжело подвинул его Алексею.

Владимир Гахов, современный русский писатель

Владимир рассказал о себе очень кратко:
Живу в Феодосии, Крым, член ЛитО «Киммерия».

Игорь ИСАЙЧЕВ

СОВРЕМЕННАЯ ДОСТОЕВЩИНА ИЛИ ПОТОК НЕ ОСОБО ТРЕЗВОГО СОЗНАНИЯ

- Мокро... Как же мокро... Раньше в это время снег уже вовсю валил, а тут льет как из ведра... С другой стороны, ну его на хрен этот снег, пусть лучше так... А, черт! Опять в лужу!..

- Нет, ну надо же!.. Как же не словил?.. Никак нюх теряю?.. После первого звонка даже не екнуло... Хотя, тут уж всяко перебор. В провидцы еще рановато записываться. Да не очень-то и хотелось. Вот уж верно: много будешь знать, плохо будешь спать. А ведь когда-то шибко хотел. Ух, как хотел. А сейчас нет. Невелик кайф знать, когда сам в ящик сыграешь. Каждый день обратный отсчет вести... Кошмар!..

- А вот ему, сдается, уже хорошо... Во всяком случае, так считается... С другой стороны, кто ж там был-то?.. Чего-то про такого не слыхал... Фуфло всякое тэвэшное псевдоколдовское не в счет... Эта шушера способна только лохов на рейтинги разводит... Видать пока сам не крякнешься, правду точно не узнаешь... Однако, как бы любопытство не раздирало, все же хотелось бы попозже. Как-то еще планов громадье...

- Так, это где-то здесь... Ага, точно, вон он сидит... Впрочем, было бы нелепо, если б он один в хате мало просто с мертвецом, а с собственным отцом до кучи... Это мне уже все по фиг. Даже как-то нервы щекочет... Извращенец, понимаешь...

- Лифт - древность... Даже стремно как-то... Но пехом до девятого еще стремнее... Говорят полезно, пехом-то... Вот кто говорит, пусть сам и шлепает, а мы как-нибудь на лифте, и пусть нам будет хуже...

- В хате бардак... Не так, чтобы очень, по-холостяцки... И где у нас хозяин?.. Ага, в кладовочке меж комнатами пристроился... На первый взгляд вроде все прилично... стаканчиков-бутылочек не наблюдается, ключ изнутри торчал, - пришлось спеца высвистывать дверь вскрывать, - да и поза у покойничка естественная... Естественная неестественная смерть... Вот такой каламбурчик, эти

его мать... Тем не менее, если я разбираюсь в колбасных обрезках, а я в них как раз разбираюсь, однозначно сам вздернулся... Даже не вздернулся, высоты бы ему тут явно не хватало, а собственным весом задавился... Хотя табуреточка присутствует... Ага-ага-ага, вот и кабеля телевизионного обрывочек... Значит, все же прыгать пытался?.. Не, вряд ли... Табуретка бы всяко опрокинулась, да и из кладовки барахло бы посыпалось... Получается, что задавиться с первой попытки не удалось. Кабель слабоват оказался - лопнул... Так, и на чем же у нас получилось?.. Черт, темно, телефоном, что ли подсветить... Похоже шнур электрический... Такой, пожалуй, и прыжок выдержит... Любопытно, а где ж он его взял?.. Ну, понятно, от ретро-пылесоса отрезал, по которому давным-давно свалка горючими слезами рыдает... Если бы эту рухлядь вовремя выбросили, глядишь, и обошлось бы... Не, точняк не обошлось... Сдается, покойничек твердо решил дело до логического конца довести, раз первый облом не отрезвил... Да и на кухне кровь... Видать до того еще и вскрыться хотел, но тоже неудачно... Вскрывать, это не вешаться. Тут, блин, навык требуется, чтоб физиологию обойти...

- Вот и "скорая"... Тетеньки спокойны, как танки... Понятно, привычка, чай не первый день трудятся. Даже умничать пытаются... Ну, да Бог с ними... Кто еще там в коридоре топчется?.. Ага, его величество участковый пожаловал... Цельный капитан... Где ж их так откармливают?.. Поперек себя шире. Он же скоро в дверь только боком протискиваться будет... С жутко умным видом жалом водит, вопросы мудреные задает... Баран тупой... Тут и пятилетнему ребенку ясно - галимый суицид, к бабке не ходи... Ну, все, слава те Господи, свалил, наконец, Аниськин, понимаешь, без фантомаса... Теперь самое интересное: когда же опергруппа оформлять явится?..

- Сколько уже натикало?.. Вот хрень, начало третьего уже... Тетки со "скорой" говорили "мокруха" через дом... Группа видать там и торчит... Эдак можно и до утра зависнуть, а это полная задница. Угораздило же на десять утра договориться. Кто ж мог знать-то?

- Ладно, хоть балкон дошло открыть. А то вроде как потянуло... Да не, не может быть, и суток еще не прошло. Рановато будет. Глючит, что ли... Да не мудрено, духотища, дышать не чем... И чего раньше маялся, проветривание не устроил?..

- Третий час, а город и не думает спать. И не выходной вроде, а свет в половине окон... Хм, как-то он сейчас хищно смотрит... Сырой, скользкий... и оскаленный... Утробно урчит гад дизелем проползающей внизу фуры... Тьфу, ты, черт подери... Это меня куда-то не туда понесло... Тихо шифером шурша, крыша едет не спеша... Эхма, сейчас бы пивка на давешнюю водочку... Не, никак нельзя. Тут же растащит, а у меня еще главное представление впереди... Да и взять, опять же, негде. Низкий поклон депутатам. Позаботились о здоровье нации, твари...

- О! Внизу шевеление... Трое в подъезд заскочили... Сто пудов долгожданные...

- Мотивчик: "Когда мы были молодые" ...вот также ночами место происшествия описывали... Блин, как время-то летит. Двадцать лет, как один день... Следак, дай бог тридцать, замученный, серый, криминалистка не лучше. Зато опер бодрячком. Сразу видно, для него дело привычное.

- Первый же вопрос: "Еще не сняли?" - умиляет неподдельно... Это, брат, не ко мне, а к опухшему от недоедания участковому, который тут из себя детектива корчил... Ладно, следак вроде с головой дружит... Давай, давай пустой протокол, подпишу... Да знаю, что с

убийства, говорю ж, подпишу... Коню понятно, что ты в здравом уме себе глухаря на пустом месте не подвесишь, бытовой суицид в лучшем виде оформишь...

- Так-с, вот и эти отвалили... До труповозки минут сорок... Пора приступать... Как там следак сказал: "Постарайтесь остороженько, не поломать"... Понятное дело, когда потрошить будут - лишний перелом, ненужные вопросы... Однакось - о времена, о нравы!.. Мы-то раньше сами снимали, а этим все по барабану... Одним словом - полиция...

- Где там мой универсальный инструмент?.. Где ж ему быть, как ни на своем месте, в футляре на ремне... Вот уж никак не мог подумать, что для такого дела, как покойников снимать, пригодится... И так, легким движением брюки превращаются, превращаются брюки, в элегантные пассатижи... Теперь аккуратненько кусаем провод... Чик, и шевельнулся... Ага, сразу не завалился, и то хлеб... Теперь распрямляем одну ножку, затем другую, разгибаем и... етишкина мать! Знал, что будет плохо, но не до такой же степени!.. Вот это синева, Голливуд со своими ужасиками отдыхает... А надутый-то какой, будто компрессором качали... Такое раз увидишь и желание вешаться напрочь отобьет... Неужто в закрытом гробу хоронить придется?.. Нехорошо это. Трепу и без того будет, а закрытый гроб совсем нехорошо... Остается надеяться, что в морге за долю малую что-нибудь изобразят...

- Ну почему мертвецы такие неподъемные?.. Нет, самому не справиться... Хочешь, не хочешь, а придется звать на помощь...

- Так, потихонечку кладем, опускаем руки... Хорошо хоть еще окончательно не заоченел... О, вот и воздух пошел выходить, прямо на глазах сдувается... Вроде и не все так плохо... Опаньки, уже и спецтранспорт прибыл!.. Оперативно... Тысяча шестьсот рублей по квитанции... Конечно мужики, вот вам нормальная простыня, забирайте...

- Уф!.. Вынесли... Формальности и без меня уладят... Мавр сделал свое дело, мавр может удалиться...

- Город пожирает души... Или не город?.. Тогда кто?..

Игорь Исайчев, современный русский писатель

Родился в 1967 году в старинном русском городке Вышний Волочек в семье военного летчика. Детство, проведенное в закрытом военном гарнизоне, однозначно определило выбор профессии. В 1988 году Игорь закончил высшее военно-политическое училище, однако в 1991 ввиду распада СССР с армией пришлось расстаться. Дальше была работа в уголовном розыске, затем борьба с контрабандой наркотиков в системе таможенных органов Северо-Запада России.

Закончив службу в должности начальника отдела по борьбе с контрабандой наркотиков регионального таможенного управления и будучи пенсионером, Игорь обрел возможность сосредоточиться на творчестве. Его рассказы выходили в сборниках А. Покровского, а также в ряде периодических газет и журналов.

Сергей КАРТЕНКО

РАЗБОЙ

Ночная жизнь на железнодорожном вокзале большого города шла своим чередом, придерживаясь своим неписанным правилам. Очередной год "перестройки" вынуждал простых граждан, когда-то великой страны искать новые способы заработать деньги на проживание.

В дальнем краю привокзальной площади стоял автомобиль ВАЗ седьмой модели. За рулем машины дремал ее хозяин, сорока пятилетний Иван Степаненко, до позавчерашнего дня работавший слесарем на ремонтно-механическом заводе и попавший под банальное сокращение штатов в связи с приватизацией когда-то прибыльного предприятия. Эти события и стали причиной заставившей рабочего заняться частным извозом. Ближе к железнодорожному перрону он боялся подъезжать, чтобы не вступать в конфликт с местными таксистами и не «отстегивать» милиционерам транспортной милиции, которые патрулировали на вокзале.

Около двух часов ночи в окно автомобиля Степаненко постучали. Посмотрев в окно, он увидел возле машины двух рослых молодых парней. Парни были смуглые, цыганской национальности.

- Уважаемый, отвези нас в поселок Софиевку Каменского района, - попросил один из парней, склонившись к окну водителя. До поселка было семьдесят километров, водитель это знал, и ехать так далеко за город в ночи с двумя цыганами было страшновато. - Мы заплатим сто рублей, сказал водителю договаривающийся мужчина. Иван Степанович задумался, работы нет, денег нет, кредит надо платить, других пассажиров не намечается. Еще немного подумав, он буркнул — Садитесь.

Автомобиль, резво развернувшись, "рванул" в ночную дорогу, на его заднем сидении сидели двое мужчин цыганской национальности.

Телефон зазвонил в три часа ночи, как всегда, неожиданно. Сергей с большим трудом «вырвал себя со сна» и взял трубку.

- Васильевич, у нас разбой, давай быстрее в райотдел, - услышал он голос дежурного по районному отделу внутренних дел майора милиции Корниенко, которого все сотрудники уважительно называли Александрович. Дежурный ранее служил и участковым, и опером в розыске, последние пять лет перед пенсией он перевелся на должность дежурного. Быстро умывшись, старший лейтенант милиции Сергей Каргин, оперуполномоченный отделения уголовного розыска, оделся и через полчаса уже был в райотделе.

Дежурный встретил старлея дружеским рукопожатием и сообщил, что с находящегося в семидесяти километрах города, два лица цыганской национальности попросили водителя-частника отвезти их в поселок Софиевка нашего района. Подъехав к находящемуся рядом с Софиевкой, селу Троицкое один из пассажиров набросил на шею водителю ремень, а другой приставил к горлу отвертку. После этого они забрали у водителя сорок рублей и ударом в лицо выбросили его с машины. Один из пассажиров сел за руль и, отъехав от этого места примерно километр, автомобиль бросили. Потерпевший водитель, через некоторое время подбежавший к автомобилю, заметил, что из машины пропал магнитофон. После этого водитель Степаненко на этом своем автомобиле приехал в милицию и подал заявление.

Оперуполномоченный Каргин считался в уголовном розыске специалистом по цыганам, на его территории оперативного обслуживания проживало очень много лиц ромской национальности. Учитывая это, начальник милиции приказал старшему лейтенанту возглавить оперативную группу. Действовать надо было очень быстро, пока стояла ночь, и уехать из указанных сел было не на чем.

Милиционеры, получив в оружейной комнате табельное оружие, разместились в дежурном Уазе и около пяти часов утра выехали в указанные места компактного проживания лиц цыганской национальности. За автомобилем милиции, на своем автомобиле, ехал потерпевший.

Каргин понимал, что преступники приехали в гости к кому-то из цыган, проживающих в этом или близлежащих селах. За семьдесят лет советской власти лица цыганской национальности продолжали жить по своим не писанным законам. Эти законы запрещали обращаться в правоохранительные органы с заявлениями на цыган, все конфликты разрешались только внутри своего общества.

"Предательство" в среде цыган каралось только смертью. Так что опер розыска понимал, что преступников будут прятать всеми силами и способами. В данном случае спасением могла быть только скорость, которая опередит "цыганскую почту". Оперативная группа приехала в Троицкое. Каргин знал, где цыганские дома. Они в основном располагались в труднодоступных окраинах села. Милиционеры шли от дома к дому. Каргина знали все живущие в этих селах цыгане и по требованию пускали в дом. Обследовав шесть домов в Троицком, преступников не обнаружили. Степаненко с мрачным видом сидел за рулем своей "семерки". Каргин, как старший оперативной группы, принял решение выдвигаться в село Софиевку, которое находилось в трех километрах от Троицкого.

В Софиевке цыгане жили компактно на северной окраине, практически на одной улице. К семи часам утра группа заканчивала обследовать цыганские дома. Подъехав к последнему дому, Каргин постучал кулаком в некрашеную деревянную дверь и назвал себя. Хозяева знали, что дверь надо открывать, так как упорный опер все равно попадет в дом. Дверь открыла женщина в типичной цветастой цыганской одежде.

- Кто в доме? - спросил Каргин.

Хозяйка перепугано ответила:

- Гости приехали.

В соседней комнате на диване спали два молодых, рослых смуглых парня. Под диваном, как в хорошем кино, лежал автомобильный магнитофон. Позвали Степаненко. Заглянув в комнату, он сразу сказал:

- Они.

Спящих мужчин разбудили и одели на них наручники. В карманах одежды старший лейтенант нашел их паспорта. Одного была фамилия Цыбулькин, второго Гаврилов, оба прописаны в Красногвардейском сельском совете, к которому относилось это село. Каргин удивился, что он их не знал.

Задержанных погрузили в автомобиль и все возвратились в РОВД, где передали их начальнику следственного отделения, который немедленно возбудил уголовное дело по факту разбойного нападения.

Преступники в тот же день были задержаны, а затем арестованы прокурором. В установленные законом процессуальные сроки, следствие по обвинению Цыбулькина и Гаврилова подходило к своему логическому завершению. Оставалось приобщить к делу характеризующий материал и можно его передавать прокурору для дальнейшего направления в суд.

Начальник следственного отделения майор милиции Владимир Струков, в производстве у которого находилось дело, встретил в коридоре милиции участкового Красногвардейского сельского совета.

- Григорий, у тебя на участке проживают Цыбулькин и Гаврилов. Поезжай в сельский совет, пусть сельсоветчики напишут с места жительства характеристики на них, и привезешь бумаги мне.

Участковый лейтенант милиции Яровой или как его все в отделе звали — Гриша, достал блокнот и записал фамилии.

На следующий день участковый Яровой осуществлял по графику прием граждан в Красногвардейском сельском совете. Люди приходили редко, Яровой же постоянно был на участке, и на все просьбы граждан старался реагировать сразу. В этот день посетителей тоже не было. Григорий вспомнил о поручении начальника следственного отделения. Он вошел в кабинет к секретарю сельского совета Нине Васильевне и попросил написать характеристики с места жительства на Цыбулькина и Гаврилова. Женщина знала практически всех жителей села, но эти фамилии услышала первый раз. Не полагаясь на память, она внимательно пересмотрела все подомовые книги, но таких жителей не нашла.

- У нас такие граждане не живут, - сказала она. Григорий молча кивнул и, сев на свой служебный мотоцикл, поехал домой.

Через три дня был четверг. В этот день в милиции останавливается вся служебная деятельность, и личный состав без исключения, кроме дежурного, усаживается в учебный класс или актовый зал на занятие. Занятие это, конечно, звучит очень "громко". В этот день замполиты, оправдывая свое существование в милиции, зачитывали личному составу многочисленные ведомственные приказы, ориентировки. Начальники всех уровней в этот день проводили различные разборки с подчиненными. Было "весело". Все это "представление" зачастую заканчивалось часам к двум дня.

Но в этот день в коридоре РОВД начальник следственного отделения остановил проходящего мимо участкового Ярового:

- Григорий, я же просил тебя привести характеристики с места жительства на разбойников.

- Мне в сельском совете сказали, что такие граждане там не проживают.

Майор милиции Струков работал в милиции уже почти двадцать лет, только последние пять лет он работал в следствии, а до этого был на оперативной работе в отделе по борьбе с хищениями социалистической собственности, дослужившись там до должности начальника отделения.

- Григорий, ожидай меня на первом этаже, поедешь со мной, - сказал Струков участковому и, зайдя к себе в кабинет, положил в кожаную папку паспорта Цыбулькина и Гаврилова. Когда "Москвич" следственного отделения затормозил возле здания Красногвардейского сельского совета, на циферблате было уже почти семнадцать часов. Струков и Яровой вошли в кабинет к секретарю сельского совета, которая собиралась домой.

- По какому адресу у вас на территории сельского совета проживают Цыбулкин и Гаврилов? - спросил начальник следственного отделения.

Нина Васильевна, недовольно покосившись на участкового, стала листать подомовые книги, закончив их осмотр, устало сказала:

- Я уже говорила, они у нас не проживают и не проживали.

Майор Струков достал из папки паспорта преступников и, развернув их на странице, где стояли штампы прописки указанного сельского совета, тихо спросил: - Кто писал в штампе, чей почерк?

Увидев это, лицо секретаря сельского совета побледнело от волнения и ужаса. - Это писал Разумов Михаил Иванович, наш начальник военно-учетного стола.

- Где его служебный сейф? - спросил офицер милиции.

Нина Васильевна молча указала на большой металлический ящик, который стоял в углу кабинета. Струков опечатал сейф своей печатью и приказал участковому показать, где живет Разумов. Автомобиль следственного отделения направился к дому начальника ВУСа.

Михаил Иванович Разумов обрел ветки деревьев у себя во дворе, когда в калитку вошел незнакомый ему майор милиции и местный участковый. С последним он встречался очень часто, а майора не знал. Узнав, что к нему прибыл начальник следственного отделения, Разумов встревожился, но старался виду не подавать. После того, как ему сказали, что он срочно нужен в сельском совете, начальник ВУС, переодевшись, пошел к милицейской машине.

Войдя в сельский совет и увидев, что его сейф опечатан, Михаил Иванович уже не мог сдерживать волнения. Ему предложили открыть сейф. В сейфе находился штамп прописки на территории сельского совета, который там не должен быть, и масса различных документов. Все это в присутствии понятых было тут же изъято, о чем был составлен протокол. Начальнику ВУСа было предложено тут же следовать в РОВД. Начальник следствия решил допрашивать Разумова сам. Он понимал, что вся эта история с липовой пропиской это не просто так, за ней что-то стоит более важное. Свет в кабинете Струкова горел очень долго, шел допрос.

Каргин был в своем кабинете, накопилось много бумажной работы и ему поручили при необходимости помогать начальнику следствия. Около часа ночи майор Струков вошел в кабинет к Каргину.

- Серега, поехали, - сказал он. В машине майор пояснил, что Разумов дал полные признательные показания и рассказал, что на "липовых" прописках он зарабатывал сто рублей, но у него был и более денежный "бизнес". От конкретных посредников, лиц цыганской национальности, он получил по несколько тысяч рублей, за "белые" военные билеты, для призывников-цыган. Часть денег Разумов передавал помощнику начальника отделения райвоенкомата Лымарю, который и делал эти военные билеты. Сейчас они едут домой к Лымарю, что бы задержать его. Каргин знал Ивана Сергеевича Лымаря, в районном военкомате он занимался призывниками очень давно, и он тоже при нем был призван в армию. Когда дверь дома открыл Лымарь, тучный пожилой мужчина, он все понял сразу. Он не был военным, хоть и работал в военкомате, и поэтому, задерживая его, Струков не нарушал подследственности.

В кабинете начальника следственного отдела Лымарь сразу же стал давать признательные показания. Картина взяточничества открылась широкая. Лица цыганской национальности, через посредников из своей среды, передавали крупные суммы денег начальнику военно-учетного стола сельского совета. В свою очередь, начальник ВУС оставляя часть денег себе, передавал деньги помощнику начальника отделения райвоенкомата Лымарю, который изготавливал "белые" военные билеты, делая фиктивные отметки о том, что призывник убыл в другой регион, а личные дела просто уничтожались.

На протяжении длительного времени ни один из лиц цыганской национальности в армию призван не был.

На следующий день районный прокурор санкционировал арест Лымаря. А ещё через день в район примчалась военная прокуратура, которая забрала уголовное дело к своему производству, что немного успокоило работников военкомата.

Военные следователи ограничились обвиняемыми, которые были им переданы. Цыгане-посредники во взятках, пользуясь медлительностью следователя военной прокуратуры, разбежались по

просторам великой страны. Цыгане — призывники-белобилетчики" добровольно явились в военкомат и попросили призвать их на службу. Их служба продлилась до вынесения приговора обвиняемым. После этого жены-цыгане этих служивших приехали к ним в части и официально оформили брак. Учитывая, что у каждого из них было по несколько детей, они были уволены со службы. Материалы в отношении скрывшихся посредников во взятках военной прокуратурой были выделены в отдельное производство и направлены в районную милицию. Их Каргину пришлось искать по всей нашей необъятной стране.

Сергей Карпенко, современный русский писатель

Родился в Украине.

Воинскую службу проходил в ЗабВО, в космических войсках. После службы в рядах Советской Армии поступил в среднюю специальную школу МВД, по окончании которой был распределен оперуполномоченным угро в родной город, где дослужился до начальника отдела угро.

Заочно окончил Ростовскую высшую школу милиции.

По окончании службы в МВД перешел работать в прокуратуру, где был помощником прокурора района, следователем районной прокуратуры, следователем по ОВД прокуратуры крупного города, заместителем прокурора района.

Творческую деятельность начал с публикации репортажей в газете ЗабВО "На боевом посту", затем продолжил её в различных газетах и журналах.

Маргарита КУЗЬМЕНКО**САШКА**

Алексей Васильевич устал. Нет, не от работы, работой он жил, то есть вся его жизнь - это одна сплошная работа. Да и работу свою он любил, а работа его любила. Он был врач, главный, и при этом еще хирург, оперирующий. Вернее наоборот: сначала хирург, а потом главврач, потому что мешали и отвлекали от главного эти бумажно-административные обязанности, потому что главное - это лечить, спасать, оперировать, а не “руками водить”, руководить то есть.

А хирургом Алексей Васильевич был от бога, столько людей за всю свою многотрудную жизнь с того света вытащил, и не сосчитать.

Но вот устал, перестал радоваться, разучился. “Надо”, “обязан”, “должен” заслонило “нравится”, “приятно”, “хочу”. Нет желаний, ничего не хочу, спать хочу, и все. Иногда думалось: ”Вот жизнь уже за полтинник перевалила, а кроме работы и нет ничего, ни семьи, ни детей, даже друзей нет. А некогда потому что, все работа, работа...”

Ну, тут он не прав, потому что больные его не просто уважали, а любили, особенно дети.

А дети, они такие беззащитные, когда им больно. Алексей Васильевич с ними как-то так разговаривать умел, отвлекал что ли, и им легче становилось. Он с детьми никогда не сюсюкал, на равных разговаривал, как со взрослыми, и они к нему тянулись, дружили с ним, доверяли, «страшными»

секретами делились. Вот вчера мальчика привезли, тот с сарая спрыгнул и руку сломал, герой. Очень мужественный мальчишка, так терпел, так держался. Кто, как не Алексей Васильевич, знает, каково ему сейчас.

Вот если бы надо было в разведку идти, я бы с тобой пошел – сказал ему Алексей Васильевич. Тот глаза на него вскинул, лицо просияло, и тут же скривилось, губы задрожали... И «прорвало плотину», разревелся.

Замечали, когда нам плохо и больно, то мы стараемся не показывать, а кто-то вдруг проявит участие, заметит, что не так что-то с тобой... И так жалко сразу себя становится, еще жалче, чем раньше, но и легче, разрядка какая-то происходит, ведь ты уже не один, а когда не один, не так все страшно.

- Поплачь, поплачь, тебе сейчас можно, даже нужно, не всякий взрослый так терпеть умеет.

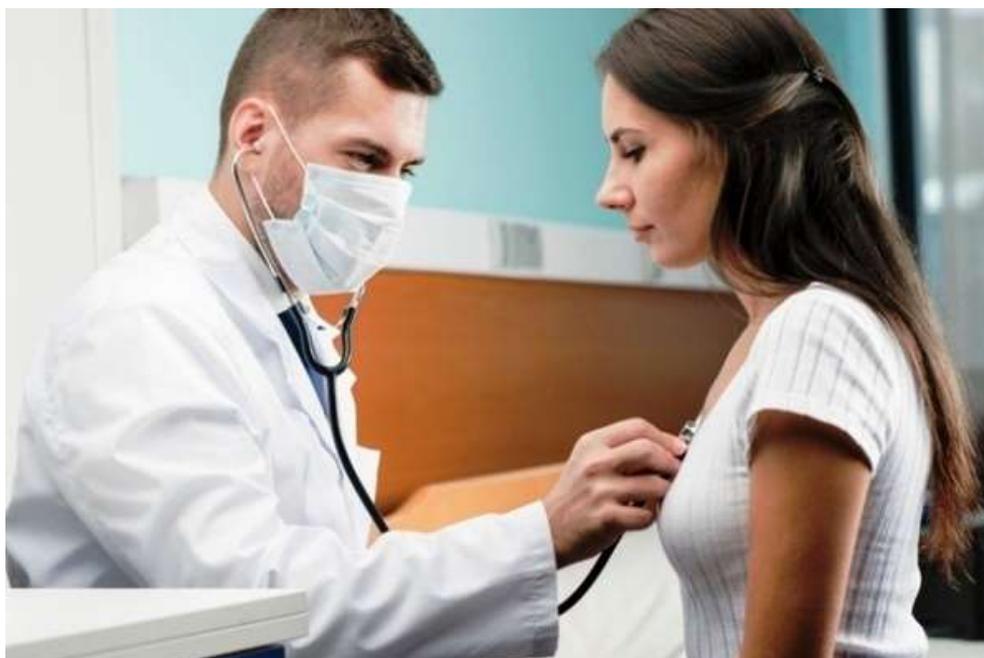
Алексей Васильевич погладил мальчика по голове, встрепал ему волосы.

И так этот мальчишка ему себя самого напомнил, как будто он сам, тот маленький вихрастый Алешка, несчастный и бесстрашный одновременно, посмотрел на него через все прошедшие годы, он даже внешне был разительно похож на него в детстве, ну так ему показалось по крайней мере.

- Выше нос, легчик, в следующий раз парашют не забудь!!

“А ведь и у меня уже мог быть такой ... внук”, - подумал он, - “а то все работа, работа...”

И тут память утянула его назад лет на тридцать. Он вспомнил тот день, когда увидел Сашку в первый раз. Был обход. Переходя из палаты в палату,

слушая, назначая, успокаивая, советуя, Алексей, тогда еще совсем молодой начинающий доктор, все время ощущал какую-то тревогу.

Обход закончили, вышли в приемный покой. И тут скорая подкатила. В покой вкатили носилки.

Маленькая, худенькая, беленькая девочка на носилках лежала, сжалась вся, будто замерзла. Алексея как в грудь толкнули, чуть не упал. Это он так почувствовал, как этой девочке страшно и больно, ему самому съежиться захотелось, как от ветра ледяного. Вот так он через себя ее состояние почувствовал. И еще понял, что он сейчас эту девчонку будет спасти, как самого себя, он и не разглядел ее еще, а уже знал – это его, родное.

Алексей осмотрел девочку, вернее девушку, как теперь стало понятно. В общем-то, не критично: ребро сломано и рука, еще небольшое сотрясение мозга. Все поправимо. И он успокоился.

Саша открыла глаза и увидела паучка, маленького и мохнатого, он спускался с потолка прямо ей на нос. Она ночевала на даче, на втором деревянном этаже, там в щелочках между досками проживало много разных существ и сущностей, не видимых глазу. И когда они вдруг являлись, даже самые неприглядные и даже страшненькие, Саша брала большую мягкую тряпку, аккуратно, чтобы не придушить и не примять, окутывала нежданного гостя и вытряхивала на улицу – пусть там поживет.

А сегодня был паучок – это к известию. «Сегодня что-то будет, что-то хорошее», - подумала она. Она верила в хорошее.

Саша – девушка-солнышко. Оно не слепило, не обжигало, а мягко грело, рядом с этой девочкой становилось тепло и уютно.

Пока Саша размышляла, как ей успеть к десяти в город, паук благополучно смылся.

- Александра, иди завтракать, - позвала Сашу мама.

Девушка спустилась по крутой лесенке на первый этаж. Тоненькая, в белом платице, с затянутыми в веселый пучок светлыми волосами она была совсем девчонка.

- Mam, я не успеваю, мне нужно в город съездить, Дашке помочь, с Дениской посидеть.

Дарья, старшая сестра, только Саше могла Дениску доверить, этого бандита, трех лет от роду, только Саша могла приручить.

Саша чмокнула маму в щеку и, жуя на ходу мамин оладий с яблоками, умчалась на утреннюю электричку.

Саша успела-таки на первую электричку, хотя никак не должна была. Ведь чтобы дойти до станции, нужно пройти через небольшой лесок, а там столько всего... И эти птенцы-подростки, которых мама-птица учит летать, и эти муравьи, что тащат через тропинку свой будущий дом, ну а эта стрекоза, что села на рукав белого платья ближе к плечу и ТАК посмотрела Саше прямо в глаза. Вы вообще глаза стрекозы видели? Вот именно!

В общем Саша заскочила в последний вагон электрички за минуту до отправления. Ура, успела!!!

Вагон был почти пустой, никому в город в такую рань не надо. Какая-то парочка дремала в углу, да две тетеньки с кучей корзинок с ягодами, видимо продавать на базар в город везли.

Как же пахли эти ягоды... Земляника, сразу можно понять, такой нежно-розовый дух, с примесью дымчато-серого. Почему-то так представила себе Саша этот запах. Она вообще представлять любила. Вот ветер, например, он живой и такой разный: то легкий и веселый, как крылья бабочки; или упругий, тугой, но нежный и ласковый при этом; а еще бывает злой, колючий: жжет, бьет, отталкивает. Так же и о деревьях, воде, да и обо всем вокруг можно представить и придумать. Она вообще такая выдумщица – эта Сашка.

Вот тут и задумаешься: а если сильно, сильно зажмуриться, как в детстве, и напридумывать, и намечтать, то так и будет все. Это я точно знаю! Главное верить во все это по-настоящему.

Саша смотрела в окно: мир летел ей навстречу, она летела навстречу миру.

«Уважаемые пассажиры, наш поезд прибывает...»

Она все проспала, засоня, и не заметила, как задремала. Быстрее, быстрее! Две остановки на трамвае, а там дворами напрямую пять минут до Дашиного дома. Успею.

Саша вышла из трамвая. Свернула за угол во дворы.

Как же сладко пахнут липы – успела подумать... А дальше удар, она вскинула глаза на машину, увидела ужас на лице человека за рулем, и дальше... темно.

Когда обезболивающий укол подействовал, вернее, даже раньше, когда в приемном покое Саша поймала на себе этот зеленый тревожный взгляд, ей уже стало не так больно и страшно, как будто этот мужчина, как потом выяснилось доктор, ее боль и страх себе забрал. Она ему как-то сразу поверила, что он ее спасет и вылечит, и ничего страшного уже больше не случится.

Сашу перевезли в палату, и зеленоглазый доктор был рядом, стоял, сидел, ходил, трогал за руку, словом не уходил из поля зрения, она его все время чувствовала, глаз с него не сводила, разглядела, наконец, какой он до невозможности красивый, и в груди сладко защемило, екнуло и скатилось ниже в живот и там свернулось теплым трепетным клубочком. Саша влюбилась всей душой и всем телом, всеми ее (души) закуточками и всеми его (тела) членами, навсегда и бесповоротно.

А Алексей, он никак из этой палаты выйти не мог, все находил какие-то дела и предлоги лишь бы ЕЁ из поля зрения не выпускать, а вдруг исчезнет, как сон. Ему теперь без НЕЁ никак, невозможно. Вот и слонялся вокруг, пока в ординаторскую не позвали, где ему сообщили, что доктор, сменяющий его ночью, заболел. И Алексей обрадовался, есть повод остаться в ночную смену, быть рядом с НЕЙ, просто по коридору мимо двери ЕЁ палаты ходить и знать что ОНА рядом.

Саша проснулась от того, что ее по голове гладят, глаза открыла – мама, испуганная и счастливая одновременно. Только мама может так гладить и так смотреть, много любви на свете есть, а мамина, она такая одна, потому что она бескорыстная от слова совсем. Даже у самого любящего человека есть корысть – люби меня, как я тебя, а у мамы нет, себя за тебя отдаст и спасибо скажет, что взяли. Мало мы это ценим, при жизни ее, маминой, а потом уж поздно.

А за спиной у мамы стоял доктор и так сиял зелеными глазами, что Саша подумала: «Какое счастье, что меня та машина сбила». Вот уж не было бы счастья, да несчастье помогло.

В палату заглянула медсестра: «Алексей, Вас к главному вызывают». Алексей рассеянно улыбнулся, ему так не хотелось уходить, сказал, что он скоро вернется, и вышел.

«Алексей! Тоже на А начинается, как и Александра» - подумала Саша и улыбнулась. Когда мы влюбляемся, нам так хочется найти хоть что-то общее со своим любимым.

А мама смотрела на нее и думала: «Лежит в больнице, в гипсе, и улыбается, что за чудо-девочка у меня выросла, какая же я счастливая».

Каждое утро в палате начиналось с ожидания прихода доктора.

Как ни тонка грань между больным и здоровым человеком, все же переходя в разряд больных, человек сильно меняется, он как бы все свое внимание внутрь себя обращает, да это и понятно, кто ж себе самый дорогой, как не ты сам? Вот это всех больных объединяет, а так- то они разные.

Но Саша не как все остальные больные доктора ждала, ей ничего от него не нужно было, ей нужно было, чтобы он просто был, и все. Непонятно откуда, возникло у нее твердое убеждение, что без него ей уже нельзя, невозможно просто, и по его такому горячему, такому открытому ей навстречу взгляду, она понимала, что он чувствует то же самое.

Саша быстро шла на поправку. Уже можно было потихоньку гулять в больничном парке. Сидя на скамеечке, она все время надеялась, что доктор хотя бы промелькнет, просто пройдет мимо, улыбнется, да просто посмотрит на нее, и ей не надо ничего больше, чтоб стать счастливой на весь день. Но у него бесконечные операции, операции, операции...

Однажды вечером, возвращаясь с прогулки почти перед отбоем, темнело поздно, поэтому разрешали погулять подольше, она поднималась по пустынной лестнице на второй этаж. Глядя под ноги, чтобы не споткнуться, она увидела, что ей навстречу спускается он, ее доктор, он вплотную подошел к ней, она подняла глаза. Стоя ступенькой выше, он смотрел на нее сверху вниз, и такая нежность и любовь была в его глазах, во всем его лице, во всей позе, чуть наклоненной к ней. Он казался таким огромным, сильным и бесконечно близким и желанным.

С этого мгновения они стали вместе, одно целое, так, по крайней мере, им казалось тогда. Как же их закружило: как же сладко было сначала целоваться, а потом, сдерживаясь, чтоб не наделать шума, любить друг друга ночью в пустой ординаторской на узком диванчике.

Пришло время выписки. Саша чувствовала себя чудесно, расцвела, похорошела, и была невероятно счастлива. Ей тогда казалось, что ничего не страшно, когда они вместе.

После выписки из больницы видеться стали реже, у Алексея работы невпроворот, а там и сентябрь, учеба у Саши началась. Но ведь чем реже встречи, тем они желаннее. Как сумасшедшие бросались они друг к другу, когда удавалось выкроить время для встреч.

Жизнь не стоит на месте. Алексею предложили очень перспективную стажировку в Париже, он тогда уже большие надежды в медицине подавал. Подумали и решили: поедem вместе. Стали планы строить, мол, поженимся там, обживемся, глядишь, и маму заберем Сашину, у Алексея родители умерли тогда уже оба.

Но опять же, можно только предполагать, а располагает, как известно, Бог. Заболела Сашина мама, самый родной человек, необратимо заболела, даже Алексей был бессилен, и так сразу беспомощна стала она в своей болезни, и наотрез отказалась уезжать куда-либо из родных мест, сказала, умру дома.

Отказываться от стажировки Алексею было уже поздно, слишком серьезные люди его туда направили, и он уехал, на три года.

Расставались больно, очень больно, по живому рвали прямо. Утешали друг друга: “Время пролетит”, “Ты ко мне приедешь”, “Люблю тебя”.

Уехал Алексей. Он то сразу в работу окунулся, нет, не окунулся, нырнул с головой. Конечно, часто о Саше думал, хотел ее, снилась она ему постоянно, на звонки кучу денег тратилось сначала ежевечерне, потом пореже, пореже... работа для мужчины очень много значит, общеизвестно!!

А Саша осталась одна на руках с больной безнадежно мамой, сестра с мужем и Дениской переехали в другой город по месту работы мужа, подруг она растеряла, жила одним Алешей в сердце.

Ну и что в результате: звонки все реже, беда с мамой все очевидней и страшней, одна, одна я на этом свете, не нужна никому... И тут, здрасьте Вам, Антон, совсем не мачо, но чуткий, внимательный, переживательный, и... ценитель ... всего: искусства, красоты, да вообще ценительный - руку подаст, плечо

подставит, к сердцу прижмет...и прижал, неожиданно и властно, по-мужски. Опомниться не успела: утром кофе в постель, не секс, а феерия, в общем, дура, сама виновата.

А он то ей не нужен, и даже противен, никто он ей и никогда, и как теперь с этим жить, если Алеша везде: в голове, в душе, в снах, в постели - запах, слова, мысли. Алеша звонит, а она замирает, но не от любви и нежности, хоть это все тоже никуда не делось, а даже еще и утроилось - упятерилось, а от чувства вины.

В общем запуталась Сашка, потерялась.

Даша, сестра старшая в гости приехала, одна, без семьи, у нее тоже проблемы начались, муж то ли загулял, то ли охладел, трудное время. В общем, встретились, поговорили, поревели и... напились быстро и неожиданно, разоткровенничались, наболтали друг другу всяких глупостей и разбрелись спать. Наутро Саше нехорошо так было, грешила на разгул вчерашний, ан нет, все серьезнее оказалось. Не только сегодня, а и завтра тошнит, и потом ... беременная в общем.

Да если б не этот случай с Антоном, не было б счастья ее предела, ну а теперь кто ж отец, непонятно, хотя уверена была, что Алеша, иначе быть не может, что родные, что единственный, что, что, что... Что делать-то теперь?

Что-что - рожать, мой ребенок, я гордая, а мужики все предатели, вот и Алеша не звонит неделями.

А через неделю умерла мама, хоть болела, и ожидаемо вроде было, но нет, этого нельзя принять и понять, когда близкий человек уходит навсегда, насовсем, и нет и не будет его больше на этой земле никогда. Не понимает это человеческий разум, а сердце так и вовсе.

Алеше о смерти мамы сказала Даша, Сашка была никакая, все свалилось сразу, как в страшной сказке, кошмарном сне: и смерть, и предательство (свое собственное), и немощь (тошнило нещадно), не могла и не хотела она ничего и никого в тот момент. Хотя, неправда, будь тогда он, ее Алеша, рядом, тогда все иначе совсем сложилось бы, но нет, это ж только в сказке, и принц, и Золушка, и карета...

У Алексея тогда проходил большой конгресс, светила медицинской науки съехались, решали глобальные вопросы здоровья нации и всего окружающего мира. А его, Алексея, мир, рушился, а он об этом и не знал даже. Даша сказала, что их мама умерла. Алексей много смертей повидал, на его руках умирали люди не раз, всегда это было

тяжело, но такова жизнь, и профессия обязывала относиться к этому без личной трагедии, иначе не выжить просто, а людей тогда кто спасать будет?

Он только очень расстроился, что не сама Сашка ему об этом сообщила, какое-то смятение в нем колыхнулось, как будто крепкая железная нерушимая цепь между ними треснула, он это прямо физически ощутил, болью.

Но опять же, как у Симонова: “...но работа опять выручает меня, как всегда. Человек выживает, когда он умеет трудиться. Так умелых пловцов на поверхности держит вода. Почему ж мне так грустно...”

Да потому. Мир же не без добрых людей. Разъяснили, описали в подробностях, поддержали, даже посочувствовали, возмутились: «Да как она могла..» Приложили все усилия для восстановления справедливости в семье, отдельно взятой, не своей, Алешиной.

И он закрыл дверь, и внутрь и наружу, и не стал ни с кем обсуждать, даже с собой, закрыл и ключ выбросил.

Александра Сергеевна жила одна. Сын Игорь с женой Машей и внуком Алешей жил в загородном доме. Игорь был успешным предпринимателем, так что многое мог себе позволить, он и маме предлагал дом купить, но она захотела в родительской квартире остаться, родные стены согревали, и одиночество не казалось тяжким, даже наоборот, она уже так привыкла жить одна, что даже находила в этом свои прелести. Она так и не вышла замуж, хотя была с виду все та же Сашка, тоненькая и нежная, с непослушной челкой, падающей на глаза. Много в течение жизни было желающих прекратить ее одиночество, были и такие, которым это почти удавалось, но, нет, того чувства уверенности, что “мы одно целое” больше не пришлось ей испытать, а без него нет семьи, и к чему тогда все менять, какой смысл?

В то утро, когда она собиралась на работу, зазвонил телефон, и Игорь взволнованно сообщил, что Алешка свалился с сарая и сломал руку, отвезли в Первую городскую, Маша уехала со “скорой”, а он сейчас помчится следом, и сказал, что внук просит, чтобы Саша (так он бабушку называл) тоже приехала. Она попросила заехать за ней.

Алешка любил бабушку до замирания сердца, она и вовсе не бабушка ему была, а боевая подруга и союзница, только с ней он мог пускаться в приключенческие авантюры, только она могла так рассказать сказку, что оба они в этой сказке жили, и, конечно же, именно она должна быть рядом в ту героическую минуту, когда он, превозмогая боль, но не подавая виду, принял окончательное и бесповоротное решение, стать летчиком, и сразу же после выздоровления прыгнуть с парашютом, вместе с Сашей, разумеется, ну можно еще и доктора пригласить, уж очень он Алешке понравился.

После обхода Алексей Васильевич решил еще раз заглянуть к тому отважному мальчугану, вот запал он ему в душу и все.

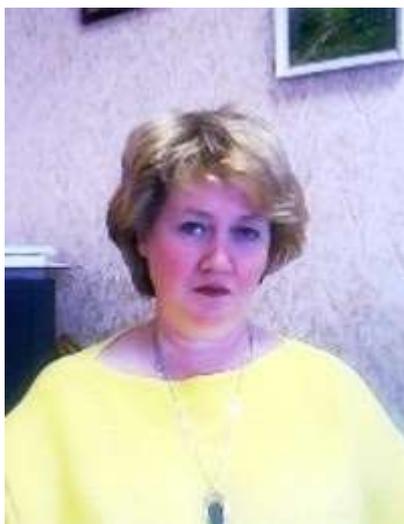

Он шел по коридору травматологического отделения, а навстречу ему, выставив наперевес загипсованную руку, шагал Алешка. Глядя мимо него, мальчик прокричал: ”Саша, Саша, я решил, я стану летчиком, и мы прыгнем с парашютом”.

Алексей Васильевич

резко обернулся, и в грудь ему с разбегу уткнулась его Сашка. Она подняла глаза, как тогда на лестнице, много лет назад, а он обнял ее и подумал, что теперь он ее никуда и никогда не отпустит.

КУЗЬМЕНКО Маргарита Валентиновна, современная русская писательница

Родилась в 1961 году в г. Комсомольск Ивановской области. Окончила Чечено-Ингушский государственный университет им. Л.Н. Толстого, филологический факультет. Работает в Нижегородском государственном педагогическом университете имени Козьмы Минина с 1995г. по настоящее время. Живет в Нижнем Новгороде. Публиковалась в Нижегородском альманахе ЗЕМЛЯКИ.

Лана Лэнц

ПРИНЦ!

Алина Васильевна – педагог гимназии номер четыре, девушка строгая и ответственная, а вот с личной жизнью...

«Двадцать шесть лет, а всё одна. Её природа и смазливый личиком не обделила, и фигура неплохая, а толку-то. Сколько пытались её с родственниками или друзьями познакомить, она лишь нос воротит. Этот - скучный, а чего ему клоуном быть, если он солидный человек, директор магазина как-никак. Тот - старый, зато свой бизнес у мужчины, дом в Италии и не только. Ровесника ей нашли, так - глупый, ну что им задачки по ночам решать, что ли? А ведь не молодеет. Принца, наверное, ждёт!» - перемывали Алине косточки её коллеги. И так постоянно.

В конце концов Алина попросила больше не приставать к ней до тех пор, пока действительно не найдут принца!

Завуч смеялась, мол, зря вы, Алина Васильевна, им это сказали. Притащат ведь к нам в школу какого-нибудь принца из Африки.

От навязчивости этих сводниц удавалось избавиться только летом. Вот тогда она уединялась на построенной отцом даче, и отдыхала от коллег, учеников, городского шума.

Родители уже второй год жили у моря - врачи рекомендовали маме морской воздух, а Алина присматривала за домиком и всем остальным, можно было, конечно, уехать к родителям, но мама бы суетилась вокруг доченьки, заботилась, и не отдохнула бы. Опять же, отправляла бы её на какие-нибудь мероприятия, в надежде, что для её девочки, наконец-то, найдётся пара.

«Не нужен мне никто, когда тут так хорошо!» - думала она, сидя вечерами на веранде. Дело в том, что если в сказки почти, то уж в принцев на белых конях она и вовсе не верила.

Однажды, уже случалась с ней «сказка» под названием «жить без него не могу», после которой вера в принцев не то чтобы остыла до нормальной человеческой температуры, а стала ничуть не теплее любимого ею эскимо.

Но веришь ты в сказку или нет, сказку это как-то особо не беспокоит, впрочем, и принцев тоже.

Решила Алина Васильевна как-то в полдень отдохнуть от «отдыха на грядках» и самое пекло переждать в доме, внутри в жару прохладно, так часто бывает в пеноблочных строениях. Кваску налила, в кресло уселась, расслабилась, квас попивает маленькими глоточками, чтобы не простыть. Хорошо!

Смотрит, а на окно большая лягушка залезла, или жаба, кто ж её знает, Алина Васильевна не биологию преподавала, в разновидностях этого зверья не особо

разбиралась. За окном, чуть поодаль от стены бочка с водой для полива стоит, наверное, в воду хотела лягуха залезть, да не вышло, она тогда, запрыгнув на балку под окном, сюда заскочила. Всё лучше, чем на жаре.

- Что, - спросила Алина, - жарко на улице? Заходи, тут хорошо, прохладненько.

А зелёное существо с лапки на лапку переступает, вроде как скромничает, но, тем не менее, осторожно перебралось на середину подоконника.

- Ты чего манерничаешь? – спросила девушка, улыбаясь, - прямо, как принц из сказки. Там лягушка, конечно, царевной была, но ведь это же сказка. Раз царевны бывают, то и царевичи тоже. Давай, я тебе воздушный поцелуй подарю, никто ведь не говорил, что так нельзя, ты станешь принцем и переберёшься в холодок, а я пока

кваса пойду ещё налью.

Алина Васильевна послала «лягушачьему принцу» воздушный поцелуй и отправилась к холодильнику.

Каким же было её удивление, когда она вернулась...

Да что там удивление - шок!

Она наощупь поставила кружку с квасом на стол, стоявший рядом со входом (не уронила лишь благодаря многолетней работе в школе, там при входе в класс можно ожидать чего угодно) и строго спросила:

- Вы кто?

В её любимом кресле сидел мужчина, что само по себе было не слишком обычно, к тому же он был совершенно обнажённым, хоть, как бы невзначай, и прикрывал оное место рукой.

- Ква! – коротко ответил «гость».

- Чтоооо? – с недоумением произнесла Алина Васильевна и зачем-то посмотрела на подоконник – лягушки там не было.

- Принц - я! Извините, говорить по-человечески, конечно же, умею, но столько времени провёл в лягушачьей шкуре, что квакать привык. Вот непроизвольно на лягушачьем вам и ответил. Ваш воздушный поцелуй спас меня от чар.

- Мужчина, не морочьте мне голову, и прикройтесь чем-нибудь.

- Простите, лягушки в костюмах из парчи и бархата не ходят, и корону тоже пришлось оставить, не по размеру она мне была, когда злая колдунья меня в лягуха превратила.

«Принц» грустно вздохнул.

Станиславский про этот вздох наверняка сказал бы: «Верю, дорогой принц, каждому вашему вздоху верю!» Но то Станиславский, а то учитель из российской школы. - Вы тут пока накиньте на себя покрывало что ли, ваше высочество, а я вам тоже квасу принесу, - сказала Алина Васильевна, пятясь к двери. Выскочив из комнаты, она рванула к соседям.

Алексей Коржаков - крепкий мужчина, он сможет разобраться в ситуации. С ним и его женой, Ксенией, она была в хороших отношениях, хоть и не друзья, конечно, но добрые соседи.

Вбежав в дом к Коржаковым, Алина выпалила:

- Помогите, у меня дома голый мужчина.

Ксюша с Алексеем сперва выпучили глаза от неожиданности, а потом со словами «наконец-то» покатались со смеху.

В конце концов, соседка сумела объяснить, что случилось, и Лёша, на всякий случай взяв черенок от лопаты, лежавший у крыльца, отправился с ней, разбираться с незванным гостем.

Надо ли говорить что, когда они пришли, даже следа постороннего мужчины в доме не было. Они обыскали всё, заглянули и под кровать, и на чердак. «Принц» пропал, словно его и не было.

- Алиночка, - улыбнулся сосед, - не работай столько в огороде, тем более под палящим солнышком, отдыхай чаще!

- Но как же. – лепетала Алина Васильевна, - я же не сумасшедшая, он точно был.

- Никто и не говорил, что ты сошла с ума, просто замуж тебе пора, чтобы помогал кто-то, а то тащишь всё на себе, вот и переутомилась. Ладно, я пойду, а то Ксюха волноваться начнёт. А ты отдохни, лучше поспи.

- Я боюсь спать одна, а вдруг... - тихо сказала Алина.

- Вот и я про то же, пора спать не одной, хоть какая-то защита будет, а сейчас закрой двери и окна, оставь только форточку, в неё-то никто не залезет, и отдохни, а мы приглядывать будем на всякий случай, - бодро ответил сосед и ушёл.

Алина Васильевна выпила квас, всё ещё стоявший на столе, заперла двери, а когда подошла к окну, то увидела ту самую лягушку. Она грубо вытолкнула её на улицу и закрыла окошко на шпингалет. После этого по совету Алексея легла спать.

«Какая чушь мерещится иногда, правда надо меньше на жаре по грядкам ползать, хотя принц был очень даже симпатичный и неплохо сложен, вёл себя тоже вполне достойно», - подумала она засыпая.

Проснулась вечером и то только потому, что к ней зашла Ксюша и позвала на окрошку и пирожки с ревенем. Алина попыталась отказаться, но соседка была настойчива, да и пирожков захотелось... в общем, она пообещала окончательно проснуться, умыться и прийти через десять минут.

Едва она вошла в дом к Коржаковым, сразу поняла, что её разыграли. За столом, как ни в чём не бывало, сидел «принц», только теперь в футболке и шортах, а не «в чём мама родила», как в прошлый раз. Алина Васильевна хотела развернуться и уйти. Но о прощении её почти хором молили все присутствующие. И... в конце концов сумели уговорить соседку остаться.

«Принца», как оказалось, зовут Вадимом, они когда-то вместе с Лёшей учились в институте.

Друзья рассказали ему о симпатичной незамужней соседке, а он решил посмотреть, что это за соседка такая и, если она понравится, то познакомиться. Заходить с центрального входа не решился, заглянул в окно и, так вышло, что случайно подслушал её шуточный разговор с лягушкой, из озорства решил воплотить девичьи мечты в реальность. А кому бы ни захотелось хоть на пять минут стать героем сказки, да ещё и принцем.

- Вадька, ты вот объясни, зачем догола разделся-то, перепугал девушку. Когда она говорила «голый», я думал, что образное выражение, мол, в одних шортах. А ты прямо совсем... ну ты даёшь! – качая головой и едва сдерживая улыбку, спросил бывший однокурсник.

- А король-то голый! – пошутила Ксюша.

- Принц, а не король, - гордо заявил Вадим. - Хотел, чтобы правдоподобно было, где ты, Лёха, видел, чтобы у лягушек шорты имелись или хотя бы плавки, пришлось одежду снять и за бочку с водой спрятать. Но, я поразился самообладанию Алины, даже не завизжала, кружкой с квасом в меня не бросила...

Тут он неожиданно повернулся к Алине Васильевне и произнёс: - Алиночка, поскольку вы меня видели обнажённым, теперь, как честный человек просто обязаны на мне жениться, в смысле замуж за меня выйти. Заявляю это в твёрдой памяти и трезвом уме, поскольку мы ещё даже не открывали вино, ждали вас.

- Не переживайте, я вас не рассматривала, - смутившись, ответила Алина Васильевна.

- Вот и рассмотрите, как поженемся!

Вечер удался, не смотря на произошедшее днём, всем было легко и весело.

Вадим приехал и в следующие выходные...

А после Нового года они с Алиной поженились.

«Дождалась - таки наша Алина Васильевна принца», - с завистью говорили её коллеги, разглядывая в учительской свадебные фотографии.

«Ах, если бы вы эту историю с принцем с самого начала знали...» - думала Алина, и сколько бы она о том случае не вспоминала, на лице её всегда появлялась яркая улыбка.

Лана Лэнц, современная русская писательница

Родилась в Новосибирске, проживает в Москве. Член Российского союза писателей.

Увлечлась поэзией с трехлетнего возраста, победительница и лауреат многочисленных литературных олимпиад и конкурсов, активно публиковалась в различных местных изданиях. Впоследствии Лана впервые пробует себя в прозе, пишет сказки и небольшие рассказы.

После переезда в Москву пробует себя в большой прозе. Её наиболее известные произведения - романы "Невероятное наследство" и "Вилфрид", повесть "Кошатница", сборники повестей и рассказов "Истории города N", "Сказки города N". Основное направление творчества Ланы Лэнц - мистика и фэнтэзи.

Дмитрий ЛЯЛЯЕВ

ДОКАТИЛИСЬ

В разных городах Максуда называли по-разному.

Чаще всего – Максимом, по-русски, поскольку города, по которым его возил Одноглазый, были большею частью русские – Астрахань, Саратов, Нижний Новгород, Москва, Санкт-Петербург. Нигде подолгу они не жили: рано или поздно Одноглазому с его бандой, в которую входил теперь и Максуд, приходилось убираться из нанятой за приличные деньги неприлично грязной квартиры где-нибудь возле вокзала или городского рынка, покупать билеты в душливо-тесный плацкартный вагон и катиться куда подальше.

Вот и сейчас: ночь, грохот вагонных колёс, под который не уснуть ни одному ребёнку в мире, несмолкающие пьяные разговоры, постоянно лязгающая дверь, ведущая к туалету, – всё это вместе взятое отнимало у мальчика сон и воскрешало его прошлое.

Он отчётливо помнил родину. Солнце, не по-северному золотое, а по-южному ослепительное до белизны, убогий кишлак, прилепившийся к склону горы,

покосившиеся глиняные мазанки, согнувшиеся под тяжкими ношами женщины, среди которых, сгорбившись почти до земли, брела мать Максуда, надрывный плач его голодных младших братишек и сестрёнок, отчего-то всегда хмурый и раздражённый отец. Некому было объяснить пятилетнему человеку, что есть нищета и главное – для чего она есть и кого она ест. Отец был сильным, мускулистым, не по-восточному высоким человеком, но и он в последний для Максуда год как-то съёжился, высох и сгорбился, словно это он, а не мать, таскал тяжёлые тюки с некогда колхозного поля.

И вот однажды в кишлак заявился Одноглазый. Нет, что ни говорите, а предчувствие всё-таки существует. Максуд возненавидел его с первого взгляда, как бывает, наверное, с первого взгляда любовь. Разница только в том, что любовь впоследствии переходит в привычку, а к ненависти привыкнуть невозможно. И казалось бы, поначалу ничто не предвещало в нём заостренного негодяя, напротив: приехал на фешенебельном джипе, одет был с иголки в заведомо модный белый костюм, глаза, в том числе и тот, которого не было, скрывали дорогие, если судить по наклейке, противосолнечные очки. Войдя к ним в хижину, он щедро одарил детишек леденцами, а ошалевшему Максуду вдобавок вручил нечто совершенно невиданное – красную пластмассовую МАШИНУ с блестящими колёсами, до невероятия схожую с той, на которой приехал сам добрый факир. Однако было в этом субъекте что-то омерзительное, змеиное, то, что взрослыми словами не выразить, а понять можно только детским неискушённым сердцем, и проявлялось оно в какой-то отрететированно-слащавой улыбке.

Добрые факиры так не улыбаются. Так улыбается уличный подонок, готовясь ударить тебя кастетом, в то время как его кореша аккуратно выкручивают тебе руки. И была какая-то сила, которая заставила Максуда отказаться от протянутого к самому его лицу сказочно шикарного подарка.

Тогда Одноглазый уединился с отцом. О чём они говорили, никто не слышал – для разговора Одноглазый увозил куда-то отца на машине – но вернулся отец не просто ещё более сумрачным, но и по-настоящему постаревшим. Никогда после этого Максуд не видел такого рельефного выражения страдания и отчаяния на лице человеческом. Впрочем, он никогда не видел в зеркале самого себя. Карманы отцовских продырявленных джинсов оттопыривали аккуратно перевязанные пачки, которые он тщетно пытался скрыть. А потом, ночью, когда все дети, как казалось взрослым, заснули, отец поднял с постели полумёртвую от усталости мать и долго-долго ей что-то горячо и отрывисто доказывал, шурша при этом какой-то бумагой. Мать возражала, поначалу робко, как будто не веря, затем более настойчиво, и, наконец, она разрыдалась, да так бурно, что отцу пришлось её успокаивать. Но и вернувшись на свою нищенскую постель, мать не сомкнула глаз и проплакала до зари.

А потом Одноглазый увёз Максуда на джипе. Это случилось уже на следующее утро, Максуд не успел даже как следует отойти после недолгого сна. Его подняли, наскоро умыли, одели в обычное тряпье, сунули в руки пакет пряников, усадили в джип, и машина резво тронулась с места. Но Максуд не плакал. Он решил, что если отец отпускает его из дома, значит, он уже большой, он – мужчина, а мужчинам плакать не подобает. Тем более – перед лицом врага. А то, что Одноглазый – враг, не замедлило проявиться. Его заученная слащавая улыбка исчезла бесследно, как исчез в его когтеобразных пальцах пакет только что подаренных пряников, как исчез подобострастно-вкрадчивый тон – «Жрать будешь, когда заработаешь!» С его сухого скуластого лица как будто съехала неудачно, не по артисту сделанная маска. И вдобавок он снял очки. Отвратительный красный рубец пересекал его правую глазницу от переносицы до щеки. Глаза не было, был только ужасный, грубо зарубцевавшийся шрам. И в тот момент, когда он снимал очки, он в первый раз рассмеялся. В его смехе самым причудливым образом соединялись карканье ворона, вой шакала и шипение змеи. Иногда эти звуки последовательно сменяли друг друга, иногда сливались воедино, затем постепенно выдавливали один другого, как кукушонок в чужом гнезде выпихивает, обрекая на смерть, ненужных ему конкурентов, но никогда за всё время знакомства с Одноглазым Максуд не слышал из его перекошенного рта нормального человеческого смеха.

Так же, как Одноглазый не слышал плача Максуда.

Не терпевший зря тратить время Одноглазый сразу же по приезде в город - это был первый ГОРОД, увиденный Максудом - привёз его к знакомому эскулапу в драном затасканном медицинском халате – «Этот дядя тебя немножко полечит, гы-гы-гы!» – потом они зачем-то привязали Максуда к железной койке крепкими жёсткими ремнями и надели на него какую-то несуразную маску, тоже снабжённую ремнями, через которую почему-то надо было дышать – «Это чтобы ты не расплакался, гы-гы-гыр!». Через несколько минут он провалился куда-то в страшное, незнакомое место, где у него не было ни руг, ни ног, ни даже туловища, а одна-единёшенька страдала в грохочущей невесомости его беззащитная пятилетняя душа. Вращались гигантские шестерни, перемалывали бесконечное тёмно-багровое пространство космически величественные жернова, и всю бездонность этого неведомого мира, из

которого невозможно было вырваться, заполнял неотступный ритмический шум во всю мощь работающего цеха.

А когда Максуд очнулся, у него не было левой руки и правой ноги.

И была боль, невыносимая, ноющая, жестокая, доводящая до безумия, до метания по подушке, до крика; боль, которая отступала лишь на время, когда эскулап, сохранивший, видимо, не то что остатки человечности, но хотя бы остатки профессионализма, давал мальчику обезболивающее. И только иногда, по ночам, запертый в душной крошечной комнате, когда он был один в целом свете, такой маленький и всеми покинутый, когда где-то бесконечно, бесконечно далеко были так необходимые именно сейчас мама и папа, когда рядом, за стенкой - воля, воздух и детство, когда так хочется бегать, купаться и играть, а от тебя ОТРЕЗАЛИ ЭТО НАВСЕГДА, НАВСЕГДА! – Максуд по-младенчески, неудержимо, долго и мучительно плакал.

Но никто этого не видел.

А потом Одноглазый пришёл его забирать – «Ну вот, теперь ты ещё больше инвалид, чем даже я, гыр-гы-гырр!» – и были нескончаемые вокзалы и безбрежные чужие города, и в этих городах загаженные шумные рынки и ещё более грязные и холодные подземные переходы, и в этих переходах - несчастный непоправимо изувеченный мальчик, протягивающий за милостыней

единственную сохранившуюся худенькую ручонку – «Ну как не дать такому, йи-гы-гы!» – и всегда рядом, порой незримый, но присно сущий – Одноглазый со своими бандюгами. Иногда Одноглазый садился рядом, выдавая себя за чеченского инвалида, а «Максима» – за своего приёмного сына, которого он спас из-под обломков рухнувшего дома.

И тогда он обязательно вешал на шею Максуду табличку с надписью большими красными печатными буквами: «ПОМОГИТЕ ЖЕРТВАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕРРОРА». За эту надпись их часто гоняла милиция, но и сборы она неизменно приносила самые наилучшие. Однако местная мафия побирушек с юга отнюдь не приветствовала, и банде Одноглазого приходилось часто мигрировать.

Вот и теперь поезд мчался в далёкий неведомый город, и мерно покачивались в такт колёсному стуку на своих скрипучих постелях здоровенные взрослые дяди, всласть накачавшиеся наркотой, и лежал на боковом месте, возле двери, ведущей в туалет, одинокий, проданный собственными родителями, непоправимо изувеченный этими дядями мальчик, и думал о том, что ему пошёл восьмой год, что чужие дети в чужих городах этой осенью начали учиться, что ему не видать школы, как отрезанной руки и ноги, что впереди у него – только вот эта вот тоскливая, рабская, нескончаемая вокзально-переходная жизнь, в которой единственная отдушина – грозящий кошмарами сон. И в тот момент, когда он стал наконец изнеможённо засыпать, в его обессиленном, истерзанном отчаянием и горем сознании вдруг запульсировала необъяснимая огненно-красная строчка: «КТО ПОМОЖЕТ ЖЕРТВАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕРРОРА?»

Но заснуть Максуд не успел. Навязчивый шум идущего поезда внезапно прекратился. Спящие чудовища проснулись. Показался очередной вокзал. Состав конвульсивно дёрнулся и неохотно остановился.

– Приехали! – проворковал Одноглазый.

– Докатились, – огрызнулись в вагоне.

Воистину докатились...

Дмитрий Владимирович ЛЯЛЯЕВ, современный русский писатель

Сергей МАКАРОВ

РОМАН В ТАМБУРЕ

По роду своей профессиональной деятельности Сергею Пирогову приходилось регулярно ездить в однодневные командировки в областной центр. Иногда подобные поездки случались раз в две недели, но значительно чаще ему приходилось бывать в областном центре еженедельно. Двенадцать остановок в одну сторону утром, а затем столько же – по возвращению, вечером. Сказать, что подобные перемещения сильно утомляли Пирогова, было бы не совсем правильно. Хотя по времени такая командировка почти на три часа превосходила обычный рабочий день, какого-то значительного утомления он не чувствовал. Возможно, это происходило из-за того, что в этих командировках Пирогов научился отвлекаться от монотонной рутины, царившей в обычные дни на его рабочем месте. Да, приходилось вставать почти на час раньше, чтобы успеть на нужную электричку, да и приезжал домой Пирогов почти на два часа позже, нежели в обычный день. Но в то же время, поездки позволяли ему немного развеяться, пообщаться с более широким кругом людей, да и просто посмотреть, что делается за пределами родного районного центра.

Ну, а кроме прочего, сами поездки в электричке, как ни странно, тоже чем-то нравились Сергею. Причем в большей степени, конечно, не утренние, когда вагоны были до отказа забиты спешащими на работу пассажирами, а вечерние. Возвращался он обычно примерно на час-полтора позже основного потока работающих в областном центре, а в это время в вагонах было уже не столь многолюдно. Зато, как довольно скоро заметил Пирогов, контингент пассажиров, ездивших на одной и той же электричке, тоже был постоянным. И через некоторое время он постепенно стал узнавать многих попутчиков, ставших этакими своеобразными знакомыми, хотя Сергей, не будучи человеком очень компанейским, ни с кем из них не свел личного знакомства. Тем не менее, ему было очень интересно наблюдать за людьми, изо дня в день возвращающихся домой, за их настроением, за их общением друг с другом.

Наблюдая за некоторыми из своих спутников, Пирогов размышлял о том, кем бы могли работать эти люди, что происходит в их личной жизни, чем они увлечены, что их тревожит, волнует и заботит. Ведь несмотря на то, что большинство людей старательно прятали эмоции, при внимательном взгляде можно было заметить нюансы их настроения, хотя бы даже по реакции на происходящее вокруг.

Скажем, молодой человек спортивного вида, обычно занимавший место на втором сиденье от переднего входа, долгое время ездил, уткнувшись в свой ноутбук, да еще и нацепив наушники. Но в какой-то момент молодой человек вдруг перестал заниматься компьютером, зато частенько разговаривал по мобильнику. И если вначале во время разговоров его вид был довольно сосредоточенным и даже как будто напряженным, хотя он и улыбался время от времени, то затем взгляд стал более непринужденным. А еще через какое-то время Пирогов углядел на щеке довольного молодого человека след от губной помады. Судя по всему, у молодого человека начала налаживаться личная жизнь, а потом даже перешла в какую-то новую фазу, поскольку пассажир исчез из электрички.

Еще одной постоянной спутницей Пирогова была женщина лет примерно шестидесяти, одевавшаяся очень аккуратно и по-своему даже стильно, хотя было видно, что недостаток у неё весьма невелик. Вид у женщины всегда был очень усталые, и в какой-то момент Пирогову начало казаться, что дома её отнюдь не ждет заслуженный отдых после работы. Возможно, её тяготили какие-то проблемы в семье, например с детьми, хотя, судя по возрасту, дети наверняка уже выросли. А может причиной столь утомленного и недовольного вида, были размолвки с мужем, если она, конечно, была замужем.

В какой-то момент женщина вдруг исчезла из вида, и Пирогов в течение нескольких поездок с интересом гадал, что могло произойти. А потом женщина

появилась снова, а на голове её красовалась черная косынка, говорившая сама за себя. Становилось понятно, что у женщины умер кто-то из близких людей и её отсутствие, вероятно, было связано с похоронами. Но удивительным было другое – несмотря на черную повязку из глаз женщины исчезла безысходность, наблюдаемая Сергеем в течение длительного времени. Женщина как будто даже расправила плечи, а на лице стала появляться легкая, едва заметная улыбка. Пирогов тогда подумал, что порой и чья-то смерть может принести человеку немалое облегчение, хотя, наверное, некрасиво было так думать.

Были и другие пассажиры, вызывавшие у Сергея некий внутренний интерес, хотя ничем особенным они вроде бы не выделялись.

Например, еще одним завсегдатаем семичасовой электрички, на которой возвращался Пирогов, был пожилой мужчина весьма интеллигентного вида, который всегда проводил время за чтением. Причем читал он исключительно бумажную продукцию – в его руках Пирогов не раз наблюдал увесистые томики книг, причем, как казалось Сергею, это явно была не беллетристика.

И этот пассажир в какой-то момент вдруг пропал из поля зрения. Пирогов даже подумал, что мужчина вышел на пенсию, что вполне согласовывалось с его почтенным возрастом. Сергей уже начал забывать о нем, когда по прошествии трех месяцев мужчина появился вновь, но теперь был с тростью, на которую тяжело опирался при ходьбе и больше солидных фолиантов не носил. Однако чтение не забросил, теперь его спутниками стали какие-то журналы, а то и просто стопки листов с печатным текстом.

Но однажды в одной из таких поездок произошел случай, серьезно выбивающийся из череды повседневных наблюдений Пирогова, и в какой-то степени, затронул даже его самого, хотя непосредственным участником происходящего Сергей не был.

На эту элегантную и всегда очень стильно одетую женщину средних лет, с красиво уложенными темными волосами, Пирогов обратил внимание не сразу. Скорее всего, дело тут было в том, что ездила она не каждый день и не часто совпадала по времени с Сергеем. И заметил её Пирогов уже в то время, когда у женщины появился спутник. Что интересно, спутник этот сопровождал весьма симпатичную женщину не всегда, хотя случаев, когда он отсутствовал, было совсем немного. Интересно было еще и то, что женщина казалась Сергею как будто знакомой, но он все никак не мог вспомнить, где и когда мог встречаться с ней.

Что же касается спутника этой дамы, то это был мужчина примерно её же возраста, подтянутый, интеллигентного вида, с легкой проседью в светло-каштановых волосах. Если бы Пирогов не был свидетелем знакомства этих людей, то спустя какое-то время решил бы, что видит перед собой, если не супругов, то, как минимум очень близких знакомых. Но, все дело было в том, что познакомились

эти двое непосредственно на его глазах и их роман развивался практически у него на виду.

Женщина
садилась в
электричку на одну
остановку позже
Пирогова и
выходила на одну
остановку раньше,
то есть жили они в
одном городе. Хотя
Сергей, сколько не
напрягал память, так
и не смог
вспомнить, чтобы
они встречались где-
то вне вагона
поезда.

День знакомства этой пары запомнился Пирогову, наверное потому, что в тот раз электричка очень долго простояла из-за каких-то проблем на одной из станций. В тот вечер двери электропоезда несколько раз то закрывались, то открывались снова, словно пребывали в нерешительности. И во время последнего открытия, длившегося буквально считанные секунды, в вагон и вошел тот самый мужчина, на которого волей-неволей обратили внимание все, кто находился в вагоне. Впрочем, как это часто бывает в транспорте, внимание это длилось не более нескольких секунд и стоило только поезду тронуться, как все моментально забыли про еще одного попутчика. Но как оказалось, все, кроме той самой элегантной дамы с темными волосами, ну и, конечно, Сергея Пирогова.

Последний обратил внимание, что вошедший мужчина поначалу собирался сесть на сиденья, расположенные в четвертом ряду от входа, благо они были свободны. Более того, он даже прошел туда, но тут вдруг наткнулся на обращенный в его сторону взгляд и, немного помешкав, сменил дислокацию, осторожно присев на краешек сиденья, расположенного напротив женщины. В вагоне в это время было совсем немного народа, поэтому рядом с ними в тот момент больше никого не было.

Некоторое время оба попутчика сидели молча, лишь изредка бросая друг на друга быстрые взгляды. Женщина сидела к Пирогову спиной, но даже находясь на расстоянии десятка метров, он отчетливо почувствовал её внимание к вошедшему мужчине. Они проехали, наверное, два или три перегона, когда мужчина, повернув

голову в сторону своей соседки, что-то сказал. Судя по всему, фраза была весьма короткой и ничего не значащей, но внимание женщины было привлечено. Она что-то ответила, мужчина улыбнулся и о чем-то спросил. Ответ женщины ему, вероятно, понравился, потому что на лице его появилась улыбка.

Более того, судя по тому, что разговор потек дальше и стал довольно оживленным, внимание мужчины явно импонировало элегантной даме. Знакомство было завязано, и когда мужчине нужно было выходить, расставались они уже с явным сожалением.

В следующий раз Пирогов увидел эту пару только на следующей неделе и, усевшись в поезд, сразу заметил, что женщина, сидящая на прежнем месте, явно находится в ожидании. Не трудно было догадаться, кого именно она ждала, тем более что догадка Сергея подтвердилась буквально через несколько минут, когда поезд остановился на следующей станции. Вошедший в вагон мужчина улыбнулся и сразу же направился к даме, причем сел теперь не напротив неё, а рядом.

Между ними тут же завязался очень оживленный и весьма непринужденный разговор. Мужчина время от времени очень близко наклонялся к своей спутнице, и было видно, что она нисколько не возражает против этого. Однако некоторую дистанцию при общении они все же пока выдерживали.

А во время следующей поездки, случившейся через три дня, Пирогов обратил внимание, что на сей раз мужчина сел совсем близко и более того, насколько можно было понять, взял женщину за руку. Их отношения стремительно развивались, хотя они по-прежнему выходили каждый на своей станции. Вероятно, кто-то из них был несвободен, а возможно, семьи были у обоих. Пирогов был далек от того, чтобы как-то осуждать этих людей, тем более заочно, но его несколько удивлял подобный роман, протекающий вот так необычно, в вагоне электропоезда. Он был почему-то почти уверен, что в каком-то ином месте эти двое не встречаются.

Во время своего очередного наблюдения, случившегося через три дня, Пирогов увидел, как мужчина преподнес своей даме цветы, чем немало смутил её. Более того, несмотря на то, что букет ей явно очень понравился, равно как и проявление такого внимания, цветы она долго не хотела брать, хотя потом все-таки сдалась. Это еще больше укрепило Сергея в мысли о том, что дама, вероятнее всего, несвободна, поэтому столь очевидные знаки внимания от поклонника ставили её в неловкое положение.

И подтверждение этой мысли появилось почти сразу же – женщина заставила мужчину взять букет в тот момент, когда тот собирался выходить на своей станции. Мужчина попытался отказаться, но женщина проявила настойчивость, и её кавалер был вынужден сдаться. И видимо для того, чтобы несколько скрасить мужчине грусть от возврата подарка, дама решила проводить

его до самого выхода. Что характерно, когда спустя некоторое время она вернулась назад, на лице её блуждала странная улыбка, а сама она как будто машинально поправляла некоторые предметы одежды, хотя с этим явно все было в порядке. И Пирогов сообразил, что при расставании между двумя людьми произошло что-то вроде объятий, поцелуев и чего-то подобного. Ничего большего там, конечно, быть не могло, просто не хватило бы времени, да и на платформе были люди, но факт был налицо – отношения явно перетекали в следующую стадию.

Следующая поездка Пирогова состоялась только через десять дней. Его непосредственный начальник Семен Павлович, по какой-то неизвестной причине посчитал, что сотрудники слишком много времени проводят в поездках, и это негативно влияет на работу. С какой стати был сделан подобный вывод, было совершенно непонятно, ведь в значительной мере работы подразделения и выполнялись именно во время командировок. Некоторые, осведомленные больше других, сотрудники поговаривали, что у Семена Павловича какие-то проблемы в семье, ибо жена его была значительно моложе, но насколько это соответствовало действительно, оставалось неизвестно.

Однако какими бы причинами не руководствовался начальник, а делать работу было нужно, а значит, снова намечалась командировка. А точнее, целых две, причем обе в течение одной недели. Из-за каких-то личных обстоятельств самого начальника сроки сдачи очередной темы оказались под угрозой, поэтому число командировок пришлось увеличить. Разумеется, Пирогова эти командировки тоже не обошли стороной. И он в очередной раз стал свидетелем развития романа между неизвестной ему дамой и её кавалером, с коим она познакомилась в вагоне электрички.

На сей раз Сергей смог убедиться в том, что отношения между двумя людьми однозначно перешли в новую стадию. Когда женщина вошла в вагон на своей станции, то не стала садиться на свое привычное место, а осталась стоять в тамбуре, явно ожидая своего кавалера. Пирогов заметил её еще на перроне, а затем увидел, как она прошла в зад-вперед по тамбуру после того, как поезд тронулся. А затем появился и её избранник, которого Сергей тоже усмотрел на перроне, а через пару мгновений тот легко запрыгнул в открывшиеся двери электрички. Двое влюбленных, а теперь это становилось совершенно очевидно, встретились, но в вагон проходить не стали, оставшись стоять в тамбуре. Что там между ними происходило, рассмотреть было невозможно, а подглядывать за людьми специально Пирогову не хотелось. Было, однако, понятно, что в тамбуре отнюдь не ведутся разговоры по душам, ну или, по крайней мере, не только они.

Как обычно, мужчина вышел из электрички раньше своей возлюбленной, после чего долго стоял и смотрел вслед уходящему поезду. Кстати, теперь было заметно, что у него расстегнута не только элегантное пальто, но и пиджак и, как показалось Пирогову, даже пара пуговиц на рубашке, хотя уверенности в этом не

было. Становилось понятно, что предположение о чем-то более интимном, нежели простые разговоры или даже поцелуи, было вполне оправданным. Тем более что и дама, после прощания со своим спутником, осталась в тамбуре, вероятно, чтобы не оказаться под перекрестными взглядами пассажиров, хотя таковых было совсем немного.

После этого случая Пирогов довольно глубоко задумался, размышляя о том, насколько далеко может зайти вот такое знакомство в электричке, если оно не выходит за рамки тамбура электропоезда. Но, чего греха таить, в какой-то степени он даже завидовал этим людям, у которых столь сильные чувства возникли даже в столь необычной обстановке.

А через три дня Пирогов вновь отправлялся в командировку, причем на этот раз вместе с ним отправился и начальник. Правда, сразу по прибытию на место назначения, Семен Павлович заявил Сергею, чтобы тот не ждал его по окончании работы и ехал домой самостоятельно. Пирогова это вполне устраивало, человеком его руководитель был непростым и все отношения со своими подчиненными у него были исключительно деловыми, если не сказать отстраненными. К тому же Сергей привык ездить в одиночестве, и лишняя компания, тем более не самая подходящая, была ему не нужна.

Каково же было его удивление, когда, усевшись на своё привычное место в поезде, он увидел Семена Павловича, суетливо бегущего по перрону вокзала и явно кого-то высматривающего. Поначалу Сергей подумал, что начальник ищет его, но потом сообразил, что дело в чем-то другом – Семен Павлович не просто искал какого-то человека, но как будто еще и прятался от кого-то. Такое странное поведение начальства немало удивило Пирогова, но, немного подумав, решил, что у всех свои тараканы в голове, а после того, как поезд тронулся, и вовсе забыл об этом.

Оба персонажа вагонного или даже тамбурного романа, за которыми с таким интересом наблюдал Сергей, появились в электричке четко по расписанию, каждый на своей остановке. Как обычно, первой объявилась элегантная дама и сразу же прошла на постоянное место в передней части вагона, видимо, не решаясь сегодня оставаться в тамбуре. Электричка стояла на этой станции около полуминуты, а перед тем, как тронуться, входные двери начали было закрываться, а потом вновь буквально на мгновение открылись, как будто кто-то заскочил в вагон, где сидел Пирогов, в самый последний момент. Сергей быстро оглянулся и увидел, как в заднем тамбуре мелькнул какой-то человек, однако войти в вагон опоздавший пассажир не стал. Пирогов пожал плечами и снова перевел взгляд на элегантную даму, после чего стал смотреть в окно.

Но вот поезд добрался до следующей остановки и вскоре в вагоне появился и второй участник тамбурного романа. Увидев своего возлюбленного, дама порывисто потянулась к нему, но мужчина предупредил это движение, взяв её руки

в свои, а через мгновение он уже сидел рядом с женщиной. И в этот момент кто-то стиснул плечо Пирогова с такой силой, словно хотел сломать ему кости.

От неожиданности Сергей чуть не подскочил на месте, вырываясь из внезапного захвата и уже собираясь разобраться с неизвестным шутником, как вдруг услышал над своим ухом сдавленный шепот.

- Тихо! Прошу тебя, не дергайся, сиди спокойно! – в этом шепоте, который показался Пирогову удивительно знакомым, сквозили одновременно и ярость, и боль, и обида, и недоумение.

Сергей тряхнул головой, а потом осторожно скосил глаза, не поверив сразу той догадке, что мелькнула в его голове. Но спустя секунду сообразил, что догадка была совершенно верна – за его спиной, низко пригибая голову и прячась за своего сотрудника, сидел не кто иной, как Семен Павлович.

Несколько секунд Пирогов сидел с ошеломленным видом, не понимая, для чего начальник устроил весь этот маскарад. Но затем, очень осторожно посмотрел на притаившегося сзади Семена Павловича, увидел его искаженное лицо и налитые кровью глаза, после чего столь же осторожно проследил за взглядом и застыл в изумлении. Вся эта ярость, обида, недоумение и боль были адресованы той самой паре, чьи отношения вот уже на протяжении более полутора месяцев развивались непосредственно на глазах Сергея. Никогда еще за все, уже почти четырехлетнее знакомство с своим начальником, Пирогов не видел этого человека в таком виде.

И только тут до молодого человека внезапно дошло, кем была эта элегантная женщина средних лет, показавшаяся ему смутно знакомой. Он ведь пару раз встречался на корпоративных мероприятиях с женой Семена Павловича, хотя и не придавал тем встречам большого значения. Сергей вспомнил о разговорах среди сотрудников отдела, что жена начальника работает где-то в областном центре. Затем в его голове мелькнули события прошлой недели, когда Семен Павлович уж очень яростно говорил о слишком частых командировках его сотрудников, мешающих по его словам нормальной работе. И вся картина произошедшего начала постепенно складываться в его голове.

Жена Семена Павловича была существенно моложе его, в их браке не было детей, да и, насколько было известно, их сферы деятельности лежали в разных областях. Учитывая непростой, да, откровенно говоря, довольно тяжелый характер начальника, в семейной жизни у них явно не все было гладко. И тут вдруг эта неожиданная встреча в поезде с человеком примерно своего возраста, с которым женщина легко находит общий язык. Стоило ли удивляться, что в такой ситуации трудно было устоять перед искушением, да и стоило ли это делать, мелькнуло в голове у Пирогова. А начальник, видимо, инстинктивно почувствовал заметное охлаждение в отношениях с супругой и начал что-то подозревать.

Он ведь еще недели три назад мотался в командировку в областной центр, только ездил отдельно от своих сотрудников. Видимо уже тогда пытался выяснить, где и с кем может встречаться его жена. Быть может, не найдя каких-то следов возможного романа непосредственно на месте работы супруги, сообразил, что встречи происходят где-то по дороге домой. И вот, решил окончательно убедиться в своих подозрениях.

Все эти мысли промелькнули в голове Пирогова в считанные секунды. За это время ничего не подозревающая пара успела поцеловаться, что вызывало очередной приступ ярости у Семена Павловича, который снова вцепился в своего сотрудника. Некоторое время начальник сидел молча, не двигаясь, лишь молча испепеляя взглядом парочку влюбленных, а затем зачем-то полез во внутренний карман куртки.

В этот момент мужчина поднялся и сделал пару шагов к тамбуру, а затем повернулся к оставшейся сидеть женщине. Затем наклонился к ней и что-то сказал, после чего взял за руку и потянул к двери. Женщина покорно встала, но к выходу не пошла и начала что-то горячо возражать своему кавалеру.

Пирогов бросил быстрый взгляд на начальника и на мгновение остолбенел – в руках Семена Павловича сверкнул нож. Обыкновенный столовый нож, какие в изобилии продаются наборами в хозяйственных магазинах.

Возможно, в другое время это показалось бы Сергею смешным, но

взглянув на совершенно перекошенное от ярости лицо начальника, он понял, что все очень серьезно. Семен Павлович дернулся вперед, держа нож перед собой, и Пирогову лишь в последний момент удалось схватить его за руки и, собрав все свои силы, удержать взбешенного мужа на месте.

- Пусти, пусти, - стиснув зубы, шипел Семен Павлович, не спуская глаз с парочки, которая продолжала разговаривать, не замечая того, что творилось в другом конце вагона. Впрочем, женщина стояла спиной, а её кавалер, вероятно, был полностью поглощен своей возлюбленной.

Пирогову пришлось приложить буквально титанические усилия, в результате чего удалось усадить начальника рядом с собой и отобрать нож.

- Не надо Семен Павлович, это лишнее, - с трудом переводя дыхание, проговорил вполголоса Сергей, пряча нож в своей сумке, - Вы же поломаете жизнь сразу нескольким людям, и все равно ничего не измените.

Сразу после этих его слов начальник как-то обмяк, взгляд его потух и он, опустив голову, обхватил её руками. Но через несколько секунд он поднял голову, а затем выпрямился и посмотрел на стоявших в противоположном конце вагона мужчину и женщину.

- Да, Вы правы, Пирогов, - каким-то сухим, лишенным какой-либо эмоциональности голосом, проговорил он, - нельзя слишком сильно поддаваться эмоциям, но и оставлять все как есть, тоже нельзя, - и с этими словами он снова встал.

На этот раз Сергей не стал его удерживать, было понятно, что Семен Павлович уже взял себя в руки и больше не собирается кромсать своего соперника и неверную жену на мелкие кусочки. Однако просто повернуться и уйти, он не мог, и Пирогов это тоже прекрасно понимал.

И в этот момент женщина все-таки обернулась, чтобы посмотреть на источник шума у себя за спиной.

Лицо её, весьма симпатичное, как уже успел заметить Сергей, покраснелось в процессе разговора с кавалером, и в первый момент на нем можно было увидеть только безмерное изумление. Но затем, буквально в считанные секунды все краски жизни исчезли с этого лица, превратив его в восковую маску.

Они молча смотрели друг на друга – Семен Павлович и его жена, не делая ни единого жеста, не двигаясь, словно боясь нарушить хрупкое равновесие.

Недоумевающий кавалер женщины что-то спросил у неё, с удивлением глядя на пожилого мужчину, смотревшего на них пристальным взглядом. Поначалу женщина ничего не ответила ему, поэтому мужчина повторил свой вопрос. И только тогда, словно только сейчас услышав его вопрос, женщина чуть повернула голову и что-то коротко ответила ему.

Мужчина на несколько секунд замер, на его лице промелькнула гамма противоречивых чувств, а затем он... сделал шаг назад, в сторону тамбура.

Женщина некоторое время смотрела на своего мужа, а потом снова повернула голову в сторону своего кавалера, и с удивлением увидела, что он отступил еще на пару шагов. Теперь уже она что-то спросила у мужчины, и даже шагнула было к нему, но тот быстро сделал предупредительный жест рукой и отступил к самым дверям тамбура.

Женщина с немалым удивлением посмотрела на него, видимо не совсем понимая его поведения. Но мужчина быстро проговорил что-то, еще раз махнул рукой и в следующее мгновение исчез за дверьми, ведущими в тамбур.

Немногочисленные пассажиры, с удивлением рассматривали странную сцену, разыгрывавшуюся в вагоне, но быстро потеряли интерес, ведь с их точки зрения ничего существенного не происходило.

Семен Павлович быстро оглянулся на Пирогова, словно ища у него какой-то поддержки, но Сергей даже предположить не мог, как можно ему помочь, поэтому промолчал, оставаясь сидеть. Тогда начальник снова повернулся к жене и сделал робкий шаг по направлению к ней. Женщина осталась на месте, взгляд её был устремлен в пол, а лицо по-прежнему имело оттенок свежесвыпавшего снега.

Семен Павлович сделал еще два осторожных шага – супруга быстро посмотрела на него, а потом снова опустила голову, но осталась на месте. Тогда начальник плавным движением преодолел оставшееся расстояние и, подойдя к жене, остановился в каком-то метре от неё. В этот момент поезд остановился, и Сергей увидел, как из вагона выскочил незадачливый и слишком боязливый кавалер, который быстро пробежал по перрону и вскоре исчез из вида.

Но сам начальник и его супруга, похоже, уже не обратили на это никакого внимания. Семен Павлович взял свою жену за руку и что-то сказал, но женщина ничего не ответила. Тогда он положил вторую руку ей на плечо и заговорил, приблизив лицо, горячо и очень эмоционально. О чем он говорил, было, конечно, не слышно, но похоже, ему удалось убедить свою жену, и через минуту она все же подняла голову и кивнула головой. Тогда начальник осторожно взял её под руку и повел в сторону выхода – женщина покорно следовала за ним.

В голове у Пирогова мелькнула мысль, что начальник может сейчас в приступе ревности перенести весь гнев на жену и что-то сделать, и он даже вскочил с места. Но в этот момент Семен Павлович обернулся и, встретившись взглядом со своим сотрудником, только печально покачал головой. И в его глазах Сергей рассмотрел немалую печаль, безмерную боль, но вот ярости в этих глазах уже не было.

Когда спустя пару минут поезд остановился на той станции, где обычно выходила женщина, Пирогов подошел к окну и стал смотреть наружу.

Они вышли вместе, хотя и шли на некотором расстоянии друг от друга.

Когда двери поезда закрылись, начальник обернулся к своей жене и, сделав шаг поближе, вновь взял её за руку.

Женщина посмотрела на него, но не стала вырывать руку и через мгновение они уже снова двинулись по перрону в направлении выхода.

Сергей тяжело вздохнул и вытер пот со лба, после чего тяжело опустился на сиденье. Машинально опустив руку в сумку, он нащупал нож, который отобрал у Семена Павловича и тут же с ужасом отдернул пальцы.

Потом покачал головой и уставился на проплывающие за окном дома, вспоминая о том, что произошло всего несколько минут назад.

Ему подумалось, что даже в страшном сне невозможно было увидеть, что столь романтическое знакомство, случившееся в вагоне пару месяцев назад, может закончиться вот таким вот, совсем нетривиальным образом.

А еще он подумал о том, что уж точно больше не будет ездить из командировки в этом вагоне, а может быть, и на этой электричке тоже.

Макаров Сергей Юрьевич, современный русский писатель

Родился и вырос в подмосковной Балашихе, где продолжает жить и работать.

По специальности – инженер-конструктор.

Пробовать писать начал еще в молодости, но долгое время не публиковал свои произведения. Лишь в более зрелом возрасте, по настоянию друзей, решил попробовать представить свои творения на суд широкого круга читателей.

Номинировался на премию «Писатель года» за 2017, 2018, 2019, 2020 годы.

Награжден медалями «Владимир Маяковский 125 лет»,

«Анна Ахматова 130 лет».

Лариса МАРКИЯНОВА

БЕШЕНЫЕ БАБКИ

Вот если кто подумал, что речь пойдет об огромных деньжищах, то ошибся. Просто в гости к Мартыновым приехали две родственницы – тетя Даша и тетя Маша.

Впрочем, все подробно.

...Тетя Даша и тетя Маша сумели-таки уговорить Лену на поход в театр. Уговорить – не совсем подходящее слово в данном случае. Вернее, совсем не подходящее. Потому что на все уговоры теток Ленка отреагировала безмолвным небрежным махом ладони: типа, отстаньте со своей ерундой. При этом еще и морщилась всей физиономией, словно перекиший огурец надкусила. Потому тетя Даша пошла другим путем: пошла на грубый примитивный подкуп – посулила Ленке тысячную, которую незамедлительно вручит на выходе из театра.

А Ленке куда деваться – ей эта тысячная позарез! Так что хочешь – не хочешь, но поперлась Ленка в театр. Всю дорогу шла и плевалась. Да при этом еще и оглядывалась: а ну как кто из подруг или друзей увидит как она с тетками куда-то намылилась. На этот случай у нее и легенда была заготовлена: веду теток в поликлинику на укол от бешенства, типа, собака их покусала бродячая и неадекватная, так пока тетки сами не стала вконец неадекватными, надо им курс уколов проколоть. А то и без того бабульки довольно странно себя ведут. Хорошо, никто из знакомых им не встретился.

Надо сказать, что за всю пятнадцатилетнюю Ленкину жизнь в театре ей еще не доводилось бывать. Как-то не принято было в их семье по театрам расхаживать. Только не подумайте, что семья у Ленки какая-нибудь социально не благополучная или темная и дремучая. Нормальная семья. Отец Николай Львович работает начальником участка упаковки цеха отгрузки продукции на механическом заводе, мать Светлана Аркадьевна – на том же заводе главный специалист бюро металлоконструкций. Да и сама Ленка не оторва какая, чьи интересы не выше навороченного айфона и клубных тусовок. У нее мозги правильно устроены, и виды на перспективу четкие – институт, карьера, в будущем нормальная семья. Она, к примеру, девятый класс закончила на четверки и пятерки, а баллы по экзаменам ГИА получила очень даже приличные, так что их классная, она же математичка, Ольга Михайловна отметила ее в числе самых лучших. И внешностью ее природа не обделила – фигурка вполне, опять-таки, мордашка лица очень даже ничего, а если профессионально намакияжиться, так и вовсе топ-модель. Короче, все у Ленки тип-топ. Ну а что по театрам не таскается, так кто из молодежи в них тусуется? В Ленкином окружении таких психов не наблюдается.

А незадолго до театра произошли следующие события. Отцу предложили от завода путевку в санаторий. Бесплатную, даже стоимость проезда оплачивается профсоюзом. Отец в санатории никогда не был, как говорится, и не мечтал, а тут ему – нате, пожалуйста, получите бесплатную путевочку на двадцать один календарный день. В Кисловодск. Отец и загорелся. А мать на дыбы: не пуцу одного! Ее тоже понять можно – в прошлом году муж близкой подруги тети Наташи тоже поехал один отдохнуть, да и не вернулся. Вернее, вернулся только за вещами – роман у него на юге случился. Ленка тогда в осадок выпала: мужу тети Наташи сорок четыре года, старик глубокий, а он как молодой романы крутит. В общем, выбил отец таки в профкоме еще одну путевку и жене. Тут мать за отца переживать перестала, на Ленку перекинулась: ах, ох, как дитя малое без присмотра оставить почти на месяц. А Ленка рада до смерти, что одна будет кайфовать – чего хочу, того и ворочу. Когда еще такая возможность представится, чтобы полная свобода действий без всякого нудежа и контроля.

Отец было попытался матери втолковать, что пятнадцать лет – это не пять, что он в Ленкином возрасте все лето на автомойке машины мыл, на велосипед зарабатывал. А мать ему: что ты, Коля, сравниваешь, тогда совсем другое время было. В общем, спорили они, спорили, шумели, да и пришли к единому мнению: надо срочно вызвать тетю Дашу и тетю Машу, пусть они пока с Ленкой поживут. И теткам будет интересно пожить в большом городе, развлечься, и Ленке хорошо, и родителям спокойно. Насчет Ленкиного «хорошо» - это вряд ли, да разве мать слушать станет. Ленка к матери подъехала было, что и сама прекрасно управится и не нужны ей в качестве надзирателей две древние старухи, на что мать возразила, что, во-первых, им с отцом будет спокойнее, если они будут знать, что дочь не брошена на произвол судьбы, а, во-вторых, вовсе они не древние старухи, а две интересные женщины в годах.

Ленка тетю Машу и тетю Дашу помнила весьма смутно. Последний раз видела их, когда первый класс закончила. Тогда они с родителями ездили к ним в гости. Помнилось только, что добирались долго – два дня и одну ночь. Городок, в котором проживали тетки, небольшой, среди таежных сопok затерялся, вокруг редкие, низенькие горы, лесом поросшие, рядом большое озеро, в котором вода даже в жару ледяная и прозрачная-прозрачная, как тщательно отмытое стекло. Дом свой, частный. Вокруг сад тенистый. Ленке тогда все было жуть как интересно, словно в сказку какую попала – все так непривычно, таинственно, все совсем-совсем иное, чем у них в городе. В саду цвели крупные яркие цветы. Тетки варили из одуванчиков янтарное варенье, и хлеб сами пекли в духовке. Хлеб получался необычайно душистым, с румяной корочкой и пахучим теплым мякишем. Утром во дворе с потрескиванием низко, почти задевая лицо стеклянными крыльями, проносились крупные зеленые стрекозы, а вечерами в белом пенном черемуховом облаке заливался соловей.

Ленка от матери знала, что тетки уже два года как пенсионерки, и что они являются сестрами-близняшками, а также старшими сестрами Ленкиного отца.

Мать созвонилась с тетей Дашей и тетей Машей, те моментально дали согласие на приезд и уже через два дня были у них. Ленка ожидала увидеть дремучих деревенских старух, морщинистых, сгорбленных, в платочках и ситцевых платьях почти до пят. Но совершенно неожиданно явились моложавые, по девичьи стройные тетя Даша и тетя Маша, идентичные копии друг друга, отличавшиеся только родинкой на щеке у тети Маши, в довольно модных платьях выше колен, со стрижками каре и даже с ярко-красным маникюром. Ленка чуть в осадок не выпала, когда увидела этих «деревенских пенсионерок».

- Во-первых, они живут в городе. Да, маленький, провинциальный, но городок, - пояснил Ленке отец, - а во-вторых, тетя Даша и тетя Маша вышли на пенсию в пятьдесят лет, по северному стажу, и им сейчас всего по пятьдесят два года.

Ничего себе «всего»! Ну да ладно. Ленке не так важно сколько им лет и как они выглядят. Главное – лишь бы не вмешивались в Ленкины дела и не вздумали ее учить жизни. Хотя, это вряд ли. Наверняка строить начнут, едва за родичами дверь закроется.

Родители укатили в свой Кисловодск. Мать накануне раз десять в магазин смоталась – заготовливала стратегический запас продуктов для дочки и теток. «Не суетись, Света, - пыталась урезонить ее тетя Маша, - мы и сами в состоянии все, что нам понадобится купить, и приготовить себе обеды и ужины». «Манечка, солнышко, это нужно мне! – парировала мать, - Чтобы я с чистой совестью уехала и знала, что вы тут с голоду не умрете». А Ленка только подумала: «М-да. Сейчас начнется: скушай деточка еще одну котлеточку за папочку, выпей теплого молочка за мамочку. Не то, не дай бог! похудеешь, побледнеешь, с лица спадешь! А нам потом перед твоими родителями ответ держать! И не забывай ручки мыть перед едой, а спать будем дружно ложиться сразу после «Спокойной ночи, малыши».

В первую ночь, что они остались втроем, Ленка спать легла полвторого ночи. Тетя Даша и тетя Маша все еще сидели, уткнувшись каждая в экран своего ноутбука, что привезли с собою.

- Тетечки, - уже в пижаме заглянула к ним Ленка, - а вы спать не собираетесь, что ли?

- А?.. – подняла на нее рассеянный взгляд тетя Даша, - а, ты ложись, спи. Мы еще немного посидим. У вас тут интернет просто летает, одно удовольствие, а у нас тормозит по страшному.

- Поняла, - дошло до Ленки, - у вас же акклиматизация. У вас ведь время сдвинуто на два часа, по вашему только двенадцатый час ночи.

- На три, - кивнула тетя Маша, - у нас сейчас полчетвертого утра.

На завтрак, что по времени можно было приравнять к обеду, была, естественно, овсянка.

- Овсянка, сэр! - прокомментировала Ленка, заглянув в кастрюльку, - Предупреждаю: я овсянку не буду!

- Не ешь, - кивнула тетя Маша, - приготовь себе что-нибудь, что любишь. А мы привыкли по утрам есть овсяную кашу. О-бо-жа-ю! Да и полезно для всего, например, холестерин понижает, кожу питает, кишечник очищает.

- Ф-ф-ф! – фыркает Ленка, - Что мне за дело до холестерина и кишечника. Не актуально.

- Не актуально, - соглашается тетя Даша, - так сообрази чего, что актуально. Вон мама полный холодильник затарила.

Ленка жарила яичницу и ворчала себе под нос: «Какого черта тогда приперлись? Вас вызвали за мной присматривать, а вы только о себе печетесь. Эгоистки!»

К вечеру следующего дня тетки вдруг навели полный марафет, тетя Маша сообщила: «Мы с Дашулей в оперу. Ты с нами?»

- Чего я там не видела? – удивилась Ленка.

- А ты там ничего не видела, потому как в опере не была никогда. А мы желаем воспользоваться представившейся нам возможностью приобщиться к искусству. Кстати, перехватим что-нибудь легкое в антракте, а ты уж, будь любезна, приготовь себе ужин. Договорились? – С тем тетки и удалились.

- Не договорились! Не буду любезна! – сердито высказала Ленка закрытой за теткой двери.

Из оперы они вернулись в одиннадцатом часу, все одухотворенно-восторженные. «Ах!» «Ох!» «Какая прелесть!» «Просто чудо!» «Что значит – высокое искусство!» «Любовь дитя, дитя приро-оды, законов всех она сильнее!..»

- Тапки белые пора заказывать, а туда же, - тихо возмущалась Ленка. И громко,- Опять всю ночь собираетесь за компами просидеть?

- Сегодня нет. Не хотим портить впечатление от волшебного вечера. Ляжем спать пораньше.

- А я собираюсь. Всю ночь! За компом! – назло им высказала Ленка.

- Дело твое, - легко согласилась тетя Даша, - Все равно каникулы. Выспишься. Организм свое возьмет, сколько ему надо.

- Ни фига себе постановочка вопроса! – высказала Ленка своему отражению в зеркале в ванной комнате. - Полный пофигизм и равнодушие к судьбе юной родственницы. Это что же получается: хочешь – ешь, не хочешь – не ешь, хочешь – спи, не хочешь – не спи. Так что ли? Это до чего же докатиться можно? – и пошла обиженная спать.

Проснулась утром оттого, что тетя Маша плескалась в ванной под душем, громко распевая песни. Сонная встала, пошла на кухню выпить воды. По пути заглянула в комнату теток. Тетя Даша сидела на полу в странной позе – обе ноги ступнями зацеплены за шею, а ладони крепко уперлись в палас.

- Ты чего это? – Ленка даже испугалась, - Что это тебя так скрючило?

- Йога, - протяжно ответила тетя Даша, так что у нее получилось похоже на лошадиное ржание. Лента только головой покрутила и поплелась на кухню: «Бешеные бабки. Расскажи кому из девчонок – не поверят».

А через день Ленка все же поперлась в театр с тетками, как уже было сказано, за вознаграждение: тысяча рублей. В этот раз на оперетту.

- Оперетта – это ведь когда не только поют, а и разговаривают? – уточнила она.

- Оперетта, милая девочка, - это вроде маленьких оперных отрывков, чередующихся с диалогами без музыки. Сюжет у оперетт более легкий, игривый, обычно написанный на комический сюжет. Тебе обязательно понравится. Классика! Называется «Летучая мышь».

- Во, блин! Из серии «в мире животных», что ли?

Тетки переглянулись, хором вздохнули: тяжелый случай.

В общем, Ленка с тетками пошла. За тысячу рублей и перекус в буфете. Только не подумайте, что Ленка как какая-то дешевка так легко продается. И отец с матерью ей пять тысяч на карманные расходы оставили. Просто... просто деньги лишними не бывают. Опять-таки тушь надо купить, эта уже заканчивается, а если покупать, то фирменную. Вон у Ксюхи новая тушь, что надо: «изготовлена по нанотехнологии, невероятный объем, непревзойденная длина, головокружительный успех, дает изгиб ресниц на 132 градуса, разделение с точностью лазера, фантастический результат!». Ленка аж облизнулась, когда увидела, тоже такую теперь хочет. Между прочим, шестьсот рэ. Ничего, поспит в театральном мягком кресле полтора часика – вот тебе и крутая тушь и новая помада с эффектом три дэ.

- Ну и как твои тетки? – спросила на следующий день Ленку Ксюха, когда они, устав от шопинга, присели передохнуть на диванчики в конце одного из этажей огромного супермаркета.

- Бешеные бабки. Я таких ненормальных не видела еще. Представляешь, пенсионерки уже, а ведут себя как будто им лет по двадцать или даже меньше. То поют хором, то под музыку танцуют, то хохочут как ненормальные, то сядут на пол и в узел завяжутся – «йога», говорят. Никакой серьезности. А главное – никакого режима. Когда хотят, тогда и едят, могут всю ночь за компом просидеть. С одной стороны, не зудят, не поучают – хорошо. С другой... Не знаю... Странно как-то. Совсем не как мои родители. И я даже теперь не знаю, лучше это или хуже. ...Ой, а знаешь, что они привезли с собою? Какие подарки подарили? Угореть можно! Отцу – спиннинг складной и шляпу здоровенную, мексиканскую - сомбреро. Мне, вообще умора, - книгу толстенную с афоризмами разных мудрецов, типа: «Жизнь прожить – не поле перейти». А матери - и вовсе обхохочешься. «Ах, Светик, мы с Дашулей с ног сбились в поисках подарка для тебя. Так ничего и не выбрали. Ну не с пустыми же руками в гости ехать, вот и накупили всякой всячины – в хозяйстве пригодится». И сумку здоровенную вручили, полную всякой фигни: хозяйственные перчатки, какие-то мочалки, шкатулка с разноцветными нитками, тюбики клея,

изолента, скотч, блокнот для записей, набор ножей, фломастеры, мыло, деревянные расписные ложки, скалку, вышитые салфетки, кухонный фартук, отвертки, журналы для женщин, тапочки в пакетике, брелок для ключей и еще полно всякого-разного, там даже пакеты с вермишелью и крупами лежали и пачка соли была. Представляешь? Перли килограммовую пачку соли через пол-России? Ну не бешеные ли? ...Ну, а вообще-то, они ничего себе. В театр вот вчера сходила с ними на оперетту «Летучая мышь». Нормально. Понравилось. Я думала – скукотища будет. Не, классная штука оказалась. И по содержанию интересно, и артисты здорово играют. А костюмы вообще отпад. Жалко, что сейчас не носят такие вот пышные длинные платья как раньше и шляпы с вуалью. Мне бы пошло. И тебе тоже. Ну чё, пошли покупать мне такую же тушь, как у тебя? Мне через два часа дома быть надо. Теток обещала в Макдоналдс сводить. Они, дикие люди, там не были никогда, и им до жути хочется гамбургеров отведать, биг маков и чизбургеров. «Чистый холестерин и отравя, но ведь один раз живем! Отравимся разочек!»).

Так пролетал день за днем. У теток каждый раз новая идея – то в музей намылятся и Ленку с собою тащат, за деньги, разумеется. То вдруг им стрельнет пикник устроить, и они развивают бурную деятельность по этому поводу – отваривают яйца, режут колбасу и сыр на бутерброды, упаковывают дорожную корзину, бегут в магазин за спортивными ковриками и напитками. Ленка, разумеется, с ними на пикник. Интересно же. То на спектакль, то на балет. Один раз разбудили ни свет, ни заря, причем, в буквальном смысле – темно еще за окнами было. «Вставай, деточка, - будила Ленку тетя Маша, - мы с Дашулей хотим сегодня рассвет встретить, давай и ты с нами, скоро такси подойдет». Ничего не соображающая сонная Ленка тряслась с тетками в такси за город, чтобы только посмотреть, как над горизонтом сначала показывался краешек огромного красно-оранжевого диска, медленно выползающего вверх. Диск становился на глазах все светлее, и вот уже большая желтая лепешка отрывалась от земли и уползала в небо. Удивительно, но непривычно-странная тишина, звенящая в ушах, вдруг словно взрывалась щебетом и пением птиц, стрекотом какой-то мелкоты в траве, шорохом травы. Вот ведь только подумать, что каждое утро происходит такое, а Ленка за всю свою жизнь ни разу не видела, и даже не подозревала о таком чуде. Вечерами они иногда с балкона наблюдали закат, и Ленка заметила, что он почему-то каждый раз разный – то солнце просто уходило вниз и постепенно смеркалось, то закат был кроваво-красным, зловещим, словно в фильмах ужасов, то сопровождался нежнейшими красками розовых и бирюзовых оттенков.

Один раз не успев открыть глаза Ленка услышала шорох дождя по стеклу. Открыла глаза, увидела серую стену за окном, и сразу настроение упало. В такую погоду только дома сидеть. А тетки, напротив, обрадовались. «Девчонки! Как я дождь люблю! Обязательно пойду гулять под дождем. А пока давайте завтрак устроим на полу в зале. На восточный манер!» – загорелась тетя Даша. «И устроим

утро поэзии, - подхватила тетя Маша, - Бывают вечера поэзии, а мы сделаем утро поэзии!»

Сидели втроем на паласе, скрестив ноги по-турецки, пили чай из пиал с песочным печеньем, которое накануне испекли втроем по замысловатому рецепту из интернета. Тетя Даша и тетя Маша наперебой читали по памяти стихи. «Шаганэ ты моя, Шаганэ! Там, на севере, девушка тоже, на тебя она страшно похожа. Может, думает обо мне. Шаганэ ты моя, Шаганэ!..» - с выражением декламировала тетя Даша. «Не жалею, не зову, не плачу! Все пройдет, как с белых яблонь дым. Увяданья золотом охваченный, я не буду больше молодым», - нараспев произносила тетя Маша. «Я безумством своим одержима, и не в силах собою владеть. Я тобою, увы, не любима, и осталось мне лишь умереть!» - поддавшись общему настроению выдала и Ленка. И так хорошо было, так необычно, уютно и празднично, хоть дождь за окном и усилился и уже изо всех сил лупил в окно.

В который раз удивила тетя Маша. Вообще-то Ленка уже по привычке к выкрутасам теток, не так уж удивлялась, как в первые дни, но когда тетя Маша заявила, что записалась на десять дней в фитнес-зал, Ленка не удержалась: «Теть Маш, туда же молодые ходят. Ну там пресс подкачать, мускулатуру нарастить. Тебе-то зачем?» «Как зачем? – искренне удивилась тетя Маша Ленкиному удивлению, - пресс подкачаю, мускулатуру поднаращу. Заодно на людей посмотрю и себя покажу. Мне, Ленка, просто все так интересно в этой жизни. Все хочется попробовать, посмотреть и узнать. Все, кроме ненужного и лишнего человеку - ну там наркотики разные, алкоголь, никотин и всякие криминальные моменты, потому как это все изобретение больного, извращенного ума». И тетя Маша таки потащила в фитнес-клуб. Ленка только поусмехалась про себя: ну-ну, иди, посмотрю я какая ты домой явишься после часовой интенсивной тренировки, если тебя туда вообще пустят.

Но тетя Маша через час с лишним прилетела вся воодушевленная и совершенно счастливая: «Ой, Дашуля, какая прелесть этот фитнес! Тебе непременно тоже надо туда сходить! Я и со штангой приседала, и на тренажерах все перепробовала. Особенно понравились упражнения с фитболом и бодибаром. А растяжка у меня, оказывается, по-прежнему прекрасная: на шпагат с первого раза села!» «Ни хрена себе», - только и подумала Ленка, попробовала в своей комнате сесть на шпагат – какое там! – под разъехавшимися ногами добрых полметра осталось.

Каждый день отзванивалась мать: «Как дела, Лена? Как здоровье? Тети не досаждают?» Нет, тетки не досаждали. Ленке было с ними все интересней и интересней. Она уже сама по доброй воле без всякого вознаграждения ходила с ними в театр, на выставки. Взяли за привычку поздно вечером устраиваться вместе в одной из комнат и разговоры разговаривать. Ленка открыв рот слушала рассказы тети Маши и тети Даши об их детстве, разные случаи из их жизней, воспоминания о родителях. Ленка поражалась как это все кардинально отличалось от ее собственной жизни. Как будто какую-то фантастику слушаешь. Подумать только: ее бабушка и

дедушка понятия не имели про такие элементарные вещи как компьютер и сотовый телефон! Зато Ленка теперь как-то не представляет, как это можно варить суп и кашу в большой русской печи, там же печь хлеб, косить траву косой или жать ее серпом, весной сажать картошку в землю, а осенью выкапывать ее и жить этим запасом до следующего урожая, каждое утро выгонять скот в стадо, а вечером встречать его из стада, доить корову и козу, пить парное молоко, спать зимой на печи и не иметь и понятия ни о каких супермаркетах, телевидении, Интернете, шопингах. Как будто ей описывали жизнь на неведомой планете, в неизвестной стране. А ведь подумать только – не так давно все так и было, вот даже тетки это знают и помнят.

Иногда одна из теток пересказывала Ленке какое-нибудь произведение из классической литературы, и хотя Лена в целом знала содержание – в школе проходили, но в пересказах теток оказывалось, что это вовсе даже не занудство, а такие удивительные истории, что Ленка потом доставала из книжного шкафа доселе нетронутые ею томики и зачитывалась Чеховым, Пушкиным или Гоголем до утра.

Порой вечерами тетя Даша играла на гитаре, которую случайно отыскивали на антресолях, и они пели дуэтом с тетей Машей старинные романсы.

«Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей,
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней...»

«...Не уходи, побудь со мною
Мне так отрадно и легко,
Я поцелуями покрою
Уста и очи, и чело...»

Выходило очень проникновенно, душевно, так, что у Ленки внутри что-то сжималось и почему-то хотелось плакать.

Тетя Маша оказалась прекрасной кулинаркой, когда было настроение, готовила не только очень вкусно, но и с выдумкой. И Ленку учила искусству готовки. «Каждая девушка, женщина просто обязана уметь хорошо готовить. Это жизненно необходимое дело. И готовить надо всегда с настроением, а не как отрабатывать повинность. Вообще все надо делать легко, с радостью и любовью. Даже посуду или полы мыть с любовью. Только тогда жизнь будет человеку в радость, а не в тягость. Так что смотри, племяшка, и мотай на ус». И Ленка мотала: она и тесто дрожжевое ставить научилась, и пельмени лепить, и знала теперь как борщ наваристый сварить.

Когда у тети Маши отсутствовал настрой на готовку, она громогласно объявляла: «Разгрузочный день! Ну а если кто не согласен с такой постановкой дел

– готовит сам». И тете Даше, которая, как и Ленка, в кулинарии была совсем не сильна, приходилось вместе с Ленкой соображать самим что-нибудь на ужин и для себя, и заодно для тети Маши, ни в коем случае от ужина не отказывающейся, не смотря на разгрузочный день.

- Как там твои бешенные бабки? – поинтересовались у Ленки подружки Вика и Лерка при встрече, - Ксюха говорила, что твои предки выписали из провинции двух неадекватных старух для контроля за тобою. «Повезло», подруга.

- Повезло, - улыбнулась Ленка, - они, конечно, малость бешеные. Не без того. Представляешь, тетя Даша в понедельник прыгала с парашютом на аэродроме! А мы с тетей Машей побоялись, не рискнули, только внизу переживали за тетю Дашу. Да вовсе они не старухи, а просто две интересные женщины в годах. Завтра ведут меня на открытый показ мод, говорят, что у меня чувство стиля и вкус надо развивать. Жаль, что родители уже послезавтра возвращаются.

Классные у меня тетки!

Лариса МАРКИЯНОВА, современная русская писательница

Лариса о себе:

Родилась в чувашской деревеньке со смешным названием Большие Крышки. Закончила физико-математический факультет чувашского государственного университета.

Работаю в АО «Чебоксарский электроаппаратный завод» главным специалистом.

Совершенно неожиданно для себя и близких в 50 лет начала писать рассказы. Казалось, что открылся новый мир, в котором я его творец с безграничными возможностями. Но оказалось, что созданные моим воображением герои реально влияют на мою жизнь: выдуманные мною события так или иначе отражаются в моей судьбе, порою придуманная история действительно происходит со мною. И это так удивительно и прекрасно.

Ольга МАСЛЮКОВА

ПО КРИВОЙ ДОРОЖКЕ

Дом Кротовых, недавно срубленный, стоял недалеко от реки. Картофельное поле тянулось вниз, к самому берегу. Территория еще не была обнесена изгородью, и потому высокий человек в форме направился прямо к усадьбе. Из-под недостроенной веранды, гремя цепью, с лаем выскочила лохматая овчарка с грязно-белыми подпалинами. Хлопотавший во дворе хозяин цыкнул на пса и, поздоровавшись, повел гостя в дом. Им навстречу вышла пышногрудая молодая женщина с темно-русскими волосами, заплетенными в толстую косу.

— Собери-ка что-нибудь на стол, Ирина! — обратился к ней мужчина. И пояснил спутнику: — Жена моя, Ирина. Год, как расписались.

Затем, повернувшись к супруге, представил:

— А это, Иринка, наш участковый, Игнат Петрович.

Представитель власти удивленно посмотрел на молодую женщину, потом на хозяина. «В дочки годится», — подумал он.

— Очень приятно, — протянула руку Ирина. — Проходите в дом, — сказала она и мгновенно скрылась за дверью.

Гость огляделся. Взгляд у него был профессионально пристальный, но спокойный и доброжелательный. Глаза на загорелом худощавом лице располагались так близко друг к другу, что казалось, будто они слегка косят.

От Федора Емельяновича не ускользнуло, как участковый отреагировал на его жену.

— Вижу на вашем лице удивление, — прокомментировал он. — Да, жена моя молода. Повезло! Овдовел я довольно молодым, и все же не надеялся заполучить в жены такую красавицу...

— Ничего удивительного: родственные души притягиваются. И что вы, Федор Емельянович, наговариваете на себя? Вы мужчина в расцвете сил, — подбодрил его участковый, который был моложе лет на десять.

— Да куда там! Пятьдесят уже, с хвостиком... — вздохнул хозяин. — Но силы есть. Вот, дом строю. Хоромы будут! — он с гордостью обвел взглядом свой уже почти законченный особняк.

— Вижу, вижу. В районе о вас уже молва идет. Только появитесь где-нибудь, как сразу шепоток идет: «Бизнесмен приехал». У сельчан денег нет. И хоромы такие им даже во сне не снятся.

— Деньги, деньги... Слишком много о них говорят. Стоило бы учиться их зарабатывать, а не водку пить целыми днями. Взять хотя бы эту деревню — спилась совсем...

— Не скажите. Сельчане у нас работающие. Спиваются, как правило, лодыри. Многие неплохо зарабатывают, но все равно за их доходы такой дом не отгрохаешь, хоть день и ночь трудись. Вот и задумываются люди: откуда берутся деньжищи у бизнесменов... Вас-то к нам какие пути-дороги занесли?

— Надоело в городе жить. А здесь место красивое, простор... Вот и решил вложить свои накопления, чтобы свить гнездо в этом райском уголке. Все за границу едут, виллы там покупают, а я в родной стране хочу умереть. Только сначала поживу, как следует!

— Хорошее место выбрали, Федор Емельянович. Река рядом, прямо возле вашего дома. Вода чистая, родников много, и место рыбное — здесь пойма, травянистое мелководье, кстати, даже форель водится. Красота! Только вот ловля рыбы сейчас запрещена: май, нерест, — говорил участковый. И, помолчав, вдруг добавил: — Дом-то ваш на отшибе... Не скучаете?

— А мне так и нужно... Главное — тишина и покой.

— Лодка у берега ваша? Знаете, что нельзя сейчас на моторке по реке ходить? Только после нереста.

— Да, да. Я и не заводил ее давно.

Хозяин открыл тяжелую дубовую дверь, и они вошли в дом. Ирина уже успела накрыть стол. В центре на тарелке красовался копченый судак.

— Вот это закусочка! — воскликнул Федор Емельянович. — Под такую и рюмочку пропустить не грех.

— Верно, — согласился участковый, — только служба у меня. Я ведь вот что пришел... Заявление к нам поступило.

— Что за заява? — насторожился хозяин.

— Появилась в наших краях группа браконьеров. Говорят, вроде, вас среди них видели.

— Так вот ты к чему клонил, начальник, нахваливая местную природу... — протянул Федор Емельянович, не замечая, как перешел на «ты». Он нахмурился и сурово продолжил:

— Наговор это. Кому-то очень захотелось мне нервы попортить. Зависть это людская, зависть...

— Как бы ни было, мне нужно сделать проверку. Дом твой обследовать.

— А ордер на обыск у тебя есть?

— Есть, Федор Емельянович, есть. Я без ордера не пришел бы.

— Проверь! — злобно сверкнул глазами хозяин.

— Да ты не злись, Федор Емельянович. Служба у меня такая.

— Так я тебе, служивый, и говорю сразу: ничего у меня нет.

— Видел во дворе, что у вас много разных пристроек. С которой начнем?

— Может, все-таки попробуете судачка?

— Если все в порядке, потом и попробуем.

На скулах хозяина заиграли желваки. Он старательно пытался не показать, что нервничает. Внимательно посмотрел на жену, та едва заметно кивнула головой и удалилась. А мужчины, так и не присев к столу, снова вышли во двор.

— Гараж вот построил, там машина стоит, и всякое барахло держу. А там конюшня, баня, — указывал на строения неподалеку от дома Федор Емельянович.

— Да, много что храните. Думаю, понятия понадобятся.

— Какие понятия? — оглянулся по сторонам Федор Емельянович, — Сам все посмотришь. Ведь ничего же нет...

— Все равно протокол нужно составить. А понятия распишутся, подтвердят, что ничего нет.

— Что ж ты меня позоришь, участковый? Не успел обжиться, а уже обыск. Здесь же деревня, слухи моментально пойдут...

— Федор Емельянович, служба у меня такая. Если ничего нет, так и слухов не будет.

— Ну, воля твоя.

Участковый направился к своему УАЗику, который стоял на обочине, недалеко от особняка. Там сидели два человека, мужчина и женщина — понятия. До соседних жилых домов было километра два и, зная, что вряд ли встретит кого-то другого, участковый пригласил жителей деревни.

Из машины сначала вышел мужчина лет шестидесяти, за ним, кряхтя, выбралась женщина примерно такого же возраста. Вчетвером они подошли к дому. Игнат Петрович открывал двери строений, заходил в гараж, конюшню, хлев и внимательно осматривал. Скотины у Федора Емельяновича пока не было. И Игнат Петрович, чтобы поддержать разговор, спросил:

— А что, живность еще не приобрели?

— Вот поставлю забор, тогда все будет: и корова, и поросята, и птица разная.

— Ясно. А почему в конюшне рыбой пахнет?

— Так была рыба. Коптил.

— Когда была?

— Давно. Рыбный запах долго держится. Что я тебе объясняю, сам знаешь! Да говорю же: нет у меня ничего.

— Ну, нет так нет. Так и напишем.

Понятые ходили за участковым, с любопытством разглядывая скарб односельчанина. Время от времени вскидывали друг на друга глаза, иногда с удивлением, иногда с возмущением, без слов понимая возникающие чувства. По всему было видно, что многие вещи они видели впервые.

— Сейчас составим протокол, понятые распишутся, и завершим расследование, — подвел итог участковый.

Игнат Петрович вошел в беседку, сел за стол и вынул из портфеля несколько листов бумаги. Мужчина и женщина последовали за ним и сели рядом.

— Говорил же я, что нет ничего, — бубнил себе под нос Федор Емельянович. — Но люди всегда хотят опорочить человека, если тот лучше живет.

— Бывает и так. Но предупреждаю на будущее: соблюдайте закон. Рыбу ловить только удочкой и в положенное время года. Наша река как заповедник, к тому же, не одну деревню кормит. Вот и оберегаем.

— Знаю, — недовольно буркнул Федор Емельянович.

— Вот, распишитесь, — участковый подал протокол. — И этот лист подпишите; здесь написано, что вы ознакомлены с правилами ловли рыбы. Рыбу разводит рыболовецкое хозяйство, поэтому порядки у нас строгие. А когда нерест, то и думать забудьте о ловле. Штрафы большие. Не заметите, как останетесь без своего хозяйства. Предупреждаю. — строго сказал Игнат Петрович.

Когда все поставили свои подписи, участковый направился к машине.

— А как же судачок под водочку? — решил напомнить хозяин.

— В другой раз. Служба.

Как только машина отъехала, Ирина подошла к мужу.

— Ох, еле успела спрятать...

— А этот голодранец где?

— Там, где и сети. Хорошо, что он быстро перетащил их в тайник. Я бы сама не справилась.

— На этот раз, слава Богу, пронесло! Вот людишки... торопятся заложить. Знать бы, кто это сделал... Удушил бы, кажется, — еле сдерживал ярость Федор Емельянович.

— Пошли! А то задохнется там этот разгильдяй.

Они направились к куче сена. Отбрасывали сухую траву до тех пор, пока не стала видна яма, скрытая под стогом. Федор Емельянович заглянул туда и негромко позвал:

— Эй! Окунь, ты жив там?

Из ямы глухо послышалось:

— Жив, но уже еле дышу.

— Поднимайся! Сейчас лестницу подам.

Хозяин опустил вниз лестницу, и вскоре наверх вылез худощавый мужчина с перепачканным лицом и выпученными от страха глазами.

— Иди, помойся! А то несет от тебя за версту.

Окунем «подпольщика» прозвал Федор Емельянович.

Семе было лет тридцать, когда хозяин подобрал его, бездомного, в городе. Когда случался хороший улов, Сема, обсыпанный чешуей и пропитанный запахом рыбы, с глазами навывкате, действительно напоминал засушенного окуня. Мужик выполнял самую грязную работу и много не требовал: его кормили и предоставили ночлег на кровати с постелью. Документов у бесплатного работника не было, поэтому он старался никому не попадаться на глаза. Когда нагрязнул участковый, хозяин боялся, что обнаружат Сему, и тот расскажет все, что знает, а тогда уж влепят ему на полную катушку.

Сема отряхнулся от прилипшего к одежде сена и уже хотел идти мыться, как хозяин остановил его.

— Слушай, Окунь, ты перегородил сетями то узкое местечко? А если бы и туда нагрязнули? Повезло нам... Давай-ка, беги, вытащи улов, а сети закопай. Думаю, они со своими проверками будут рыскать по всей реке.

Сема кивнул головой и мгновенно скрылся в кустах.

— Ирина, вечером гости должны подъехать, — обратился Федор Емельянович к жене. — Готовься. Сколько банок с икрой есть?

— Двадцать. Трехлитровых.

— Хорошо. Сейчас Окунь выпотрошит свежую рыбу, ее быстренько в коптильню и тоже продадим, — скомандовал он.

Вечером, когда солнце клонилось за горизонт и сумерки начали окутывать землю, к дому подъехал черный Lexus . Из него вышли четверо мужчин. Не дожидаясь, что к ним навстречу кто-то выйдет, сразу направились в дом.

— Здорово, Федор! — сказал один, протягивая руку хозяину.

Тот засуетился, повел гостей в столовую, усадил за стол.

— Как ты тут устроился шикарно! — произнес другой, разглядывая интерьер дома.

— Стараюсь, с вашей помощью.

— А воздух, воздух какой! Не надышишься... Кстати, не забывай, что помощь наша не безвозмездна, — ухмыльнувшись, сказал гость. И продолжил:

— Добирались до тебя долго. Сам понимаешь, по дороге нельзя, так мы лесом. Баньку бы нам организовал.

— Конечно. Уже протопил.

— А утром мы отчалим. Хорошо, что ты забрался в это захолустье. Подальше от всякой нечисти.

— Ох, не говори! Нечисть была уже, — с досадой махнул рукой Федор Емельянович.

— О чем это ты?

— Да участковый с обыском приходил.

— И что? — насторожился мужчина, который, судя по всему, был главным.

— Все нормально. Сельчане подсустились, заяву написали, что видели меня на реке с уловом. Но вы не беспокойтесь, ничего не нашли. Все чисто. Один копченый судак на столе был.

— Ты, брат, смотри: не ровен час загремишь под фанфары, — громко засмеялся гость, вспомнив фильм и героя, то и дело повторявшего эти слова.

— Тьфу, тьфу, тьфу, — поплевал через левое плечо хозяин. — Держать ухо остро и здесь нужно.

— А теперь о долгах поговорим. Должен ты нам много. Рыбка, икра — все это мелочи, быстро не считаешься. Сейчас нам нужно спрятать товар. Возьми на хранение, и часть долга спишем.

— Какой товар? — насторожился Федор Емельянович.

— Да ты не бойся. Главное, местечко хорошее найди. Приедут люди, ты примешь то, что они привезут. Накормишь, напоишь, спать уложишь и утром проводишь. Потом приедут другие и все заберут. Будь и с ними гостеприимен. Ха-ха... — басисто засмеялся главный. — Что молчишь? Вид у тебя такой, будто уже в штаны наложил. Или тебя на счетчик поставить?

— Да нет, я просто обдумываю, куда спрятать...

— Это правильно. Подальше и поглубже, чтобы твой участковый и предположить не смог. Только боюсь: если ты уже засветился со своей рыбкой, то, не ровен час, и это дело провалишь...

— Подумаю, — сердито буркнул Федор Емельянович.

— А теперь пора и в баньку!

Все поднялись, вышли на улицу. Главный посмотрел на небо. Луна вышла из-за туч и ярко осветила спящий лес. Было тихо, только где-то вдалеке ухал филин.

— Эх, красота! Даже ночью чувствуется покой. Не то, что в городе, — вздохнул главный. — Правильный мы выбор сделали.

Мужчины направились в баню. Один из приезжих, проходя мимо пса, который старался казаться равнодушным, несмотря на присутствие чужих, замахнулся на лохматого сторожа.

— Чего косишься, пес бешеный? Терпеть не могу вас...

— Не трогай, кто знает, что у него на уме, — толкнул его в спину главный, — идешь и иди своей дорогой.

— Когда с первой ходки бежал, собаки нашли по следу. С тех пор ненавижу их, — никак не мог успокоиться гость.

Хозяин шел молча, только еще раз цыкнул на пса.

— Федор, еду в баньку принеси, там и попируем в комнате отдыха, — приказал главный.

— Ирина! — окликнул тот жену.

— Я здесь, — отозвалась с крыльца спешившая на зов мужа Ирина.

— Отнеси все, что на столе, в баню. Накрой стол в комнате отдыха.

— Что-то случилось? На тебе лица нет, — шепнула она, подойдя к мужу.

— Потом, Ира, потом, — отмахнулся он.

Когда дверь в баню захлопнулась, Федор Емельянович вернулся в дом. Устало опустился в кресло и задумался. Вскоре вернулась Ирина и села рядом.

— Не хочешь рассказать мне? — вкрадчиво спросила она.

— Девочка моя, боюсь, скоро наша жизнь превратится в ад.

— Кто эти люди?

— Бандиты. Такие же, каким я раньше был.

— Ты?

— Да. Я должен им большую сумму денег. Это они предложили дом здесь построить, и я оказался в кабале у них до конца моих дней. Эх, я-то думал, что со старой жизнью покончено. Начну все с нуля и по-новому...

— Что они хотят?

— Лучше тебе не знать.

— Почему ты должен столько денег? За что?

— Не спрашивай, будешь крепче спать. Знай одно: большие деньги — всегда опасность. Было время, когда жил всласть, купался в роскоши. Правда, чувствовал себя, как на пороховой бочке. Деньги рекой текли, но так же и утекали. Ты ведь тоже решила связать свою жизнь со мной из-за денег? Разве такая красавица вышла бы замуж за такого, как я, да еще нищего? Молчишь. Значит, ты такая же, как я...

Вдруг залаяла собака. Хозяин подскочил и пулей вылетел из дома. Ирина последовала за ним. Пес уже не лаял, он вцепился в ногу не понравившегося ему гостя и злобно рычал. А тот изо всех сил пытался вырваться.

— Фу! — крикнул Федор Емельянович, подбегая. Он схватил собаку за загривок и с трудом разжал ее челюсти.

Освободившийся мужик, хромя, с воем и бранью вернулся к бане. Оттуда уже выскочили двое его товарищей, наспех завернувшись в махровые полотенца, один держал в руках пистолет.

— Убей ее, — орал пострадавший, держась за ногу.

— Нет! — твердо сказал хозяин и закрыл собою пса, — не смейте!

Главный опустил пистолет и сказал:

— Скажи жене, пусть обработает рану.

Ирина, дрожа от страха, бросилась в дом за аптечкой.

— Собака же на цепи, до дорожки не достает. Зачем ты полез к ней? — спросил главный.

— Хотел прикончить ее. Она зло смотрела на меня.

— Дурак ты. Никогда не лезь к собаке пьяный. А ты, Федор, мог бы закрыть ее.

— Как же я закрою? Ночь на дворе, а забора у меня нет, все двери открыты. Если зверь какой из леса придет? Или посторонний заберется? Вы же знаете, без собаки здесь нельзя. А сейчас, конечно, закрою.

— Поэтому я и не пристрелил ее. Только поэтому, Федор! — крикнул главный вслед уходящему хозяину.

Ирина тем временем оказала помощь пострадавшему и подошла к ним.

— Ну что там? — сразу спросил муж.

— Ничего страшного. Собака даже не прокусила кожу, держала его зубами и все. Я обработала царапины.

— Слава Богу. Он никогда никого не кусал. Хороший пес, — успокоившись, сказал Федор Емельянович.

Гости вернулись в баню. Муж и жена еще долго сидели на крыльце, дожидаясь, когда приездие закончат отдыхать, чтобы проводить их на ночлег.

Было уже далеко за полночь, когда появились мужчины, веселые и хмельные. Главный обратился к хозяину:

— Федор, чего загрузил? Вот ключи от машины, забери груз из багажника.

Он бросил связку, та, не долетев, упала на крыльцо. Федор Емельянович, с трудом скрывая раздражение, наклонился, поднял ключи и пошел к машине. Гости наблюдали, а когда он открыл багажник, главный крикнул:

— Ну, что замер? Доставай!

Федор осветил фонариком груз.

«Так я и знал, наркотики — подумал он, увидев в сумке пакеты с каким-то порошком. — Хотел же забыть прошлое... Навсегда покончить с криминалом...»

— Что медлишь? Прячь подальше. Через пару дней заберут, и ты кое-что получишь.

Федор Емельянович закрыл багажник.

— Как вы проехали, здесь же пост ГАИ недалеко?

— Лесом, дружок, лесом. Правда, дорога в вашей глухомани паршивая, вся в ухабах.

— Думаете, никто вас не видел?

— На дороге нас никто не обгонял и навстречу не ехал. Да и что такого: мало ли куда и зачем мы направляемся. А сунулись бы в багажник, мало не показалось бы, — мрачно бравировал главный. — Что-то ты, как в первый раз... Участковый напугал?

— Не нравится мне все это, — наконец решился сказать Федор Емельянович.

— Ишь, как заговорил. А жить хорошо тебе нравится? Причем, не работая. Кто не работает, тот ... Что? Правильно, баланду ест.

— Или в земле лежит, — усмехнулся другой, поигрывая пистолетом.

— Ладно, ладно, нечего пахана из себя корчить. Дорости немного, — осмелел Федор Емельянович, — Окунь! — позвал он, снова открывая багажник.

Сема появился немедленно, словно из-под земли вырос. Он, как преданный пес, был где-то рядом и по первому зову бросился к хозяину. Он переминался с ноги на ногу, нервно моргал и старался не смотреть в сторону гостей.

— А это что за чудо? — удивился главный.

— Мой помощник, рыбак. Браконьерим потихоньку.

— Так это он нас кормит? Молодец! — похлопал его по плечу главный. А надежный ли ты человек?

— Не приставай, он нем, как рыба. Среди них и обитает. Сема, — обратился к работнику Федор, — возьми и спрячь.

Как только Окунь прикоснулся к сумке, всю компанию вдруг осветил яркий свет.

— В чем дело? — прикрывая лицо рукой и пытаясь хоть что-то разглядеть, спросил главный.

— Оружие на землю! Всем на землю! — раздалась команда.

— ОМОН... — простонал главный. — Сдали... Убью, уничтожу, в землю зарюю... — он в ярости скрипел зубами.

Через минуту на руки всем надели наручники.

К Федору Емельяновичу подошел участковый.

— Я же просил вас соблюдать закон.

— Так я ничего не нарушил.

— Как же, Федор Емельянович, а наркотики? А икорка? А использование рабского труда? Вон сколько статей собралось... Я давно за вами слежу. В гости не торопился, но присматривался: что за бизнесмен в наши края пожаловал? Но разве ж это бизнес? По кривой дорожке в рай не попадешь...

А дружки-то ваши в розыске. Лесом ехали, по бездорожью. Такую машину гробили! Только все зря. Вижу, успели с дорожки в баньку сходить. Теперь чистенькими в дальнюю дорогу и отправитесь...

Ольга МАСЛЮКОВА, современная русская писательница

Родилась в России, в г. Архангельске. В настоящее время проживает в Белоруссии, г. Витебск.

Имеет в авторском багаже девять романов, рассказы, сказки, фантастику для детей, стихи.

Публиковалась в международных журналах и альманахах. Провела более сорока авторских встреч в библиотеках городов и районов. Награждена Российским союзом писателей, медалями В. Маяковского, А.С. Пушкина и звездой «Наследие».

Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», Международной ассоциации писателей и публицистов и член Российского союза писателей.

Татьяна НАЗАРОВА

МАМИН ПАРАШЮТ

Это было старое сари его мамы, когда-то любимое ею и надеваемое, что называется, на выход. С тех пор в складках этих нескольких метров красивого шелка хранилось немало её секретов и воспоминаний, радостных и не очень. Потом, как случается даже с самой что ни на есть любимой одеждой, оно стало старым, но мама, все равно не желая с ним расставаться, сшила его по краям в покрывало жёлто - красного цвета, лёгкое и воздушное. Он так любил им укрываться, что выпросил его и унёс в свой дом, взрослый человек и старенькая уже мама, которая, как птица, продолжала согревать его своим теплом.

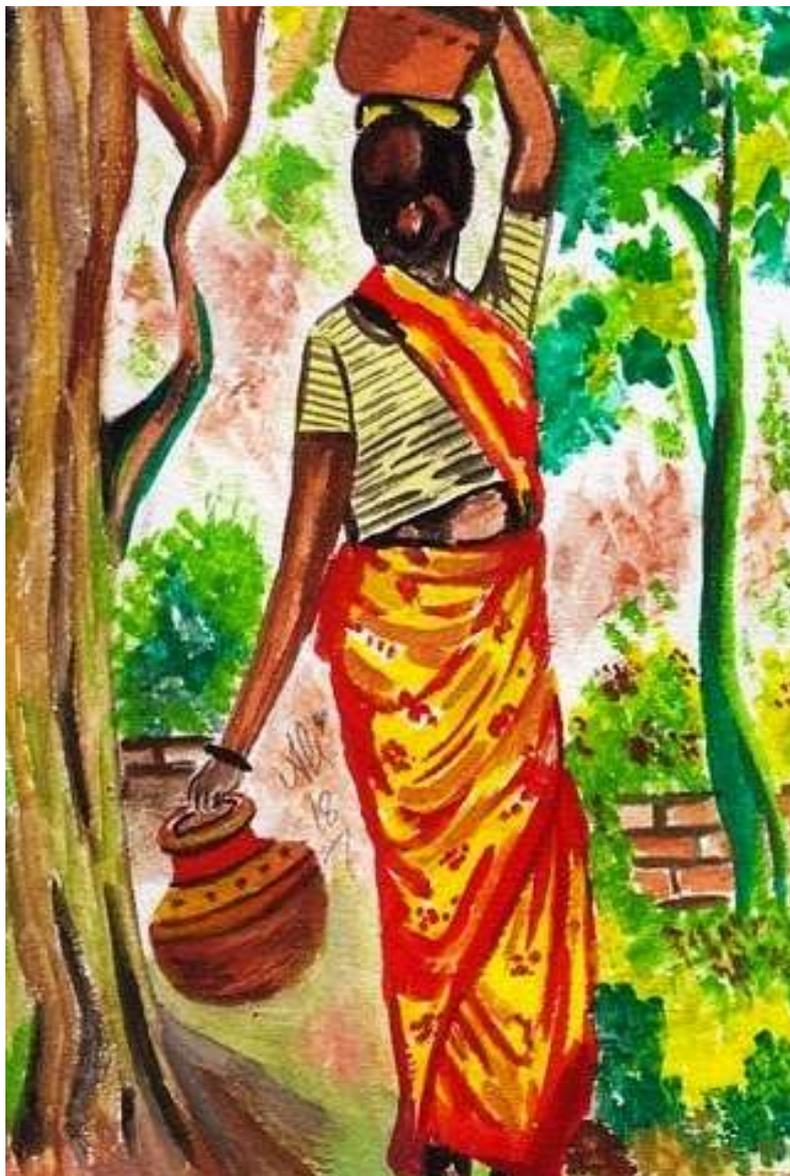
Потом в его дом пришла я.

- Мамин парашют! - так я окрестила покрывало из-за размеров и лёгкости, и с тех пор мы только так его и называли.

Мы разминулись с его мамой совсем на немного, пока он решал, когда нас лучше познакомить, она ушла. После этого уже трудно было что-либо изменить, все случилось так, как случилось, и для знакомства с нею у меня оставались лишь пара ее фотографий и этот парашют. Теперь я летала с ним по ночам.

- Нам лучше казаться слабыми, - учила меня его мама. - В этом наша сила. Тогда наши мужчины поневоле принимают ответственность на себя и ведут нас по жизни.

Тут она замолкала, видимо, обдумывая, насколько это удавалось при жизни ей самой. Потом она вспоминала день, когда ею была нарушена та грань, за которой она оказалась лежащей на кровати с пустыми флаконами из-под лекарств на прикроватной тумбочке. Тогда ее слабость была натуральной и непридуманной, и

она и вправду считала, что у неё нет больше сил. Ни на что. Ни на поддержку своего мужчины, ни на заботу о взрослых уже детях и даже внуках, ни на себя. Так ей казалось.

- Но даже такие непростые ситуации и те проходят, - уверяла меня его мама. - Со временем они обесцвечиваются, как старые фотографии, эмоции уходят, оставляя после себя лишь сами факты. И значимость событий, которую мы вкладывали в них тогда, она теряется, расплывается на много мелких важностей, совсем уже теперь не важных, и забывается. И остаётся опять только главное.

- А что главное? - спрашивала я на лету.

Я чувствовала тепло шелка и понимала ответ - главное в самом простом, в том, что всегда под рукой и в тех, кто рядом. Все очень просто, но от этого не легче. От этого ещё сложнее.

- Ты заботься о нем! - мама нежно смотрела на своего взрослого и давно уже седого сына.

- Да, я забочусь, только не всегда получается. Иногда такое накатит, что я, словно монстр, и сама себя боюсь. Что это? Откуда?

Мама улыбалась, и в ее глазах я видела саму себя, смотрящую уже на своего сына и повторяющую, как мантру, все те же слова:

- Ты заботься о нем!

Меня слушала уже другая женщина, молодая, которую держал за руку мой сын, и я, посылая любовь им обоим, передавала теперь эти тайные знания ей. Люби его! Ощущая твою любовь, он свернёт горы. Иногда он будет уходить в другие края, но каждый раз он будет возвращаться к тебе, в поле твоей любви, в ваш дом.

Секрет в том, чтобы не дать любви погаснуть в сердце ни на мгновение. Придёт время, и ты передашь это следующей, той, которая встанет за твоим сыном. Важнее этого ничего нет - поддерживать этот огонь и отогревать его теплом мужские сердца. Без него им приходится совсем туго, и все в их жизни теряет смысл.

- Я говорила с твоей мамой! - сообщала я на утро, сворачивая парашют. - Она беспокоилась о тебе. Мы поговорили, и я думаю, теперь она спокойна.

- И я тоже! - Добавляла я самой себе, понимая теперь, что дело не в парашюте, сделанном из сари, которых я не ношу. Дело в словах, которые я скажу следующей, когда придёт время.

И это будет уже ее право - услышать их или нет. Но я обязательно все ей передам. И непременно расскажу про его маму.

Татьяна Назарова, современная русская писательница

Татьяна о себе:

Чем бы я ни занималась в своей жизни, я всегда находилась при этом среди большого количества людей, что и привело меня много лет назад к увлечению психологией.

После этого, как бусины к браслету, нанизывались одна к другой разные науки и практики, НЛП, йога, цигун, Рейки, аюрведа, мантры, мудры, медитации. Все это позволяло мне глубже погружаться внутрь себя, разбираясь по дороге со многими проблемами моей собственной жизни.

С 2013 года живу в Индии, где и начала писать, вернее, просто записывать действительность, которая активно проявляется вокруг меня, не давая мне шансов оставаться к ней безучастной.

Алексей ТИСЕМСКИЙ

БОГАТЫЕ ЛГУНЫ И БЕДНЫЙ

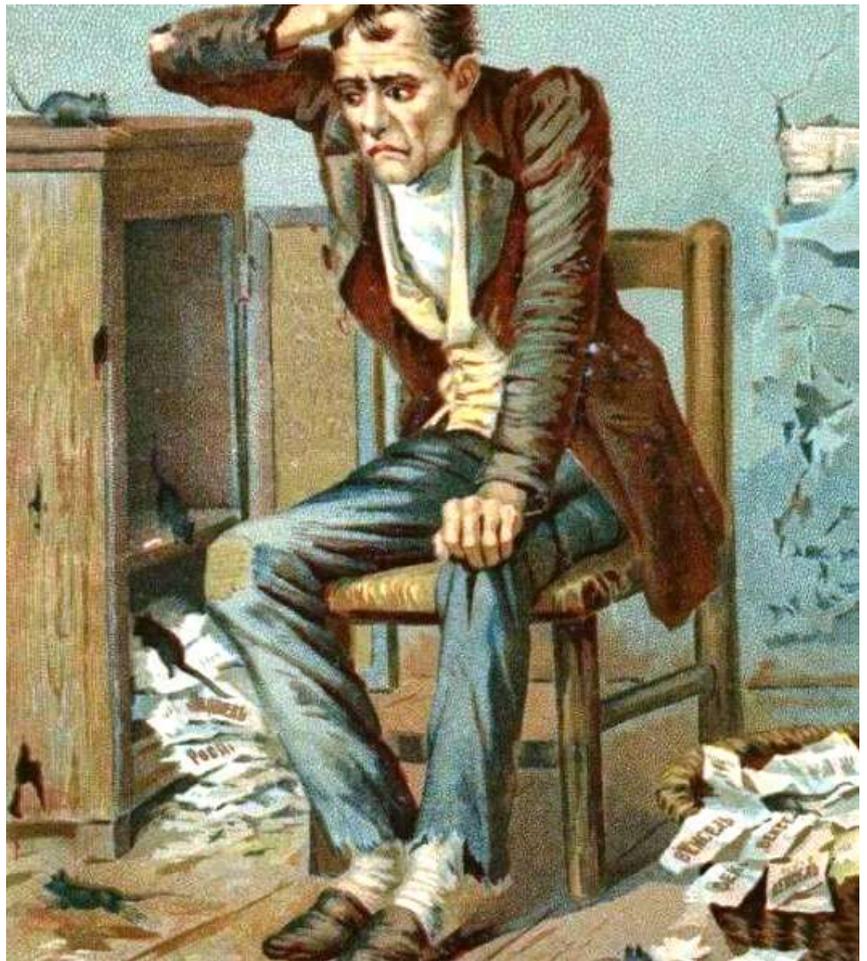
Наклонность полгать - в каких она иногда кротких душах живет! Я знал в В-е помещанина Петра Вакорина - чрезвычайно кроткого малого, обремененного огромным семейством, не способного ничего другого делать, как сходить за охотой, за грибами, рыбки поудить.

Существовал он решительно благодеянием одного подгороднего помещика, Саврасова, честолюбивейшего и надменнейшего человека и в то же время псового и ружейного охотника, который, собственно, и благодетельствовал Вакорину за то, что он выслеживал ему иногда места, удобные для охоты, хоть тот по большей части и навирал в этом случае.

Слабость поприхватить в Вакорине, как в существе загнанном, так умеренно проявлялась, что ее почти никто и не замечал, а в то же время она была, и очень была: придет иногда и расскажет жене, что видел орла с орлятами, да улетели - канальство. А между тем никаких орлят не было, да и быть не могло.

А то отправится в соседний монастырь к обедне и там, будто случайно, расскажет казначею: "Какую, ваше преподобие, я на мельнице вашей щуку видел; пуда в два, надо полагать; вся седая ходит, мохом уж, значит, поросла!.." Разгорятся жадностью казначейские очи, велит он спустить омут - хоть бы пескарь!

Начнут бранить Вакорина, непременно тут присутствующего; крестится, божится, что видел, тогда как сам очень хорошо знает, что видел нечто гораздо более похожее на палку, чем на щуку.

Раз его благодетель Саврасов на одной из своих осенних охот убил лисицу с черным хвостом. Можете себе представить, как это подействовало на его гордую и самолюбивую душу! Со шкурой этой лисицы он стал по всем ездить, всем ее показывать. "Видали ли вы это?" - говорил он, повертывая свой трофей перед носом почти каждого, и всякий благоразумный человек, разумеется, придавал удивленное выражение своему лицу и говорил: "Да, да".

Случилось, что около того же времени Вакорин зашел к исправнику, с которым он состоял в близких отношениях уже по случаю рыбной ловли, так как всегда доставлял ему отличных для удочки червяков, а когда сам ходил с ним зимою удить, так держал и отогревал этих червяков у себя во рту.

Смирненно поклонясь хозяину и гостям его (у исправника в это утро было человек несколько из дворянства), Вакорин в своем длиннополом сюртуке уселся в уголку и, положив руки на колени, стал улыбаться своей доброй улыбкой всякому, кто только на него взглядывал. Хозяин, наконец, заметил его одинокое положение и обратился к нему:

- Петруша, что ты там все сидишь? Поди выпей водочки!

Вакорин скромно встал, подошел к закуске, несмелой рукой стал наливать себе рюмку. В это время двери с шумом растворились, и в гостиную вошел Саврасов с лисьей шкурой в руках.

- Как вы это находите? - обратился он прямо к хозяину и ни с кем почти не кланяясь.

- И слов уж не нахожу, как это выразить! - отвечал тот, раболепно склоняя голову перед гостем.

- Во всем европейском ружейном мире в десять лет один такой выстрел бывает! - сказал Саврасов.

На этот разговор их Вакорин, не допив еще рюмки, отвел от нее свои кроткие глаза и проговорил довольно громко:

- Каждый год по три таких штуки бью!

Хозяин устал на дерзкого удивленные глаза, а Саврасов сначала только попятился назад.

- Как, ты бьешь каждый год по три? - проговорил он, не могши еще прийти в себя.

- Бью-с! - отвечал, покраснев, Вакорин.

- Бьешь? - проговорил опять Саврасов.

- Бью-с! - повторил еще раз Вакорин.

- Бьешь? - заревел уже с вспыхнувшим, как зарево, лицом оскорбленный честолюбец и схватил Вакорина за шивороток.

Хозяин и гости подбежали к ним.

- Ну, полноте, бросьте его! - унимали они Саврасова.

- Дурак! Ну, где ты бьешь? - увещевал Вакорина исправник.

- Бью, батюшка, - повторил он и тому.

- Господа! Возьмите его у меня; иначе я его задушу! - сказал Саврасов, отбрасывая от себя Вакорина.

- Что хотите, то и извольте делать, а что бивал, - не унимался бедняк, утирая с лица катившийся пот.

- Ну, так пошел же вон! - крикнул на него уж и хозяин, выведенный из терпения такою ложью.

- Я уйду, сударь, уйду! - говорил Вакорин и пошел.

- Я тебе теперь, каналья, кости оглоданной не дам, - вскричал Саврасов, выбегая вслед за ним.

- И я тоже, и я! - повторял хозяин.

Вакорин бледнел, делал из лица препечальнейшую мину. В лакейской его стал было даже лакей уговаривать:

- Полноте, Петр Гаврилыч, потешьте господ; скажите, что неправду сказали.

- Что мне тешить-то? Бивал сколько раз! - отвечал ему Вакорин.

Лакей на это не стерпел и плюнул.

- Фу ты, господи боже мой! - проговорил он.

Господа между тем рассуждали о наглom лжеце в гостиной.

- Каков каналья, а? Каков? - кричал Саврасов на весь дом.

Его мелкое самолюбьишко было страшно оскорблено. Недели через две он по наружности как бы и простил Вакорина, стал даже принимать его к себе в дом, но в душе питал против него злобу.

Раз... это уж было у самого Саврасова, тоже собралось дворянство, в том числе два брата Брыкины. Еще покойный отец этих господ рассказывал, что поехал он однажды ночью через Галичское озеро - вдруг трах, провалился в прорубь; дыханье, разумеется, захватило; глаза помутились; только через несколько секунд дышать легче - глядит,

тройка его выскочила в другую прорубь - и полнехоньки сани рыбы зачерпнулись в озере.

Другой раз заговорили о храме Петра в Риме. "Что это такое за важность этот храм! - воскликнул Брыкин. - Говорят, велик он очень! Вздор! Велик сравнительно, потому что вся-то Италия с нашу губернию. Ну, а как наша матушка Россия раскинулась, так что ни построй, все мало. Вот у нас приход или, лучше сказать,

приходишко; выстроили церковь - так псаломщик за всенощной с клироса на клирос на жеребенке верхом ездил".

- Батюшка! - воскликнул при этом укоризненно даже один из сыновей.

- А длина церкви велика ли? - спросил кто-то из слушателей.

- Длина? - отвечал несколько опешенный замечанием сына старик. - Длина сажени три.

Так он врал, и все его слушали и даже почти верили ему, потому что тысяча душ была у него. Сынки тоже пошли по нем. В настоящее собрание один из них рассказывал: "Стали, говорит, мы спускаться с Свиньинской горы, ведь вы знаете, это стена, а не гора... что-то одна из лошадей плохо спускала - понесли. Заднее колесо заторможено было - однако, пи, пи, пи! ничего не помогает; я, делать нечего, говорю брату - мы с ним сидели на передней лавочке, а жены наши на задней: "Давай, говорю, тормозить передние колеса"; нагнулись: я на одну сторону - он на другую, взяли колеса в наши лапки - на один камень колесо наскочит, на другой - в рытвину сухую попадет; смотрим, лошади наши уж не несут, а везут коляску".

- И я заторможу колесо, - отозвался вдруг черт знает с чего и для чего Вакорин, тоже тут присутствовавший.

Глаза хозяина загорелись бешенством.

- Ты затормозишь? - спросил он.

- Я-с.

- Да ты, каналья, не только коляску, а одну лошадь на беговых дрожках обеими твоими скверными руками и ногами не остановишь! - прошипел он.

- И так остановлю-с.

- Остановишь? Люди! - Саврасов хлопнул в ладоши.

Вбежали люди.

- Сейчас заложить серого в беговые дрожки. Останавливай! - обратился он к Вакорину.

Тот только уже улыбался.

Лошадь была заложена и приведена к крыльцу. Все гости и хозяин вышли туда.

- Посмотрим, посмотрим! - говорили самолюбиво братья Брыкины.

Вакорин, как обреченный на казнь, шел впереди всех.

- Как же ты остановишь? - спрашивали его некоторые из гостей, которые были подобнее.

- А вот как, - отвечал Вакорин, ложась грудью на дрожки и сам, кажется, не зная хорошенько, что он делает, - вот руки сюда засуну, а ноги сюда! сказал он и в самом деле руки засунул в передние колеса, а ноги в задние.

- Отпускай! - крикнул он каким-то отчаянным голосом державшему лошадь кучеру.

Тот отпустил. Лошадь бросилась, колеса завертелись; Вакорин как-то одну ногу и руку успел вытащить, дрожки свернулись набок, лошадь уж совсем понесла, так что посланный за нею верховой едва успел ее остановить.

Вакорин лежал под дрожками.

- Вставайте! - сказал подъехавший к нему верховой.

- Немного, проклятая, наскакала - остановил же! - сказал Вакорин и хотел было подняться, но не мог: у него переломлена была нога.

Лет десять тому назад я встретил его в В... совсем уже стариком, хромым и почти нищим. Он сидел на тротуаре и, макая в пустую воду сухую корку хлеба, ел ее. Невдалеке от него стоял босоногий мальчишка и, видимо, поддразнивал его. "Лисичий охотник, лисичий охотник!" - повторял он беспрестанно. Это было прозвище, которое Вакорину дали в городе после первого несчастного с ним случая по поводу лисьей шкуры. Старик только по временам злобно взглядывал на шалуна. Я подошел к нему.

- Что это, Петр Гаврилыч, до чего это ты дошел? - спросил я его.

- Что делать, сударь? Стар стал уж!.. А добрых господ, как прежде было, нынче совсем нет! - отвечал он, и слезы навернулись у него на глазах.

Кого он под "добрыми господами" разумел - богу известно!

Алексей Феофилактович Писемский, русский писатель и драматург

Сюжеты своих произведений Писемский черпал из жизни средневладельческого круга. Эта среда была для Писемского лишена ореола привлекательности. Он безжалостно разрушал поэзию дворянских гнезд, воспетую Тургеневым и Л. Толстым. Не только родственные, дружеские, имущественные отношения дворянства выглядят в произведениях Писемского в высшей степени неприглядно, но даже настоящей любви нет места в этом обществе. Ее заменяют или холодная светская игра, или прямой обман.

Вероника РОМАНОВСКАЯ

РЕБЕНОК ОТ ЧУЖОГО МУЖА

В молодости за Анной ухаживал однокурсник – умный, симпатичный парень. Они жили на одной улице, но познакомились только в институте – и удивились, как созвучны их имена: Аня и Лёня.

Он очень нравился ей, но дружили они недолго и ни о чём таком ещё не говорили, даже не целовались. Аня, живая и общительная девушка, была воспитана в строгости, а парень оказался то ли нерешительным, то ли слишком деликатным.

В августе Аня узнала неожиданную новость: Лёня забрал документы и поступил в духовную семинарию. Он был сыном священника и решил пойти по стопам отца. Очевидно, он уже готовился к переменам в своей жизни и потому вёл себя так осторожно по отношению к девушке.

Другие ребята Ане казались неинтересными, и она не обращала на них внимания. По Лёне она, конечно, скучала, но разыскивать его через родителей стеснялась. Что они могут подумать? К тому же она не была уверена в том, что нужна ему, ведь он выбрал другой путь...

Прошло три года. Молодой преподаватель института присмотрел толковую студентку с женственной фигурой и тонкой талией, немного поухаживал за ней и сделал предложение. Ане было лестно внимание взрослого мужчины, и она согласилась.

Поначалу ей казалось, что она в него влюблена. Ей нравилось носить широкое обручальное кольцо, чувствовать себя взрослой женщиной, готовить мужу обед. Но

влюблённость прошла – года через полтора, как и предсказывают психологи. А с любовью как-то не сложилось...

«Но так бывает и с другими, – успокаивала себя Аня. – Может, у нас ещё всё наладится... Родится ребёнок...»

Потом, подобно многим женщинам, разочаровавшимся в браке, но боявшимся остаться без семьи, она тоже привыкла – к своему замужнему состоянию, к супружеским обязанностям, к тесной квартире – и считала, что всё нормально... Что есть, то и есть.

Муж, как выяснилось вскоре после свадьбы, любил выпить с приятелями – по поводу и без повода, – однако даже в пьяном виде Аню не обижал. Впрочем, пил он не больше, чем другие, и зарплату ей отдавал. Будучи старше на десять лет, он относился к жене снисходительно и не мешал ей вести хозяйство, как она хотела.

Надо сказать, она стала хорошей хозяйкой, денег зря не тратила, да и не на что их было тратить в провинциальном городе. И самую дорогую вещь – беличью шубку, случайно увиденную в военторге, – купила только после уговоров мужа, которому хотелось, чтобы его жена была одета не хуже других.

В одной комнате, с трудом вмещавшей две кровати, диван, шкафы и тумбочки, было невероятно тесно, но преподаватель института надеялся со временем получить другое жильё. Правда, пока их всего двое, рассчитывать на расширение не приходилось, но когда появится ребёнок...

«В новой квартире всё будет по-новому, всё будет хорошо...» – думала молодая жена.

Детей они сначала не заводили, потому что Анна училась в аспирантуре, а потом – не получалось... Она с сожалением понимала, что время работает против неё и просто так ждать и надеяться на чудо – не имеет смысла. Каждый год уменьшал её шансы стать матерью.

Обследование, сделанное втайне от мужа, показало, что он бесплоден, хотя сам он утверждал, будто бы женщины от него беременели. Анна не сказала ему правду, чтобы не злить. Всё равно он лечиться не станет, да и что толку – только нервы трепать. И пьёт по-прежнему, и курит – сам себе хозяин.

Теперь она совершенно точно знала, что не любит мужа, но возраст у неё был такой, что выбирать приходилось между пьющим, но вроде бы уже своим человеком, и одиночеством, точнее, возвращением к родителям. Вот и все варианты. Анна колебалась и однажды чуть было не подала на развод, но так и не решилась.

Она очень хотела ребёнка и была готова родить его от другого мужчины. Однако в небольшом городе стать матерью-одиночкой – равносильно подвигу или совершенному безрассудству. Как растить сына или дочь, как объяснить ребёнку, почему у него нет отца? Но если он родится в браке – это совсем другое дело. А потом можно и развестись, и никто не будет задавать матери лишних вопросов.

И вот как-то случайно, на улице возле гастронома, ей встретился один человек и они разговорились. Анна узнала, что он живёт неподалёку и уже давно присматривается к ней. Она видела, что нравится ему, и чувствовала, что он тоже ей приятен – обходительный, внимательный, вежливый собеседник.

Он выбрал её, привлекательную, порядочную женщину, для души, для любви, однако он был вовсе не против, чтобы она родила от него ребёнка – для себя, разумеется.

Анна так и сказала ему:

– Хорошо, я согласна, но только ради ребёнка. И чтобы об этом никто не знал, и ребёнок будет только мой.

Как вы понимаете, для мужчины это неплохой вариант: понравившаяся ему женщина проявляет взаимный интерес, более того – хочет от него ребёнка. То есть он получает желаемое, утверждается как мужчина – и никаких претензий, тем более материальных.

Они встречались, как многие любовники: тайно, не имея в запасе достаточно времени, чтобы побыть вдвоём подольше, поужинать вместе и уснуть рядом. Хорошо, что у мужчины была в городе подслеповатая тётка, по старости лет не вникавшая в подробности.

– Кто там? Это ты, Саш? – спрашивала она, услышав протяжный скрип открываемой двери.

– Да, тётъ Катъ, мы тут с другом зашли посидеть.

У него была своя комната в тёткином доме, где он отдыхал от семьи – как правило, не один. Он заходил к старушке поздороваться, отдавал ей кулёк с конфетами, и, довольная, она не мешала «встрече друзей».

Анна позволила себе полюбить чужого мужа на короткое время – до зачатия, – но полюбила на годы, пока сожаление о невозможном не стёрлось в её душе.

Именно такой человек был нужен ей – выбравший её среди других, открывший ей радости любви, подаривший возможность материнства. Если бы он развёлся с женой, которой всё равно был неверен, Анна не раздумывая вышла бы за него замуж. Он оказался нежным и опытным любовником, и встречи с ним приносили ей короткое, но яркое счастье.

Довольно скоро она забеременела, и это было совершенной неожиданностью – после стольких лет напрасных ожиданий! Сначала она не была уверена и стеснялась говорить об этом своему любовнику, а может, боялась, что он её бросит прежде времени. А потом, когда и ей всё стало ясно, и в женской консультации подтвердили, – тогда, конечно, пришлось ему признаться, вернее, поделиться счастливой новостью. Но по сдержанной реакции мужчины она поняла, что для него это не было особой радостью, хотя и бояться ему нечего – они же договорились сразу. Анна и сама знала, что рано или поздно они должны расстаться – хотя бы потому, что она боялась навредить ребёнку.

Александр был интеллигентным, толковым инженером, рассказывал всякие интересные вещи, с ним можно было поговорить о жизни и обо всём, что волновало дождавшихся гласности людей. Но, к сожалению, он принадлежал к той породе мужчин, которые держатся за семью, время от времени позволяя себе романы на стороне. А иначе им скучно жить. Вот такие они, ничего не поделаешь!

У него были дети, две девочки, он любил их и, собственно, из-за них-то и жил с женой. Как долго – история об этом умалчивает, но, по-видимому, его устраивало такое положение вещей. Своего внебрачного ребёнка он видел только на улице, Анну навестил лишь однажды, спустя год, а потом никакого интереса к ним не проявлял.

Анна ни за что не пошла бы на такие отношения, если бы не её страстное желание стать матерью. У неё было почти всё: хорошая профессия, крыша над головой и какой-никакой муж. Она умела шить, вязать, готовить, печь торты, играть на пианино. Но без детей жизнь казалась ей бессмысленной.

Ей было уже тридцать пять лет, когда у неё родилась дочь, похожая на своего родного отца и, как это ни странно... на мужа Анны! Даже его мать и сестра, приехавшие навестить новорождённую, обратили внимание на сходство. С возрастом оно стало ещё заметнее, особенно были похожи глаза.

А прежде, по пьяному делу, муж высказывал подозрения, что ребёнок, которого ждала Анна, не от него. Сколько слёз она тогда пролила! Но ведь это было правдой...

– Делай аборт! – твердил он. – Не нужен мне никакой ребёнок! Делай аборт!

– Как ты смеешь говорить мне это? – дрожа от волнения, отвечала она и уходила на улицу, чтобы успокоиться.

И этот человек, по вине которого у неё долгое время не было детей, всерьёз полагает, что может управлять её жизнью? Он считается её мужем, но разве он имеет право решать, быть ей матерью или смириться с его бесплодием?

Она гуляла в одиночестве, а устав, садилась на скамейку и смотрела на играющих во дворе малышей. Ребёнок робко шевелился в животе, словно переживая за мать и опасаясь за свою будущую жизнь. Анна шёпотом разговаривала с ним, положив руку на живот, и ребёнок затихал.

Увидев крохотную новорождённую девочку, муж смирился, привык к новому человеку в доме и всерьёз стал считать себя отцом. Верил он в это или нет – в

любом случае ему так было удобнее: теперь уже никто не станет задавать надоевших вопросов о потомстве. На том и успокоились.

Анна назвала дочку Валерией, что значит «здоровая», чтобы это имя защитило её от болезней. Девочка росла слабой и худенькой, вскоре врачи нашли у неё шум в сердце, а плохой аппетит долго доставлял матери немало забот. Видимо, её переживания во время беременности сказались на ребёнке.

Анна дрожала над дочерью как над главной ценностью своей не слишком удачной жизни. Только бы сохранить, только бы вырастить!

Однако со временем всё как-то образовалось, и девочка переросла свои детские проблемы. Сейчас никто бы не подумал, глядя на эту крепкую, несколько полноватую молодую женщину, что в полтора года она весила всего десять килограммов.

Однажды Анна увидела на улице Александра. В то время она жила на другом конце города, и они уже не могли случайно встретиться на улице или в магазине, как изредка бывало раньше. Но работала она в самом центре, и это удивительно, что в небольшом городе они не столкнулись ни разу. Прошло уже десять лет после их тайного романа, и чувства к нему давно остыли, но всё-таки она помнила его и сразу узнала, и почувствовала что-то, похожее на лёгкий толчок в грудь...

Нет, это была не радость, не удивление, не смущение – и всё-таки что-то осязаемое, даже для такой взрослой женщины. Можно было поздороваться с ним, остановиться и поговорить. Неужели ему не о чем её расспросить? Он ведь помнит о своей дочери, он видел её, брал на руки, целовал. Правда, ничего не обещал, но Анна и не надеялась понапрасну.

Александр был не один. С ним рядом шла молодая женщина, и вряд ли это его жена или дочь. По возрасту – ни та, ни другая. Но дело не в том, что он нашёл новую женщину – может, для него это в порядке вещей, да и какое Анне дело до его личной жизни! И всё же он мог бы поздороваться с ней, они ведь не чужие люди! Но он лишь скользнул по ней взглядом и сделал вид, что не узнал. Ну что ж, может, это и к лучшему.

С мужем Анна так и не развелась, хотя после рождения дочери он стал для неё совершенно чужим – чем-то вроде неизбежного дальнего родственника. Спать с человеком, вызывавшим у неё неприязнь, она отказывалась, тем более что хорошо помнила его скандалы, когда она была беременной.

Впрочем, он особо не настаивал на исполнении супружеского долга, чувствуя явное отчуждение жены, а может, алкоголь и курение повлияли на него таким образом, что он не нуждался в женщинах. Даже если он находил их на стороне – Анне это было безразлично. Уведут – приведут. А если и нет – невелика потеря.

А в остальном всё было по-прежнему: она вела хозяйство, он приносил зарплату. Оказалось, что можно жить и так. А впрочем, много ли мы знаем о том, как существуют другие несчастливые семьи?

Они до сих пор живут в одной квартире, построенной с большим трудом, поэтому никто не хочет из неё уходить. Муж давно пьёт в одиночку. Он потомственный алкоголик, а лечиться никогда не хотел. По пьянке сломал ногу, срослась плохо, теперь он ходит с палочкой и уже не работает. Один он пропал бы, а в семье, рядом с хозяйственной женщиной, ещё поживёт.

Дочь выросла, не зная, кто её настоящий отец, поступила в университет, вышла замуж и родила девочку. Молодая семья живёт вместе с Анной, благо квартира просторная, четырёхкомнатная. Зять – спокойный, добродушный парень – не обращает внимания на пьяную болтовню тестя-инвалида, но и не потакает ему.

Тот юноша, в которого в юности была влюблена Анна, стал священником. Отец Леонид живёт в другом городе и служит в большом новом храме. Женат, трое детей, все уже взрослые.

Анна стала хорошей матерью. А могла бы стать хорошей матушкой...

Вероника РОМАНОВСКАЯ, современная русская писательница

Сергей САВЧЕНКОВ**НЕ ПРОСТИЛ**

Сегодня Аркадий Афанасьевич чувствовал себя гораздо лучше: не ломило поясницу, почти в норме было давление, не беспокоила печень. Поэтому он решил навестить Ирочку, которая уже несколько раз упрекнула по телефону его в том, что он её совершенно забыл и не любит. Она даже всплакнула. Аркадий Афанасьевич оправдывался своей занятостью на работе, ремонтом машины, неотложными домашними делами. Признаться Ирочке в том, что для любовных утех у него уже нет здоровья (всё-таки шестьдесят два года), Аркадию Афанасьевичу мешало мужское самолюбие. Он продолжал разыгрывать из себя молодого, здорового жеребца и постукивал копытами. Хотя последний год, выходя от Ирочки и садясь в машину, со вздохом отмечал, что на самом деле он старый, больной мерин и еле волочит ноги. Ирочка была его давней любовницей и была моложе Аркадия Афанасьевича почти на тридцать лет.

Купив в магазине букет роз, торт и шоколадку, Аркадий Афанасьевич поехал к Ирочке. Оставив машину во дворе, Аркадий Афанасьевич зашел в подъезд, поднялся на лифте до пятого этажа и открыл ключом дверь – своим неожиданным появлением он хотел сделать Ирочке приятный сюрприз.

Уже в прихожей Аркадий Афанасьевич почувствовал, что в квартире накурено, хотя Ирочка не курила. В прихожей на крючке висела мужская спортивная куртка, стояли мужские кроссовки примерно сорок четвёртого размера, а его тапочек не было.

- Ой, Аркашенька! – растерянно воскликнула Ирочка, появляясь топлес из кухни и плотно закрывая за собой дверь. – Почему не предупредил? Я хотя бы себя в порядок привела, - сказала она обиженно. - Сейчас я халатик накину. А ты пока раздевайся и проходи в ванну, помой тщательно с мылом руки – сам знаешь, коронавирус. Тщательно помой.

Аркадий Афанасьевич был не настолько глуп, чтобы не понять, что за то время, пока он будет тщательно мыть руки с мылом, кое-кто успеет покинуть квартиру.

- Кто у тебя?! – грозно спросил он Ирочку. – Слесарь, электрик? А ты ему в таком виде подавала инструмент?

- Аркашенька, я тебе сейчас всё объясню! - начала оправдываться Ирочка, хотя сама ещё толком не могла сообразить, что ей можно сказать в своё оправдание.

- Не надо мне ничего объяснять! – сказал Аркадий Афанасьевич и положил гостинцы с букетом роз на тумбочку, что стояла в прихожей. – Цветы можешь выбросить, а с тортиком и шоколадкой попейте чаю. Прощай!

- Аркашенька! – взмолилась Ирочка. – Я тебе позвоню и всё объясню!

- Не надо мне ничего объяснять и не звони! И так всё ясно! Прощай!

Аркадий Афанасьевич громко хлопнул дверью, спустился на лифте и, выйдя из подъезда, направился к машине.

Сев в машину, он перекрестился, облегчённо вздохнул и сказал:

- Слава тебе Господи, что так всё хорошо закончилось! С честью вышел. А то бы рано или поздно увезли меня от Ирочки на скорой в реанимацию.

Он включил лёгкую музыку и не спеша выехал со двора.

Ирочка ещё несколько раз звонила ему по телефону и просила прощения. Но Аркадий Афанасьевич был неумолим.

Савченков Сергей Михайлович, современный русский писатель

Родился в 1956 году.

Родом из Забайкалья, но вот уже тридцать последних лет живу в городе Ангарске, что недалеко от Байкала.

Когда-то печатался в «Нескучной газете» (Ставрополь), журнале «Вокруг смеха» (Санкт-Петербург), «Литературной газете» (Москва).

Теперь, в основном, электронные СМИ и книги (юмор, фантастика, просто рассказы).

Татьяна СКВОРЦОВА

А-МЕ-РИ-КА-НЕЦ¹

- Свет, а какой он?
- Высокий.
- Ну, я же маленькая?
- Какая тебе разница, он а – ме – ри – ка – нец и этим всё сказано.
- А если я ему не понравлюсь?
- Побежали, автобус.., понравишься, он вообще обезьяна.
- Обезьяна?!
- Ты сколько лет пишешь туда? Сколько денег спуляла в неизвестность? А это шанс, хоть один к миллиону, но шанс.., и может единственный.

Мы едем в автобусе, я волнуюсь: а вдруг свою судьбу сейчас увижу, а вдруг этот американец и посмотрит на меня? Если бы Светка вчера это сказала, да я бы хоть кудри завела на семе льна. Светка – моя подруга, она переводчица и её сейчас на пару дней наняли переводить целыми днями этому американцу – писателю, он хочет книгу о Киргизии написать.

- Ты точно знаешь, что он холостой?
- Да, сам сказал, даже попросил познакомить с кем – ни будь.
- И ты выбрала меня?
- А кого же? Больше никто в такое счастье пока не верит.

¹) Орфография и пунктуация сохранены по требованию автора.

- Он у одной журналистки в Алма-Ате жил, тоже одинокой, несколько дней, так ей надоел.

- Что, замуж предлагал?

- Нет, трахаться, а замуж не предложил.

Со страха и волнения я даже не видела и не заметила, куда Светка меня привела. Опомнилась уже возле какой – то синем покрашенной двери.

- Подожди, я боюсь. Света, у меня даже ноги ослабли, Света, я боюсь. Давай, я пойду
домой?

- Иди, но так ты никогда замуж не выйдешь, я имею в виду - за иностранца.

Она меня буквально втокнула с этими словами в дверь. Это малосемейное общежитие, где живут молодые семейные журналисты. Одна комната и перегороджена цветастой занавеской. Светка подошла к занавеске и что-то по-английски спросила.

Оттуда ответил мужской голос. Светка отдернула занавеску. Я чуть в обморок не упала: передо мной сидел на раскладушке бич, лохматый в выцветшей, изношенной одежде бездомный бич. В ногах у него лежал огромный такой же непонятного цвета рюкзак. Я не могла шевелиться, не помню, то ли оттого, что он такой лохматый с лоснящими по плечам волосами, то ли потому, что передо мной сидел настоящий а – ме – ри – ка – нец. Светка нас представила. Он повёл себя так, как-будто ему никто и никого не представлял, как-будто перед ним никто не стоял. Столько в нём было равнодушия. В дверь вошли двое парней и одна девушка киргизы, девушка громко сказала, увидев Луиса:

- Эта вонючка ещё здесь? Свет, ну когда ты его уведёшь отсюда? Как он надоел, а ест
прорву!

- Сейчас уйдём, Сатар, ты с нами?

- Нет, я подойду. Вы сразу в музей?

- Да, но его сначала покормить надо.

Девушка возмутилась:

- Нет уж..., пусть хоть травку в ограде ест, с меня хватит!

- Свет, он что, на еду не даёт?

- Даёт, как в ресторане, перед отъездом рассчитывается.

Луис сидел и смотрел отрешенно, он ничего не понимал. Бедный, о нём так говорят, как плохо не знать языка. Если я окажусь в другой стране, неужели и обо мне так будут при мне, а я, как баран буду глазами моргать.

Мы шли к остановке, Луис шёл рядом и так, как он ничего не понимал, мы спокойно говорили о нём:

- Конечно, Таня, я понимаю твоё состояние, но если его уже там, в Америке отмыть, подстричь...

- Помыть?! Если он в деловой командировке такой, что ожидать дома? А может я ему и не понравилась? Светка, я чувствую, что он ко мне безразличен.

- Он американец, и всё, а на остальное не смотри. Тебе что, он нужен? Нет? Америка тебе нужна, А – ме – ри – ка. Короче так, сейчас я его спрошу о планах на сегодня, сейчас в музей с ним едем, там ещё люди будут.

Светка начала разговаривать с Луисом, я стояла рядом, но ничего не понимала. Почему, почему наш именно класс учил немецкий, я бы сейчас их понимала? Как я буду с ним разговаривать, если ко мне захочет? Господи, хоть бы не захотел, я его боюсь.

- В три мы будем у тебя, приготовь там что поесть.

- Ладно, сейчас побегу, деньги с книжки сниму, на базар забегу, потом уберусь, к трём успею.

Пришли они в три ровно, я ещё не успела приготовить, Светка встала возле меня лепить пельмени, а Луис развалился безучастно в кресле в комнате. Он позвал Светку, что – то ей сказал. Она вернулась на кухню:

- Тань, можно он пока ждёт, полежит на диване, устал?

Я пошла в комнату и хотела жестами ему предложить лечь. Луис уже лежал на диване и, причём в своих огромных пыльных ботинках. Я влетела на кухню:

- Ты, ты ему лечь разрешила? Он в ботинках завалился!

Мы говорили довольно громко, всё равно ничего не понимает.

- Вот сволочь, я не разрешала, может у них такая культура?

- А почему у него фамилия Школьник, это же наша фамилия? Может он нас понимает?

- Нет, не понимает, точно не понимает, у него дед или прадед был русским, а этот тогда бы меня не нанимал. Зачем нанимать меня, если сам понимает?

Позвали на кухню Луиса. Когда он шёл через коридор, я его попросила выкрутить перегоревшую лампочку и вкрутить новую, он рванул за провод и оторвал вместе с лампочкой. Подал лампочку с проводом мне. Я её взяла и неся перед собой, пошла на кухню возмущаясь, он за мной.

- Козёл, дурак, debil, смотри, что он наделал?

- А может они у них там на магнитиках, или не на шнурах?

- Он самый что ни на есть debil!

Я повернулась к нему:

- Ты – debil, понял? Как он вообще сюда попал, Света, что эта какашка вообще здесь делает?

У Луиса было совершенно равнодушное лицо, он меня не понимал.

- Это что, ты знаешь, что он вчера на конференции выкинул? Там были журналисты из всех газет, сидел за столиком, все вокруг сидят, и вдруг разулся, и ноги со своими вонючими носками на этот столик ложит, и развалился, как на кровати.
- Вот тебе и Америка, вот и культура. Может и вправду о них коммунисты не ввали, лазают там по помойкам? Как он ко мне согласился идти, что сказал?
- Сказал: веди куда хочешь, устал и есть хочу.
- А в фильмах ничего Америка. Это фильмы, может они только мечтают так жить, как в фильмах, декорацию показывают нам?
- Тань, ты вообще фильмы Американские видела?

Луис всё съел, отодвинул тарелку и ушёл молча в комнату.

- Да, но только видики по кабельному, там такое качество, еле людей видно. А выражаются, кроме слова «жопа» ничего не знают. У них там такие жаргоны слушать тошно.
- Я тоже не видела, занята, даже кабельное некогда смотреть, зато Толик мой вечера не дожждётся. Луису предлагали мужиков переводчиков, а он попросил женщину, как ты думаешь, почему?
- Не знаю.
- А я знаю: он надеялся, что женщина его с подругой познакомит. Вот я тебя с ним и познакомила.

Светка собралась уходить.

- Ты куда?
- Домой.
- Как домой, а его?
- Он у тебя остаётся.
- Что – о – о? Эта вонючка у меня?
- Отмоешь.
- Что – о – о? Эту вонючку ещё и отмывать? Забирай! Уводи его!
- Таня, он – американец, а – ме – ри – ка – нец. А это ша – а – а – нс, понимаешь, шанс!

Луис стоял рядом и безучастно ждал приговора, которого он всё равно не понимал. Остался, всё же шанс, потом ещё жалеть буду? Я побежала к Курбатовым забрать домой Сашку, это рядом, я с ними заранее договорилась, чтоб подержали у себя до вечера. Саша, это мой четырёхлетний сын, а Курбатовы, это сослуживцы моего бывшего мужа и живут они в соседнем доме, там же где и Светка, в военном городке.

Луис увидел Сашу, на него посмотрел так, как –будто я завела в квартиру живого крокодила. Он налетел на меня и стал что – то непонятно спрашивать, потом жестами пытался объяснить. Он спрашивал: кто этот ребёнок и где он будет

спать? Я как могла, объяснила, что сын мой будет спать на диване, я в одном кресле, а он в другом. Он всё понял, я раздвигала кресла. Он пытался меня остановить и объяснял, что я с Луисом будем спать на диване, а Сашку я вообще уведу. Саша сидел на диване и смотрел на нас с удивлением. Он никогда не видел у нас мужчину дома и чтоб ещё этот мужчина так возмутился.

- Но, по, по...!!!

Кричала я.

- Yes, yes, yes...!!!

Кричал Луис. Потом он резко повернулся и ушел, хлопнув дверью, громко ругаясь по-английски в подъезде. Света через пол часа позвонила:

- Что произошло? Почему он так в трубку кричал, ты его выгнала?

- Да, он хотел спать со мной.

- Таня, ну ты же взрослый человек.

- Да, но не шлюха. Как он сам обо мне подумает, что он сам подумает обо мне, если только увидела и легла, что?!

- Не знаю, может ты и права, но он так ругался...

- Переживёт. Он нормально доехал?

- Говорит, что целый автобус пустой до отеля довёз. Тормознул, а водитель, как смекнул, что иностранец, так и денег не взял, и до самого отеля довёз. Вот он и возмущается: одни автобус через весь город гонят пустой за спасибо, а другие в постель не пускают.

Утром Светка ко мне позвонила и сказала, что Луис настаивает со мной встретиться.

- Что ему надо? Решил морду набить?

- Нет, он уже успокоился, наверно хочет извиниться. Ну, мы приедем на машине, тут нас один журналист весь день будет катать, а завтра Луис улетает.

- Приезжайте, пусть извинится, а то мучиться будет всю жизнь.

Луис зашёл один, остальные остались в машине. Он прошёл на кухню молча, сел на табуретку, достал листок и написал на нём свой адрес: какой – то БОКС с номером.

Я сидела напротив, на другой табуретке. Луис протянул мне листок и чисто по-русски сказал:

- Напиши мне.

- Ты.., ты можешь.., зачем ты скрывал?

- Чтоб лучше узнать всех вас.

- И узнал? Что ты узнал, какие плохие?

- Нет, какие хорошие. Я тебе не нравлюсь, я это знаю, но ты мне напиши. Я тебе дам там рекламу, и ты найдёшь себе американца, и уедешь в Америку.

- Луис, ты, правда, писатель? И почему ты такой не ухоженный?

- Я довольно известный писатель. А неухоженный.., представь, что ты дома почти год не была, вот только с этим рюкзачком через весь мир мотаешься, материал для книги собираешь? Вот тебе деньги: купи себе лампочку, шнур, пригласи электрика и на остальные купи сладостей Саньке. И ещё.., не говори Свете, что я говорю по-русски? Я её нанял, чтоб женщина немного денег подзаработала, да и приятно, когда женщина сопровождает всюду. Ты напишешь мне?

- Напишу.

- Мне напишешь, или для рекламы?

- Не знаю.

- Но я ведь тоже а – ме – ри – ка – нец?

Луис резко встал и пошёл к выходу. Я впервые увидела не тупое лицо какого – то забулдыги, а интеллигентного человека, даже можно сказать, симпатичного. И вовсе он был не вонючий и грязный, а изношенный, год дома не быть.

Он уехал. Я вечером же Светке сказала, что Луис прекрасно говорит по-русски, но Света мне не поверила. А Луису я не написала, как – то неудобно было писать, после таких слов, как: козёл, вонючка, дурак, дебил, кашка и хорошо, что не написала, если судьба, то судьба: мой будущий муж действительно жил в то время в Америке и там же, где Луис, в Нью – Йорке, но его я нашла не через Луиса.

Татьяна Скворцова, современная русская писательница

Проживает в Германии.

Ирина СОЛЯНАЯ

СТАРУШКА-ВЕСЕЛУШКА

Вихрова пребывала в благостном настроении, что случалось крайне редко. Перед отпуском ей удалось распахнуть все суды «на потом», то есть перенести судебные заседания на другие даты, ведь вся семья собиралась в отпуск. «Эскейп из родных мест», — как любила называть его Вихрова. Но ее мечты прервал телефонный звонок.

— Адвокатская контора. Вихрова слушает, - недовольным голосом сообщила невидимому собеседнику Валя.

— Привет, Валюша! Помоги мне, пожалуйста, — дружелюбно попросила соседка, — моя домработница влипла в историю.

— Привет, Марина. Тебя наконец-то обокрали? — ехидно поинтересовалась Вихрова.

— Рано радуешься, язва! — засмеялась Марина. — Нет, тут другое дело. В общем, прими ее, она завтра придет к тебе.

— Нет, Марина, никак не могу, я уезжаю в Железноводск. — радостно сообщила Вихрова.

— А что же нам де-е-елать? - разочарованно протянула Марина.

— Нет, блин, мне в отпуск теперь не ехать, по-твоему! — рассердилась Валя.

— Что ты, что ты! — зашепила Марина. — Езжай, мы подождем. Но тут уголовное дело. — В голосе Марины слышалась надежда, а вдруг Валя отложит свой отдых.

— О, это песня долгая, пождет до моего возвращения, — с сарказмом в голосе сообщила Валя и повесила трубку.

Уголовное дело не дождало приезда адвоката, и пока Валя была в отпуске, провели целых два судебных заседания у мирового судьи. Ах, эти дела частного обвинения! Такие дела Валя не любила. Без прокурора, без дознания... Потерпевшая сторона вела дело самостоятельно, представляя доказательства вины противной стороны. Тягомотина, а не процесс: бесконечная череда

«незаинтересованных свидетелей», эксперты, участковые... Потерпевшие гордо демонстрировали свои синяки и ссадины. Боролись обычно с супружеской неверностью, пьянством и ... за межевые знаки.

Судьи выглядели жестокими и бесчувственными, они с легкостью выносили обвинительные приговоры обоим сторонам, если те не хотели мириться. Итогом таких дел было два приговора, где оба драчуна получали штрафы.

Дело знакомой домработницы было типичным. Престарелая потерпевшая Мыскова обвиняла молодую соседку Лебедеву в жестоком нападении. Они воевали за межу.

Первым делом Вихрова встретила с Лебедевой. Алла Дмитриевна Лебедева оказалась весьма привлекательной, медлительной и томной особой. Представить ее с палкой в руке, скачущей возле соседского забора, да еще наносящей удары ветерану труда Мысковой было трудно.

— Как старушка может так бессовестно лгать? — качала головой Лебедева.

— Откуда же у нее три царапины на плече? — ответила вопросом на вопрос Вихрова, заполняя бланк договора с новым клиентом.

Лебедева протяжно вздохнула.

Вихрова направилась читать материалы дела.

Застать в послеобеденное время мирового судью Калинина было очень сложно. Магазин продовольственных товаров, который принадлежал его жене, отнимал уйму времени. Да вот летом еще пасека не давала спокойно жить. Опять же, юбилеи, дни рождения, крестины, похороны, поминки и прочие праздники. Как везде успеть? Приходилось отодвигать нудную работу, поэтому дела то у Калинина рассматривались месяцами. Правда, на судью никто не жаловался. Жители справедливо считали: сам живешь, дай и другим пожить.

Бойкая секретарь Надя Мухина, пользуясь отсутствием судьи, торопливо рассказывала адвокату «по секрету»:

— Представляете, Валентина Александровна, потерпевшей восемьдесят два года, а она в суд пешком чешет через весь город. Щечки блестят как яблочки румяные. Старушка-веселушка!

— Дай нам Бог такого могучего здоровья и неуемной жажды жизни, — усмехнулась Вихрова, листая дело.

— Лебедеву прямо жалко! Не верю я, что она бабуся избила. Интеллигентная такая тетечка. — доверительно сообщила Надя.

Вихрова предпочла помолчать, потому что в адвокатской жизни своей встречалась с разными случаями и привыкла на внешность людей не полагаться.

Через неделю рассмотрение дела с непримиримыми сторонами продолжилось, но уже с участием свидетелей. Одного из них — Смирнова Юру — Вихрова знала давно. Он работал геодезистом в межевой организации ООО «Координация».

Вихрова в глаза и за глаза называла ее ООО «Комбинация». Моисеенко - руководителя этой организации такие шутки сильно раздражали и он неоднократно заявлял Вихровой, что будет с ней судиться, так как такие неуместные, а главное — несмешные шутки порочат деловую репутацию фирмы.

— Я буду взыскивать с Вас моральный вред! — грозился Моисеенко.

— Игорь Петрович! Вред не может быть моральным. Вред — аморален! — поправляла его Вихрова, чем заводила Моисеенко в тупик.

Несмотря на нелюбовь Вихровой к ООО «Комбинация», она испытывала симпатию к шустрому Юре Смирнову. Вихрова в коридоре здания суда отозвала его в сторону и спросила, понизив голос: «Видел, как Лебедева бабку била?» Юра Смирнов, изображая неразоблаченного шпиона, отрицательно помотал головой. Тут к ним неожиданно с воплями: «Сговариваются, гады!» подскочила рьяная бабуся. Она стала размахивать кулачками перед носом Вихровой и угрожающим голосом визгливо кричать: «Я все судье расскажу, как вы шушукались!» Вихрова измерила ее надменным взглядом и процедила: «Если будете так вопить, я пристава приглашу и на вас протокол составят». Бабка немедленно утихла и отошла, но продолжала бормотать что-то негодующее себе под нос. Секретарь пригласила участников процесса в зал заседаний.

Мировой судья Калинин был испитой и худощавый мужчина. В его ментовском прошлом неясным пятном было высшее юридическое образование, приведшего его в кресло вершителя правосудия. Судебный процесс он вел по наитию, приговоры выносил по внутреннему убеждению. Внешне он напоминал индюка, как своей важной внешностью, так и гнусавым, размеренным тоном речи.

— Ой, товарищ судья, что тут рассказывать! Кинулась на меня энта Лебедева, как какая-то зверюга. Прямо палкой мне машет вот так перед носом, — бабка для убедительности помотала кулаком перед носом. — Думала я, что она меня жизни лишит, змея! Я как упаду, как упаду, прямо всю ногу об колоду расшибла. Дак, я уж все рассказала на прошлом заседании.

— Откуда у вас ссадины на плече, если вы ногу расшибли? — уточнил судья.

— Дак, как же! Энта вражина махала палкой и как долбанула меня! Вот и царапины.

— Сядьте, не кричите, — поморщился Калинин и обратился к Лебедевой: — Вину признаете? Мириться не собираетесь?

— Нет, — томно произнесла Лебедева, моргая длинными ресницами, — я соседку и пальцем не трогала, только подтвердить это я никак не могу. Нет у меня очевидцев.

— Надя, зови свидетелей, по одному, — судья придвинул к себе клавиатуру и начал что-то настукивать.

«Болванку приговора пишет», - с неудовольствием подумала Вихрова.

Первой вызвали соседку Колесникову, толстая тетка, руки и ноги которой покрывали синие вздувшиеся вены, с пытением вытирала ладонями пот с лица, а затем теми же ладонями терла свои бока в засаленном трикотажном платье.

— Ваша честь! Мыскова — всю жизнь проработала почтальоном, женщина она порядочная. Трех детей в люди вывела. Сын, правда, у нее, неудачный, судимый-пересудимый сто раз.

— Ближе к делу, — прервал ее судья. — Что вам известно о событиях двадцатого июня этого года.

— А ничего мне особо не известно, — огорошила присутствующих Колесникова.— Мыскова ко мне прибежала вечером, плачет, что Лебедева ее побил палкой. Вроде как Лебедева перегнулась через забор и палкой сильно махала, хотела по голове Мысковой попасть. Но Мыскова угнулась. Рукой загородилась, вот руку-то ей и повредила Лебедева.

—Царапины вы видели? — поинтересовалась Вихрова.

—Да ничего я не видела, я еле Мыскову успокоила. Накапала ей корвалолу, у нее сердце слабое, — жалостливо пояснила свидетель. — Конечно, с такими гадюками рядом жить...

В зал пригласили свидетеля Губарева, фельдшера на «Скорой помощи». Никаких побоев у бабушки он не нашел и в больницу ее не отвез. Мыскова неожиданно окрысилась.

— Вот, медики, гляньте на них! Помирать будешь, а им все равно. Вишь морды какие нажрали на взятках! За каждый укол по пятьдесят рублей берут. А в хате натопчут! Никогда бачулы не сымают. Прут прям в красную хату. А потом мой полы за йими, а то не знаешь, у каких туберкулезников они были...

Судья призвал ее к порядку, она села, поправляя складочки на юбке.

В зал наконец пригласили Смирнова, он был частым участником в межевых спорах, но до уголовных дел не доходило.

— Я работаю в ООО «Координация». Двадцатого июня я с напарником Мишей Козловым пришел межевать участок Мысковой по адресу Кирова семнадцать. Поставили аппаратуру, пошли звать соседку Лебедеву, чтобы уточнить, где будет проходить граница. Мы в дом к ней не достучались, а в окно видно — телевизор работает. Короче, Лебедева согласовывать границу не пришла. Стали мы в машину аппаратуру укладывать, слышим — крик. Голосит Мыскова, я сразу понял. Кричит: «Убивают!» Мы с Козловым кинулись назад. Смотрим, лежит бабка на земле и вопит, что есть силы. Миша у нее спрашивает, что случилось, а она ему: «Лебедева убивает». И охает бабка так натурально! Я оглянулся вокруг, а никакой Лебедевой и нет, — Юра развел руками.

— Где же Лебедева обнаружилась? — задала вопрос адвокат.

— Да нигде, мы постояли-постояли, помогли Мысковой подняться, усадили на скамейку. Мыскова сказала, что Лебедева ударила ее палкой через забор. Я очень удивился, потому что забор у них высотой около трех метров. Этакая Великая Китайская стена. Думаю: какого же роста эта Лебедева? Дядя Степа что ли?

— Ваша честь, — обратилась Вихрова к задумавшемуся судье, — могу я задать вопрос потерпевшей?

— Разумеется.

— Поясните, а вы видели, что именно Лебедева ударила вас?

Мыскова поджала губы, выпятив вперед подбородок. Ее морщинистое лицо выражало крайнее недовольство. Пожевав губами, она сказала:

— Конечно, Лебедева, кто ж еще. Может, хахаль её какой помогал.

— Вы лицо или фигуру Лебедевой видели? — теряя терпение, спросил судья.

— Нет, не видела, — наклонившись вперед для пущей убедительности, прошамкала старушенция и торжественно села на место. — Хватит тут! Я буду на пересуд подавать. Все тут куплено-закуплено.

— Мыскова! — строго сказал судья, — Я делаю вам замечание. Не допускаются в суде неуважительные высказывания в адрес судьи и участников процесса.

Свидетелей отпустили. Судья сидел в раздумье. По его лицу Вихрова видела, как ему не хотелось выносить оправдательный приговор!

— Ваша честь! — у меня имеется ходатайство о вызове и допросе свидетеля Козлова Михаила Андреевича — геодезиста ООО «Координация». Он также как и Смирнов являлся непосредственным очевидцем происшедшего.

— Тады и уличкомшу нашу надо вызвать — Захаренко Александру Петровну, — взвилась с места потерпевшая. — Меня вся улица знает, я женщина порядочная! А Лебедева от мужа гуляла, и он ее бросил! И кады водопровод проводили она канаву рыть не ходила.

— Что может показать суду Захаренко А.П.? — спросил судья, сверкнув очками в сторону Мысковой.

— Чаво показать? А таво показать, какие у меня раны были, и как Лебедева хвалилась ей, что никто ее не посадит, что она с адвокатом всех позакупила и судей, и прокуроров.

Судья, скрипнув недовольно стулом, постановил отложить слушание по делу. На выходе из здания Мыскова вцепилась в рукав Вихровой и стала кричать:

— Земелька моя во дворе — кровная! Я губернатору! У меня племянник в милиции работает!

— В передачу «Человек и закон» напишите, а еще лучше — в «Спортлото»!

В среду утром Вихрова возле кабинета судьи Калинан встретила потерпевшую уже в сопровождении адвоката Богданова. «В ход пошла тяжелая артиллерия», — подумала Вихрова.

— Как настроеньице, Валентина Не-знаю-как-вас-по-батюшке? — ерничала старушка.

Вихрова смерила ее спокойным взглядом и ничего не ответила.

— Гребуете с бабушкой пообщаться?

Богданов стоял рядом, кривя губы в неприятной улыбке, но свою клиентку не останавливал. Валентина Александровна знала, что на таких старушек-веселушек действует только молчание собеседника.

— Всё! Я тоже аблаката наняла. Лебедевой подарочек, — крутя шей дразнилась бабуля, завидев оппонентку в конце коридора.

Украдкой сморкаясь и шмыгая носом, вытирая покрасневшие глаза, Лебедева подошла к своему адвокату.

— Ну, что у нас сегодня? - спросила она тихим голосом.

— Успокойтесь, Алла Дмитриевна, - заверила ее Вихрова. - Думаю, что сегодня будет вынесен приговор.

— А какой приговор? - тихо спросила Лебедева.

Вихровой очень хотелось сказать, что если бы она знала приговоры наперед, то летала бы на личном самолете и жила бы в Майми, но Богданов ее опередил:

— Знал бы прикуп, жил бы в Сочи.

Процесс начался. Миша Козлов в целом повторял рассказ своего коллеги Смирнова. Это было скучно, и Вихрова решила позабавиться.

— Поясните, уважаемый свидетель, давно ли вы знаете потерпевшую Мыскову, как можете ее охарактеризовать.

— Я протестую, Ваша честь, — вскочил Богданов, — этот вопрос не относится к делу. В уголовном деле изучается личность подсудимого, а не потерпевшего.

— Обоснуйте вопрос о личности потерпевшего, — обратился судья к Вихровой.

— Вопрос мной задан не праздный. В материалах дела имеется иск о возмещении морального вреда на сумму пятьсот тысяч рублей. Степень нравственных и физических страданий зависит напрямую от личности потерпевшей стороны, от ее качеств и субъективного восприятия ситуации.

— Свидетель, отвечайте, — распорядился судья.

— Мыскову Дарью Филипповну я знаю три года. Она дважды обращалась в нашу межевую организацию с заявлением о проведении межевания. В первый раз она обратилась к нам, но отказалась оплатить услуги. Я произвел геосъемку местности, показал, где сохранились межевые знаки. Мыскова оказалась недовольна и отказалась платить. Во второй раз мы взяли с нее предоплату, но и тут Мыскова поскандалила, отказалась подписать согласование границы. Мыскова подавала на нас несколько жалоб, что якобы мы ее землю приписали соседям, в том числе и Лебедевой. В общем, проблемный клиент. Один раз пришла в контору к нам и демонстративно упала в обморок в кабинете Моисеенко. Игорь Тимофеевич вызвал «скорую помощь», но Мыскова быстро пришла в себя и ушла домой еще до приезда «скорой помощи».

Этого возмутительного по своей безжалостности заявления об инсценировке обморока Мыскова стерпеть не могла. Она немедленно вскочила и, потрясая кулачками, завизжала:

— Ах ты, брехун проклятый! У меня сердце больное, я еле хожу. Это вам каждый подтвердит. Я чуть что — в обморок падаю! Могу и теперича упасть! Я и тебя, и вашего Моисеенко косоглазого засужу. Вы у меня узнаете, как честных людей обманывать.

Судья призвал к порядку Мыскову и допрос свидетеля продолжился. Теперь цель Вихровой была достигнута. Бабуля окончательно превратилась из «Старушки-веселушки» в Бабу-Ягу.

— Поясните суду, знаете ли вы подсудимую?

— Лебедеву я знаю давно. Она работала в детском саду воспитателем, куда я водил свою дочь. Я знаю, что она очень тихая и спокойная. Больше ничего о ней сказать не могу.

— А двадцатого июня видели ее?

— Я со вторым геодезистом заходил в ее двор и стучал в дверь дома, а потом и в окно. Но нам никто не открыл.

После допроса Козлова судья кратко и не по существу допросил свидетеля - уличкома Захаренко, которая опоздала к началу процесса. Перед судом предстала такая же старушка-веселушка, сухонькая, полная жизни, с горящими глазами. Казалось, она схватит красный стяг и начнет скандировать: «Слава Ильичу». Уличком ничего толком пояснить не могла,

но утверждала, что что Мыскова — женщина честная и порядочная, вся рука у нее в ссадинах была из-за вероломного нападения Лебедевой. Правда, сама свидетель ничего не видела.

— А кто ж мог еще злоумыслить и учинить? — допытывалась Захаренко. — Только Лебедева! Конечно, Калибердин еще с Мысковой не ладил, но Калибердин не мог напасть на Мыскову, потому что он — инвалид, на инвалидной коляске ездит. Он ноги по пьянке отморозил.

Вихрова видела, что у Калинина уже от напряжения мозга вскипают. Надо, надо было заканчивать процесс. Вихрова, нарушая все мыслимые и немыслимые правила, заявила судье после допроса Захаренко:

— Ваша честь, наша сторона готова к прениям. Новых доказательств не имеем, ходатайств также не имеем.

Калинин попыхтел, раздумывая над предложением адвоката, и согласился.

— Я президенту напишу! — визжала в коридоре Мыскова после оглашения оправдательного приговора.

— Не отвлекайте руководителя государства от важных дел, — издевательски заявила ей Вихрова. — А вот мы напишем заявление о взыскании с вас судебных издержек.

— Как? Как? — закудаhtала Мыскова, бросаясь на остолбеневшую от неожиданной удачи Лебедеву.

— Вам адвокат расскажет! А затем ... — Вихрова сделала эффектную паузу, — мы взыщем компенсацию морального вреда, причиненного незаконным привлечением к уголовной ответственности.

Богданов отозвал Вихрову в сторону и начал ее уговаривать решить дело «как-нибудь так». Вихрова наотрез отказалась, цинично заявив, что у ветерана труда есть пенсия, из которой она и возместит всё затраченное ее клиентке — официально безработной Лебедевой.

СОЛЯНАЯ Ирина Владимировна, современная русская писательница

Кандидат юридических наук.

Победитель номинации «Проза» международной премии «Антоновка сорок плюс» первого сезона, 2019 г., финалист конкурса-фестиваля русской словесности «Во славу Бориса и Глеба» 2019 г., номинант премии года журнала «Сибирские огни» 2019 г., финалист фестиваля короткого рассказа «КоРА» г. Москва, 2020 г., победитель международного конкурса рассказа «Путевые заметки» издательство «Ляссе» 2020 г.

Публиковалась в «Авроре», «Южной звезде», «Литературной газете», «Сибирских огнях», «Молоко», «Русский Переплёт», «Юность», «Формаслов», «ЛитТЕРА», «Подъеме» в альманахах «45 параллель», «Неман», «Притяжение».

Сергей КЛЯУС

ПОДОРОЖНИКИ

Девушка, казалось, была безучастна к проносившимся мимо машинам и только ее поднятая рука просила проезжавших мимо водителей остановиться.

Санька бросил быстрый взгляд в зеркало заднего вида: никто не догоняет, можно тормозить спокойно. Приятелей тоже не видно - и это хорошо. Они хоть и надежные ребята, но Санька прекрасно помнил суровую тираду Игоря Николаевича: "Увижу у кого бабу в кабине, сразу переведу в слесаря. Но и там мастрячить долго не будете. Сейчас безработных шоферов и слесарюг - валом. Мне сифилитики в колонне не нужны".

Порядки на предприятии и так были строги, но с тех пор, как Николаич из замов перешел в начальники, закрутил гайки до предела. Понедельник - а с "факелом" никого, все как огурчики. Заместители при галстуках - прямо "новые русские". Зарботки, правда, тоже поднялись: Николаичев шурин - большой начальник в областном центре. Все заказы отдает родственнику. Колонна снова колесит по матушке-России, а самые везунчики, так те даже в дальнее зарубежье. Но таких мало. Совковые Камазы за "бугром" не жалуют, а "Вольво" и "Мерсов" на предприятии всего три, на них Николаичевы любимчики рулят.

Саньке достался Камаз. Хоть и не новый, но жаловаться грех: выхлоп нормальный, движок тянет, как зверь.

А девулька - ничего. Сразу видно - не "плечевая". Санька еще раз бросил взгляд в зеркало заднего вида - никого. Ладно, подвезу. Холостяку интересно поболтать с красивой девушкой. Мало ли как дальше судьба сложится. Может, она торопится к заболевшей матери или бабушке? А тут Санька со своим десятитонником. Это, конечно, не черная "Волга" и не вишневая "девятка", но машина тоже очень подходящая. На авторынке за такую пятнадцать тысяч "зелеными" дают. Николаич сказал - кто семь лет без поломок и аварий отработает - тому разрешу приватизировать. Ему верить можно: мужик - кремень. Санька свой Камаз после этого разве что не лизал. Автопоезд замигал правыми фонарями и не спеша остановился. Девушка садиться тоже не торопилась - внимательно оглядела кабину и удивленно вскинула брови: один? Один, один!.. Санькино сердце сладко екнуло: бывалые водители говорят, что иногда в дороге такие лапули попадаются - пальчики оближешь. Неужели?..

- Тебя как зовут?

- Люся...

- Чем платить будешь, Люся? - Санька игриво дернул бровью - хотел казаться разбитным.

- Раз уж сам посадил, один едешь, значит самому и решать, как мне с тобой расплачиваться. Только не здесь, посреди дороги. Я вообще-то местная, знаю тут один пруд. Недалеко отсюда, километров пять в сторону. Живописный пляж, народу - никого...

Санька чуть было руль не выронил. Ох, как здорово. С женщинами у него было, но так давно, вспомнить страшно... В армии. Послали на мясокомбинат бригаду увольняющихся - дембельский аккорд. И, конечно, в цех, где одни бабы. Те прямо зашлись в хохоте: какие же они помощники - теперь дела совсем встанут. Мастер сострил - ничего, как встанут, так и опадут.

У Саньки был друг - Андрей, парень шустрый, любитель слабого пола. Даже в части с женой одного офицера снюхался. А тут прямо озверел, говорит: Санька, мы будем в паре с двумя разведенками работать. Давай их попросим нам водочки взять. Предложим выпить, а пьяная баба, знаешь, себе не хозяйка. Так и вышло. Поселили их в общежитии этого комбината. Пришли женщины, и водку принесли, и мясо. Такой ужин сварганили - как вспомнить, так до сих пор слюнки текут.

Старший команды - капитан, тоже малый не промах, еще до ужина укатил на такси с двумя подружками, пригрозил дембиям: под собой сук не рубите. Проколите - вернут назад в часть, вся говеха закончится, снова зарядка и политзанятия. Домой, конечно, в последнюю очередь. Но дембия - народ бывалый. Все чики-чики, никаких проколов.

Андрюха, тот ушлый. Ему баба бойкая досталась. Сразу стала на колени садиться, целовать начала. Приговаривала: "Ух, какой сладенький, хорошенький..." Санькина подружка и моложе была, и какая-то робкая: когда стал в темноте с нее трусики стаскивать, начала хватать за руки, шептать - не надо, не надо... Плакала, но потом, во второй раз уже сама его завела.

На следующий день Санька шел на работу - земля горела под ногами. Еще бы - первый раз. Только подружки не оказалось на месте - позвонила мастеру, сказала, что взяла больничный. Напарница этому только обрадовалась: вечером притащила кусок мяса и водку на свои взяла. Разбудили Саньку среди ночи: Андрюха, хрипя в уши шальным смешком, сказал: "Иди, она теперь тебя ждет. Я уже больше не могу". Пробыло душу сладким ознобом, и, чувствуя, как поднимается естество, шагнул он к соседней койке, на которой белели разведенные женские ноги. Утром, на работе, она хохотнула, шлепнула его ниже живота: "А вы, ребята, ничего. Я с вами дружить буду".

И потекли у них с Андрюхой сладкие дни. Потом, через неделю, когда напарница появилась, вышла с больничного, уговорили и ее - тут уж Андрюха своей очереди дожидался.

Но следующим вечером напарница не пришла, а бойкая даже обрадовалась: опрастали ее, мальчики, и будет. Ишь, чистоплюйка какая. Так целый месяц и кувыркались вдвоем на одной подруге.

Санька бросил косой взгляд на попутчицу. Ничего, хороша, на проститутку не похожа. Вспомнил мясокомбинат. Ух, до чего же хочется. "Где поворот, говори, - еще раз бросил косой взгляд в зеркало. Напарников не видно. - Догоню. В крайнем случае, подождут. Трахну ее и оставлю. На таких жениться не обязательно. Увидят, что меня нет, остановятся, подождут". Люся кивнула головой и показала большим пальцем направо. - Здесь... А озеро вон в том лесу, - и она посмотрела на горизонт. Санька нажал на тормоз и, не включая указателей поворотов, свернул на проселок. Он не заметил, как из-за кустов выехали "Жигули" и двинулись вслед за ними с противоположной стороны насаждений.

* * *

Они не успели купить квас. Санька, тот его не любил. Сказал: "Ребята, вы стойте в очереди, а я потихоньку поехал. Спешить не буду, догоните". Петрович, самый старший, сурово посмотрел на молодого: "Нам же сказали колонной ехать". Санька пожал плечами и ответил: "Так мы колонной и идем. Но за квасом я стоять не хочу. Мне больше «Спрайт» по душе. Берите свой квас и догоняйте. Я торопиться не буду".

Без очереди лезть - не пройдет. Все - шофера, все хотят кваса. Хорошо, продавщица шустрая - шланг к соску пристроила, льет прямо в баклажки. У всех - стандартные, по полтора, по два литра. Очередь - как огонь. Пятнадцать минут - и все взяли.

Саньку догоняли не спеша. Его Камаз мелькал на горизонте, то исчезая в низинах, то проявляясь на возвышенностях. Никто не гнал - все берегли свои машины. Когда Санькин Камаз свернул направо, на неасфальтированный проселок, остановились. За каким чертом его туда понесло? Петрович сказал: "Едем следом. Догоним - вставим по самые колокольчики".

Когда увидели, что параллельно Камазу пылит "Жигуль", поняли - дело неладное, но товарища в беде бросать не стали. Одного послали в ближайшее село за милицией, а двое поехали догонять Саньку.

* * *

Он упирался. Из кабины его хотели вытащить без крови. Санька цеплялся за руль, его били по голове, плечам, рукам. Рассекли ухо, и кровь все-таки пошла. Боли Санька не чувствовал, понимал одно: вытащат из кабины, убьют. Он упирался, как мог. Наконец, главарю надоело. Он заорал: "Стой! Отойдите..." и щелкнул курками обреза. Санька оцепенел - прямо на него смотрели два черных стальных зрачка. "Эх, черт возьми, сходил за хлебушком" - пронесся в голове обрывок анекдота. Захотелось плакать, стонать, проситься, чтобы оставили в живых, но в это время из-за деревьев вылетел один Камаз, а за ним - другой. Там тоже сразу поняли, что происходит, и первый Камаз, приняв в лобовое стекло выстрел дробовика, как танк, подмял под себя хлипкие "Жигули", а второй понесся за главарем по полю, но тот ушел через пашню: Камаз - не трактор.

* * *

Переловили их быстро: милиция словно ждала сигнала. Да и куда они могли деться без машины. А тут собаки сразу взяли след... Главарь, правда, выбежал на рыбачка, отобрал у него ключи от его "Запороги", но далеко уйти не успел: едва скрылся за лесополосой, как тут же появился милицейский "Уазик". Рыбачок сразу выскочил, показал рукой - туда поехал. Уазик по кочкам помчался - правильно его называют, скакал как козел. Догнал "Запор" - тот даже на шоссе не успел выехать.

* * *

Из пруда вытащили четыре Камаза. Трупов было больше - в одном когда-то ехали двое водителей...

Кляус Сергей Витальевич, современный русский писатель

Гражданин РФ. Родился в Донецке.

Окончил Военную Академию РВСН имени Петра Великого (бывш. им Дзержинского), Москва.

Последнее место службы - полигон "Капустин Яр", на котором в своё время был произведен первый пуск первой баллистической ракеты СССР.

Писать начал в 1995 году.

Имеет многочисленные публикации на спортивные, художественные и научно-технические темы в Украине, России и США.

ОТ РЕДАКЦИИ

Альманах «Русский рассказ» предназначен для публикации произведений русскоязычных писателей независимо от их гражданства, вероисповедания и политической идеологии.

Альманах «Русский рассказ» – периодический электронный сериальный сетевой журнал, выходит с декабря 2018 года. Периодичность выпуска: декабрь 2018 года – стартовый номер, в 2019 году было выпущено четыре номера, в 2020 году выпущено шесть номеров, в 2021 году запланировано к выпуску шесть номеров.

Издатель и главный редактор - Кляус Сергей Витальевич.
Адрес издателя: Россия, 396335, Воронеж, Отрадное.

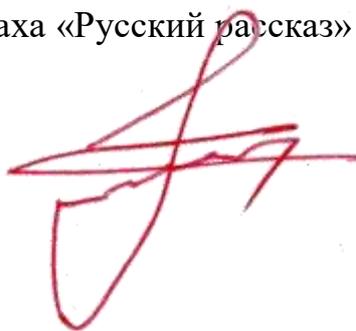
Официальная страница альманаха «Русский рассказ» в интернете:

www.RussianStory.Moscow

Редакция альманаха с удовольствием примет все благожелательные критические замечания и предложения по улучшению содержания и оформления альманаха.

Главный редактор альманаха «Русский рассказ»

25 апреля 2021 года

/ Сергей Кляус /

Федеральная служба по надзору в сфере
связи, информационных технологий и
массовых коммуникаций

Выписка

из реестра зарегистрированных средств массовой информации
по состоянию на 05.08.2020 г.

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия Эл № ФС77-78665
от 04 августа 2020 г.

Статус средства массовой информации: Действующее

Наименование (название) средства массовой информации: Электронный литературный
альманах "Русский рассказ"

Язык(и): русский

Адрес редакции: 396335, Воронежская обл., Новоусманский р-н, п. Отрадное

**Доменное имя сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (для
сетевого издания):** RUSSIANSTORY.MOSCOW

Примерная тематика и (или) специализация: Культурно-просветительское СМИ.
Художественные рассказы

**Форма периодического распространения (вид - для периодического печатного
издания):** сетевое издание

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Учредитель (соучредители): Кляус Сергей Витальевич (СНИЛС 034-983-256 79)

Заместитель начальника
Управления разрешительной
работы, контроля и надзора в сфере
массовых коммуникаций

М.В. Виноградов

ИНФОРМАЦИОННОЕ
АГЕНТСТВО РОССИИ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

о регистрации в Национальном центре

ISSN

и присвоении Международного стандартного номера
сериального издания
(International Standard Serial Number)

Издание: Основное заглавие: Русский рассказ

Параллельное заглавие: -

Ключевое заглавие: Русский рассказ

Номер Свидетельства о регистрации СМИ в Роскомнадзоре: Эл № ФС77-78665 от 04.08.2020

Издатель: Кляус Сергей Витальевич

Место издания: поселок Отрадное Новоусманского района Воронежской области

URL: <http://www.russianstory.moscow>

Язык издания: русский

Периодичность: 1 раз в два месяца

Вид издания: сборник

Версия издания: электронное сетевое

зарегистрировано в Национальном центре ISSN Российской Федерации.

Изданию присвоен номер ISSN: 2713-3117

Владелец номера предупреждается о том, что номер ISSN нужно использовать в строгом соответствии с нормативными документами, не передавать его другим лицам и организациям.

Об изменениях в сведениях, заявленных при регистрации, в т. ч. о любых изменениях в заглавии, изменении издателя, контактной информации и пр. необходимо сообщать в Национальный центр ISSN.

Свидетельство выдал
16.11.2020

/ Наговицына А. В. /

Федеральное государственное унитарное предприятие «Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС)»,
Российская книжная палата

125993, Москва, ГСП-3, Тверской бульвар, д. 10-12, тел.: +7 (499) 791-04-44, web: www.tass.ru